

Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья

(Грановский Т.Н.)

В настоящем издании публикуется курс лекций Тимофея Николаевича Грановского по истории Западной Европы XV—XVI вв. (период, рассматривавшийся в то время как «новая история»), прочитанный им в 1849/50 учебном году студентам третьего курса историко-филологического и второго курса юридического факультетов. Публикация продолжает начатое в 1961 г. издание лекций Т. Н. Грановского по истории более ранних периодов средневековья (V—XIV вв.), в основе которого лежал автограф первого курса Грановского и студенческая запись лекций 1848/49 учебного года.

Предисловие

В настоящем издании публикуется курс лекций Тимофея Николаевича Грановского по истории; Западной Европы XV—XVI вв. (период, рассматривавшийся в то время как «новая история»), прочитанный им в 1849/50 учебном году студентам третьего курса историко-филологического и второго курса юридического факультетов. Публикация продолжает начатое нами в 1961 г. издание лекций Т. Н. Грановского по истории более ранних периодов средневековья (V—XIV вв.), в основе которого лежал автограф первого курса Грановского и студенческая запись лекций 1848/49 учебного года.

Публикуемый ниже курс лекций Грановского создан в пору расцвета творческих сил ученого. Прогрессивное значение его деятельности живо ощущали передовые люди того времени, его современники — революционные демократы. Грановский был близким другом Герцена и Огарева; они сохранили воспоминания о нем — о его мыслях и сомнениях, о реальных чертах его живого и противоречивого характера. Понимание идейной ограниченности позиций Грановского не помешало Герцену в 60-х годах написать, что кафедра ученого выросла в «трибуну общественного протеста».

Грановский привлекал современников обширными знаниями, разносторонними интересами, новым решением многих исторических проблем, ярким ораторским дарованием. Неотразимая сила лекций ученого заключалась в умении поставить события минувших времен в неразрывную связь с острыми вопросами современности, в стремлении отыскать отдаленные истоки позднейших событий и процессов. «Нельзя,— говорил он,— не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением».

Уже в ранних своих курсах Грановский, высоко ставивший общественное назначение исторической науки, говорил, что «история помогает постигать смысл современных событий». Одним из «самых живых вопросов современной науки», одной из важнейших ее задач он считал разработку истории рабов, истории крестьянства.

Изучая различные стороны жизни народа, он глубоко вникал не только в прошлое, но и в современное его положение.

Рассказ историка с кафедры университета о тяжелой судьбе французского или английского средневекового крестьянства, о столкновении свободомыслия с церковным или монархическим деспотизмом звучал резким осуждением крепостнических порядков в России. Поэтому так точны слова Герцена, что Грановский «думал историей... и историей... делал пропаганду».

Интересный материал по этим вопросам содержится и в публикуемых нами лекциях Грановского по «новой истории» (по периодизации, существующей в советской исторической науке, — по истории позднего средневековья). Они важны не только для изучения истории русской средневековщины, но и для исследования русской общественной мысли, для понимания политических настроений передовой русской интеллигенции.

40—50-е годы XIX в.— время особенно тяжелой николаевской реакции — были вместе с тем периодом напряженных идейных исканий передовой общественной мысли. Именно в ту пору начал читать свой курс «новой истории» Грановский. «Это был разгар бюрократического и

унтер-офицерского деспотизма, рассвирепевшего от событий 1848 года, — вспоминал один из студентов Грановского Александр Северцов, — учащуюся молодежь давили формализмом, ссылками на Кавказ в солдаты за неосторожное слово... Реакция торжествовала повсюду.

Университетская дисциплина делалась грубее и мелочнее». Полицейский надзор был установлен и за Грановским. Об условиях, в которых Грановскому приходилось в это время читать лекции, свидетельствует ответ попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова на секретный полицейский запрос о Грановском и о другом известном историком-медиевисте П. Н. Кудрявцеве. Отвечая на запрос, он писал, что «со времени последних событий в Европе надзор со всех сторон должен быть усилен и что если бы они (Грановский и Кудрявцев. — С. А.) позволяли себе на лекциях, посещаемых многими молодыми людьми, говорить что-либо противное духу правительства, то это никак не могло бы остаться тайной». Грановский, хорошо знавший об этом надзоре, говорил: «Я не могу быть уверен, что, пока я на лекции, не читают здесь моих, бумаг и семейных писем». В то самое время, когда читался публикуемый здесь курс, митрополит Филарет пытался призвать его к ответу и вопрошал, почему в лекциях ученого не говорится «о воле и руке божьей». Грановский подвергался постоянным придирам. «В каждом слуге университета — шпион», — с горечью писал он своему другу Неверову. Усилившийся нажим реакции не давал возможности Грановскому раскрывать на лекциях свои антикрепостнические убеждения так, как он это делал в курсах 40-х годов. Не случайно Северцов, слушавший лекции 1849/50 г., упрекал учителя в том, что не нашел в них привычных и желанных для студентов достаточно «резких намеков на современные события». Ответом на упрек Северцова могут служить слова Грановского: «Я иногда не могу говорить так полно и определительно, как желал бы». Однако, несмотря на известную сдержанность этого лекционного курса, и в нем слышится голос Грановского — взволнованного и чуткого современника исторических событий середины XIX в. В его лекциях, по сравнению с курсами более раннего периода, менее явственны отзвуки борьбы с охранителями, споры со славянофилами, нет таких впечатляющих рассказов о судьбах крепостного крестьянства. Это, конечно, объясняется не только трудными условиями университетского преподавания в конце 40-х — начале 50-х годов и не только тем, что история крестьянства и его борьба в позднее средневековье были, видимо, менее известны Грановскому по источникам. На характер курса, несомненно, влияло и то обстоятельство, что само мировоззрение Грановского в это время становится более противоречивым; в своих лекциях он все чаще подчеркивал необходимость мирных путей разрешения социальных противоречий.

Однако историк не поступился основами своих демократических убеждений. Он по-прежнему сочувствует бедствиям крестьян, обращает внимание студентов на народную борьбу в Германии, Франции, Чехии и скандинавских странах, защищает дело просвещения и свободомыслия, ярко рассказывая о его борцах. Грановский стремится рассматривать историю в развитии, как процесс единый и закономерный. «Прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее», — говорил он в 1848 г. В курсе 1849/50 г. он по-прежнему рассматривает исторический прогресс идеалистически, прежде всего как развитие идей, науки, как постепенное достижение нравственных целей. Но здесь заметны уже и поиски новой методологии истории, новых источников исторического познания, возрастает интерес ученого к социально-экономической истории. Как бы предваряя свою актовую речь 1852 г., Грановский говорит о необходимости для лучшего понимания новой истории пользоваться «обширной сферой наук политико-экономических», статистическими данными, способными обогатить историческую науку (л. 3 об.).

Курс 1849/50 г. содержит 49 лекций, из которых публикуются лишь 43 (История Европы XV — XVI вв.). Структура курса отличается от предыдущих курсов Грановского по «новой истории» несколько иной последовательностью изложения материала и его хронологическими

рамками. Так, в 1841 г. Грановский закончил курс небольшим разделом, который подводил слушателей к истории

Французской революции, в 1849/50 г. лекции заканчиваются обзором истории Английской революции. В большей части лекций видно постоянное стремление ученого к теоретическим обобщениям, к выяснению коренных причин исторических явлений, однако некоторые лекции (особенно по истории Германии конца 30—40-х годов XVI в.) носят преимущественно повествовательный характер; историк подчас ограничивается сухим перечнем событий, дат, имен.

Грановский открывает курс введением, в котором стремится научно обосновать деление истории на древнюю, средневековую и новую, показывает их различие. Определяя грани курса, Грановский отмечал, что от средних веков «новая история» отделяется эпохой открытия Америки и началом Реформации в Германии, т.е. концом XV и началом XVI столетия (л. 1). Это время Грановский рассматривал как крупный прогрессивный поворот в истории. «Может быть, в целой истории человечества нет такой торжественной и радостной эпохи, как эта,— говорил он.— Самые сухие исследования ученых носят в то время какой-то лирический характер. Они думали, что долгие испытания кончились, что все идеалы человечества готовы осуществиться». Однако путь к прогрессу труден. В новой истории, подчеркивал лектор, происходила непрерывная борьба «между старыми и новыми элементами», появлялись новые требования, новые идеи (л. 3 об.).

Грановский обычно начинал чтение своих лекций с обзора исторической литературы и источников. В курсе 1849/50 г. нет такого подробного обзора, который мы находим в курсах лекций других лет. Но и здесь Грановский дает подчас глубокие оценки концепций историков, меткие характеристики их работ, часто полемизирует со многими авторами по отдельным вопросам.

Еще в рецензии на книгу Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории», выражая неудовлетворенность состоянием учебной литературы по позднему средневековью, ученый отмечал, что «в иностранных литературах мало сочинений, которые могли бы служить надежным руководством к изучению истории трех последних столетий, или так называемой новой истории. Большая часть книг, написанных по сему предмету, неудобна к употреблению... по слишком одностороннему направлению и пристрастию, которого трудно избежать при изложении столь близких к нам событий». Работы Аксильона и Геерена, по его мнению, «стоят ниже уровня современной науки». Он критиковал Раумерэ, отмечал «ложность выводов» в трудах Лео, «недобросовестность и легкомыслие» Капфига.

Критика этих историков содержится и в лекциях начала 1850г. Грановский снова упоминает работы Капфига, говоря, что они пользуются «у нас репутацией, которой они не стоят ни по учености своей, ни по направлению». Книга Капфига по истории Франции XVI в. наполнена «не только грубыми, но даже нечестными ошибками. Капфиг не раз позволял себе искажать истину; он до сих пор не ответил на требования критиков доказать им те акты, на которые он ссылается» (л. 96). Грановский осуждал историков, произвольно толковавших источники, некритически относившихся к ним; «совершенное отсутствие направления» видел он в некоторых работах Ф. Раумера (л. 33).

Грановский прекрасно знал историческую литературу, в частности по периоду позднего средневековья. Об этом свидетельствует знакомство с книгами его богатой библиотеки.

Рассказывая студентам о недавно вышедших книгах и статьях, он обращал их внимание на труды Мишле, Шлоссера, Мартена, Прескотта, Ранке.

Широко знакомил своих слушателей Грановский и с новыми публикациями источников, сообщая им об издании протоколов судебного процесса Жанны д'Арк, о новых публикациях писем исторических деятелей. Он постоянно напоминал студентам о необходимости работать непосредственно

по источникам, изучать их. Чтобы иметь понятие об инквизиции, говорил Грановский, нужно знать материалы, рисующие ее учреждения: «отсюда пахнёт на нас самый дух этих учреждений» (л. 123). В своих лекциях Грановский широко использовал источники. Немалое место среди них занимали документальные материалы — законодательные, судебные акты, официальная переписка, посольские донесения, папские буллы. Излагая историю Франции XV в., Грановский анализировал ордонансы Людовика XI, материалы донесений венецианских послов, содержащих подробные оценки событий истории Франции и Турции. Его внимание привлекали акты Констанцкого и Базельского соборов. Воссоздавая картины быта и нравов того времени, Грановский обращался к дневникам, эпистолярным источникам, литературному наследию политических деятелей — Никколо Макиавелли и Сюлли.

В лекции нередко включались наиболее выразительные фрагменты из писем и мемуаров. Сочинения Филиппа де Комыина, Лютера, Меланхтона, переписка деятелей эпохи Возрождения, произведения народноготворчества, «знаменитые творения» Рабле, Себастьяна Бранта — все это не только значительно обогащало научное содержание лекций, но придавало им живость и доходчивость.

Особый интерес Грановского привлекали памфлеты — полемические произведения гуманистов и авторов-гугенотов, характеризовавшие острую общественную борьбу. В памфлетах он видел «великий фактор, выражавший общественное мнение и в свою очередь влиявший на него». Так, характеризуя «Мениппову сатиру», он подчеркивал, что этот памфлет исполнен «того здравого смысла, который так сильно действует на народ. Среднее сословие здесь было затронуто умно, ловко и метко. Памфлет распространялся быстро, высказывая затаенные чувства среднего сословия... Этот памфлет помог Генриху IV столько же, как выигранные им победы» (л. 173 об.). Грановский анализировал письма Ульриха фон Гуттена, Лютера, Генриха VIII, Елизаветы и Марии Стюарт.

Знание источников, глубокое проникновение в психологию участников и современников изображаемых событий позволили Грановскому нарисовать яркие образы известных исторических лиц. Многогранны и самобытны в его освещении фигуры Людовика XI и Ричарда III Йорка, Макиавелли, выдающихся деятелей Возрождения.

Начальный раздел курса представляет собой обзор истории Европы XV в. В первых же лекциях по истории Франции (2—5-я лекции) Грановский указывал студентам на тяжелое и бесправное положение крестьянства во время Столетней войны, терпевшего бедствия как от английских, так и от французских феодалов. Он подробно рассказывал о подвиге простой крестьянской девушки Жанны д'Арк, о патриотическом подъеме, охватившем народ, в то время как «ни феодализм (т. е. дворянство. — С. А.), ни общины, ни духовенство не могли отстоять государство» (л. 50б.). К этой же теме борьбы народа против иноземных захватчиков он обращается в 5-й лекции, бегло касаясь истории Швейцарии (л. 13 об.). Как здесь, так и в последующих (6-й и 7-й) лекциях, посвященных истории Англии и Испании XV в., Грановский уделяет большое внимание созданию централизованных государств. В своей докторской диссертации «Аббат Сугерий», написанной в это же время, он высоко оценивал роль королевской власти в процессе централизации, которая, по его словам, была призвана «поддерживать справедливость и порядок... в пользу всех». В характеристике Людовика XI (лекция 5-я) сказывается та же идеалистическая тенденция в трактовке королевской власти как защитницы всего общества. Показывая, на какие общественные силы опирался король в борьбе

против феодальной раздробленности, Грановский подчеркивал сложность его политики по отношению к городам: используя поддержку горожан, крепнувшая королевская власть вслед за тем уничтожила независимость городов. Аналогичные явления отмечались им и в истории Испанского государства.

Грановский рассматривает также сословное представительство в XIII—XV вв. Эта тема всегда волновала его и служила материалом для выступлений против самодержавного деспотизма. Однако он трезво оценивает возможности средневековых представительных учреждений, понимает шаткость положения Генеральных штатов, ограниченность прав английского парламента в тот период. Позднее историк отмечал иллюзорность гражданских свобод, провозглашенных Великой хартией вольностей.

Очерчивая круг проблем и исторических явлений, которые как бы отделяют новое время от предшествующих столетий средневековья, Грановский намечает различие в судьбах таких крупных европейских государств, как Франция и Англия, и тех стран, в которых феодальная раздробленность осталась непреодоленной. В этой связи оцениваются (16—17-я лекции) значение и результаты так называемых итальянских войн, главной жертвой которых и оказались раздробленные государства,— иначе говоря, устанавливается непосредственная связь между «внутренней историей Италии» и международными событиями. Усиление централизации, общественные перемены XV—XVI вв. Грановский связывал с «процессом образования национальностей», происходившим в Европе (л. 2 об.).

Интересны его попытки определить понятия «народность» и «национальность».

Важное значение Грановский придает великим географическим открытиям и их последствиям в жизни народов. Рост знаний о природе, развитие географии, астрономии, возникновение представлений о шарообразности Земли создали важнейшие предпосылки для открытий Колумба: «Новый, неожиданный мир открылся... человеку» (л. 48 об.).

Основное содержание большого раздела курса (11 — 14-я лекции) — борьба гуманистических идей с реакционным католическим мировоззрением. Грановский взволнованно рассказывал о столкновении пытливой передовой мысли со схоластикой, о конфликте между наукой и церковью. Церковь стремилась подавить ереси, одержать над ними «кровавую победу». Весь свой арсенал — инквизицию, призванную «судить мысли человека» (л. 32 об.), монашеские ордена — все пустила она в ход против новых идей и науки. Однако католическая реакция не смогла помешать зарождению и развитию гуманистических идей.

Грановский еще не видел связи между их появлением и социально-экономическими изменениями: для него гуманизм — это прежде всего расцвет новой культуры. Лектор останавливается на творчестве Данте — поэта и мыслителя, «стоявшего на рубеже... двух миров» (л. 34), Петрарки, Боккаччо, на произведениях народной поэзии и городской литературы. В 14-й лекции Грановский рассказывает о «странствующих рыцарях науки» — немецких гуманистах.

Хотя Грановский еще не выделяет отдельных направлений в гуманизме, все его симпатии на стороне тех, кто открыто и решительно вступал в поединок с церковью, со схоластикой. Таков в его представлении Ульрих фон Гуттен, чье творчество было тесно связано с народной сатирой, разившей алчность, невежество и лицемерие духовенства. Связывая создание «Писем темных людей» с именем Ульриха фон Гуттена, Грановский высоко оценивает сатирическую направленность этого произведения, имевшего большой общественный резонанс. В этом разделе много внимания уделено Макиавелли, которого Грановский считал выдающимся историком и политическим мыслителем. Раскрывая роль его наследия в политической жизни

Европы, ученый четко отделяет собственные идеи Макиавелли от того, что позднее стало именоваться «макиавеллизмом».

Реформация в Германии, ее причины, роль Лютера в этом общественном движении рассматриваются в лекциях 18—27-й. В отличие от гуманистических идей, которые не имели, как полагал Грановский, массового распространения, реформационное движение XVI в. охватило широкие слои народа. Излагая события немецкой Реформации, Грановский использовал фактический материал книги Ранке. Однако многие важные проблемы Реформации и Крестьянской войны 1524—1525 гг. Грановский излагает по-своему, со своих идейных позиций. Он уделяет большое внимание проявлениям свободомыслия, немецкому гуманизму, дает свою оценку еретическим движениям, роли Лютера как реформатора.

Грановский глубже Ранке раскрывает причины Крестьянской войны, понимая ее историческую обусловленность и рассматривая ее как направление Реформации. Он подчеркивает антагонизм между феодалами и крестьянами, с сочувствием говорит об их ужасной участи после поражения восстания, осуждает позицию Лютера, призывавшего немецких князей к жестокой расправе с восставшими.

Эти оценки характерны как для ранних, так и для поздних курсов Грановского. Но в курсах начала 40-х годов Грановский, опираясь на материалы работы демократического историка Циммермана, более подробно раскрывал историю Крестьянского восстания, подчеркивая, что оно было «без сомнения, самым сильным, самым значительным в ряду крестьянских движений», и признавал большое влияние Мюнцера на массы. В последующую пору, в 1853—1854 гг., судя по дошедшим до нас материалам лекций, Грановский отчасти возвращается к тем проблемам, которых он мало касался в публикуемом нами курсе 1849/50 г., однако его суждения и оценки событий отличаются от первоначальных. Сопоставление курсов различных лет показывает, что это не объясняется лишь цензурными условиями.

В годы углублявшегося кризиса феодально-крепостнической системы в России Грановский опасался возможности революционного разрешения социальных конфликтов, что наложило отпечаток и на его лекции. Именно поэтому его смущали решительные действия крестьянства, восставшего в прошлом, радикализм идей Мюнцера и особенно опыт Мюнстерской коммуны, которую он оценивал отрицательно. Бегло касаясь ее деятельности, историк осуждает ее уравнилельные тенденции (25-я лекция).

В лекциях 22 — 27-й рассматривается главным образом история Германии 30—40-х годов XVI в., борьба католических князей и Карла V с распространением протестантизма, анализируется позиция папы в этих событиях. Столкновение различных сил в ходе Шмалькальденских войн имело, в изложении Грановского, не столько религиозный, сколько политический смысл.

Рассказывая о Реформации, историк показывает, что вначале ее исторические условия толкнули Лютера к открытому протесту против католицизма. Лютер без колебания произнес прозвучавшие на всю страну слова: «На этом стою». В 26-й лекции критически оцениваются последние этапы деятельности Лютера: разрушив «единство католической Европы», реформатор не оправдал пробужденных им «тревожных ожиданий» современников. Он счел Реформацию законченной в тот исторический момент, когда «другие полагали, что ничего еще не сделано и что дело только начинается». Требования «более последовательных умов» не были удовлетворены (л. 85).

История Реформации в Швейцарии освещается в лекциях 27-й и 28-й, где характеризуется также и деятельность Кальвина. С негодованием говорит Грановский о нетерпимости

кальвинистов, об учиненной ими жестокой расправе над идейными противниками (Жаном Грюйе и Серветом): «Католики могли... по праву сказать протестантам: зачем вы упрекаете нас в стеснении религиозной свободы, когда сами казните тех, кто ею пользуется?» (л. 98).

Немало места отведено в курсе истории контрреформации в Европе. В 33-й лекции Грановский, рассказывая о зарождении ордена иезуитов, отмечает, что хорошо организованные, воинствующие иезуиты действовали против протестантизма подчас эффективнее инквизиции. Он показывает мораль иезуитов, их стремление поработить волю человека, превратить его в слепое орудие церкви. В этих же лекциях излагается деятельность Тридентского собора как важного этапа контрреформации.

История английской Реформации, начало которой Грановский связывает с личными и династическими интересами Генриха VIII, составляет основное содержание 29-й лекции. Характеризуя деспотическое правление этого монарха, Грановский выясняет отношение королевской власти к парламенту. Не вскрывая основы антагонизма между различными социальными группировками в стране, Грановский подчеркивает лишь, что в Англии так же, как и в Германии, «религиозный вопрос сливался с национальным». То же положение о переплетении в Англии религиозных и политических разногласий Грановский повторяет в 43-й лекции, посвященной времени Елизаветы; значительное место здесь занимает ее конфликт с Марией Стюарт. В то же время в лекции освещается, главным образом с фактической стороны, внешняя политика Англии XVI в. Грановский подчеркивает также значение этого периода английской истории в развитии мировой культуры. В 30-й и 31-й лекциях Грановский излагает историю скандинавских стран.

При рассмотрении истории Испании и Португалии (34—37-я лекции) Грановский обращает внимание на социально-экономические проблемы. Он подчеркивает, что развитие торговли в Португалии, связанное с захватами новых земель, лишь ухудшило положение народных масс: «Во второй половине XVI столетия является здесь общее обеднение народа, именно низшего класса; богатства скопляются в руках немногих купцов и аристократии, принимавшей участие в торговых оборотах. К довершению несчастья к этим крайностям присоединилось то, что... иезуиты получили в Португалии великое влияние» (л. 146). Говоря о хозяйственном развитии Испании, Грановский отмечает, что в середине XVI в. в ряде ее провинций «процветало земледелие и скотоводство... Испания «...отпускала за границу на огромные суммы хлеб ... вино и шерсть. Ее мануфактурная промышленность ставила ее наряду с первыми промышленными народами того времени» (л. 130).

Крупнейшей в промышленном и торговом отношении страной, входившей тогда в состав Испанской монархии, Грановский считал Нидерланды, которые были, подчеркивал он, «перлом в венце испанского короля» (л. 130 об.).

Хозяйство Испании к концу XVI в. переживает упадок. Причину этого историк видит не только в истощавшей экономику Испании борьбе с Нидерландами, но и в том, что большая часть доходов из американских рудников «шла в частные руки» (л. 145 об.).

Нидерландская революция, которую Грановский рассматривает в тесной связи с историей Испании XVI в. (лекции 34—36-я), представляется ему прежде всего как освободительное движение. Религиозная окраска этого движения не заслоняет главной его задачи, с точки зрения Грановского,— патриотической, национальной. Грановский лишь вскользь затрагивает возникшие в ходе освободительного движения в Нидерландах социальные проблемы, отмечает расхождение интересов знати и народа, рассказывает о выступлении гезов и иконоборчестве. Он обращает внимание на карательную политику герцога Альбы, который «казнил, можно сказать, весь народ, обложив его... налогами» (л. 137 об.). Деспотизм и жестокость Альбы встретили

сопротивление народа. Ярko, с увлечением рассказывал Грановский студентам об осаде Лейдена, об отваге и героизме его защитников, изнемогавших в кольце осады, но не сдавшихся врагу.

В ранее прочитанных лекциях (16-й и 17-й) Грановский говорил об усилении монархии во Франции в первой половине XVI в. Он отмечал своеобразие французского гуманизма, рассказывал о реформационном движении, о галликанизме. В лекциях 38—40-й Грановский показал Францию времен религиозных войн, переросших в многолетние гугенотские войны. Не вдаваясь в детальный анализ расстановки общественных сил во время этих войн, Грановский подчеркивал, что для оскудевшего французского дворянства протестантизм оказался политическим знаменем. Он показывал позицию горожан в ходе религиозных войн, отмечая безучастность основных масс крестьянства к тогдашним религиозным разногласиям, к гугенотской оппозиции. С возмущением рассказывает он о Варфоломеевской ночи, расценивая ее как «бесполезное преступление» (л. 165).

Рисуя реалистические образы политических деятелей этой эпохи, Грановский подчеркивает безразличие Генриха IV как к католической, так и к протестантской религии, отмечая, что его переходы от одной религии к другой диктовались изменениями политической ситуации. Признавая общую прогрессивную направленность деятельности Генриха IV, Грановский, однако, отмечает его жестокость и политическое вероломство.

Грановский сумел создать стройный, насыщенный богатым фактическим материалом курс истории позднего западноевропейского средневековья. Историчность в подходе к прошлому, стремление не ограничиваться освещением истории одних только европейских народов, глубина и самостоятельность истолкования многих узловых проблем истории этого периода, что в значительной степени объясняется демократичностью идейных позиций Грановского, делало курс выдающимся явлением в университетской жизни и исторической науке того времени.

В первой лекции, открывавшей этот курс, Грановский определяет место и значение «новой истории» в общем процессе исторического развития. Он подчеркивает связь эпох и периодов, борьбу между наследием ушедших времен и вновь возникающими требованиями общественного развития. Именно поэтому «явления новой истории так разнообразны и так обусловлены, что обозреть их можно, только став на вершину науки современной». Грановский и являлся тем ученым, который стоял вполне на уровне тогдашней прогрессивной науки. Он был, как отмечал Н.Г. Чернышевский, просветителем своей нации, «одним из первых историков нашего века, ученым, который был не ниже знаменитейших европейских историков» .

* * *

В отделе письменных источников Исторического музея хранится толстая переплетенная тетрадь (206 л.) студента Петра Бессонова, содержащая записи курса Грановского, прочитанного студентам третьего курса историко-филологического факультета в 1849/50 учебном году. Текст записи Бессонова и публикуется в этой книге. Однако запись Бессонова — не единственный дошедший до нас текст курса 1849/50 учебного года. Этот курс Грановского по «новой истории», дошел до нас в нескольких параллельных студенческих записях.

Для курсов 1841/42, 1843/44, 1850/61, 1853/54 годов пока найдено только по одной - единственной записи или сохранились лишь фрагменты второй записи за один и тот же год. Таким образом, публикация именно курса 1849/50 учебного года продиктована не только тем, что он создавался в пору зрелости ученого, но и тем, что он сохранился в нескольких записях студентов.

Запись Бессонова — наиболее полная из всех имеющихся за этот год. Она особенно ценна, так как на большей части этой рукописи имеется правка самого Грановского, на полях многих страниц есть пометы — «1849 г.», «1850» и указания на день, когда читалась лекция. Часть рукописи (лл. 1—74, 191—206) представляет собой черновую запись Бессонова, сделанную непосредственно на лекциях: слова подчас сокращены и расшифровывались Бессоновым впоследствии. Другая часть (лл. 75—190) содержит перебеленный Бессоновым текст записей лекций 22—49-й. Именно на этой белой части имеется правка Грановского.

Очевидно, впоследствии Бессонов переплел вместе две разные тетради.

Вторая запись принадлежит Петру Бартеневу. Она представляет собой в основном черновой, необработанный текст и потому точнее всего воспроизводит живую речь Грановского. В черновой записи, сделанной рукой Бартенева, в середине и в конце текста содержатся переписанные разными почерками и даже литографированные записи отдельных лекций.

Третья запись — студента второго курса юридического факультета Дмитрия Наумова. Это — текст лекций Грановского, переписанный набело, частично писарем, частично — Наумовым. Часть лекций в записи Бессонова, исправленная Грановским, в записи Наумова уже учитывает правку лектора.

Это дает нам право предположить, что и первая часть записей (черновая и неправленая в тетради Бессонова) правилась Грановским по другому, не дошедшему до нас беловому экземпляру, и эта правка тоже учтена в первой части рукописи Наумова. К сожалению, студенческие записи лекций не могут передать, конечно, всю красочность изложения материала. Живое, горячее устное слово Грановского порой становится тусклым и бесцветным в этих беглых записях.

Из трех студентов, записи которых используются в настоящем издании, двое — П. А. Бессонов и П. И. Бартенев — сыграли впоследствии выдающуюся роль в истории русской науки и литературы. Бартенев с 1863 г. издавал «Русский архив», журнал, на страницах которого публиковались ценнейшие материалы по истории науки, культуры, важные для отечественной истории архивные документы XVIII—XIX вв. Примыкая, как и Бессонов, к славянофилам, Бартенев в то же время, как теперь установлено, был одним из тайных корреспондентов «Полярной звезды». С опасностью для жизни ездил он в Лондон к Герцену. П. А. Бессонов, в будущем известный славист и литературовед, с 1879 г. профессор Харьковского университета по кафедре славянских наречий, со студенческих лет собирал русские, белорусские песни, позднее он издал собрание болгарских и сербских песен, снабдив их комментариями. Известен своей деятельностью и Д. А. Наумов, ставший с 1865 г. председателем Московской губернской земской управы.

Поэтому значение записей этих студентов выходит даже за пределы интереса к научному и педагогическому наследию Грановского. Это также страницы биографии двух других ученых,

материалы для истории русского студенчества и Московского университета в переломную эпоху русской жизни. С этой точки зрения не могут не привлечь внимания интересы этих студентов, их духовный облик.

Сохранился достаточно широкий круг источников для знакомства с этим вопросом: переписка Петра Бессонова, Александра Прейса, Алексея Казановича, Владимира Собчакова и других студентов с Петром Бартевым. Любопытные сведения об их жизни дают дневник П.И.Бартева и воспоминания студента Александра Северцова.

Известно, как велико было влияние Грановского на студентов и их увлечение его лекциями. Тесное общение студентов с Грановским прививало им интерес не только к большим проблемам истории, но и к жгучим вопросам современности. Переписка и дневник содержат свидетельства о встречах и беседах студентов с Грановским, об их отношении к бурным событиям этого времени. «...Был поутру у Грановского,— записывает в своем дневнике Бартев,— говорили о подлостях современной и особенно французской внутренней политики, о донашиваемой цивилизации...». Сходные вопросы обсуждаются Грановским, возмущенным наступлением реакции во Франции после подавления революции 1848 г., и в беседах с Северцовым.

Круг студенческих интересов широк: наука и политика, музыка, литература, театр. Тонкие замечания о Шуберте, сближающие его романтику с настроениями поэзии Лермонтова, делает в своем письме к Бартеву студент Прейс. Казанович и Бартев обмениваются мнениями о повести «Кто виноват?». Интересно письмо Казановича Бартеву о «Мертвых душах»: роман Гоголя дает ему повод для большого разговора о тяжелом положении крестьянства, особенно белорусского. В письмах Бессонова, Казановича, Собчакова и других студентов к Бартеву, в которых, естественно, много места занимают университетские новости, неизменно вторгается бурлящая вокруг них жизнь.

В университетские годы Бартев, Бессонов, Собчаков, Прейс были заняты не только учебой. Порой они нуждались, поэтому давали уроки, рано начали заниматься литературной работой и трудились много и упорно. Студенты составляли указатели к древнерусским памятникам, к «Лаврентьевской летописи», к «Русской правде».

В своих письмах Бессонов упрекает Бартева за нерадивость в подготовке примечаний к летописи: «Умоляю тебя,— пишет он,— ради бога, ради науки, ради России, для которой ты пишешь, не портить твоего и нашего дела».

Этих студентов никак нельзя отнести к кругу молодых бездельников, которых сам Бартев называет представителями «золотого тельца, без мозга, без чувства». Однако они не принадлежали, видимо, и к той части молодежи, которая проникалась материалистическими и революционными идеями и, по словам Герцена, была в идейном отношении ближе к нему, чем к Грановскому.

С первых курсов Бартев сблизился с Бессоновым и другими студентами: «Мы сходились в университете, где поочередно клали фуражки на первой скамейке от кафедры, чтобы лучше слышать слова профессора и записывать лекции», в частности, и по «новой истории».

Они интересовались записями друг друга, обменивались ими, а также сверяли тексты. В письмах Бессонов неоднократно просит Бартева прислать лекции: «Хорошо, если бы привез мне лекцию..., которую составлял. Ужли она до сих пор не составлена?» В другой раз он пишет о лекциях по новой истории, «поправленных» Грановским, и просит друга положить «во шляпу

Грановского» для последующей его правки одну из этих лекций: «другие же две лекции возьми себе списывать». В рукописи Бартенева мы действительно находим эти списанные лекции.

Тщательная работа над лекциями любимых профессоров, и прежде всего над лекциями Грановского, была для студентов общим делом. Они сохранили в своих записях содержание лекций ученого, его мысли, идеи.

* * *

Лекции Грановского (1—43) публикуются в соответствии с правилами издания исторических документов. Как уже говорилось, в качестве основного текста принята запись Бессонова, воспроизводимая как в черновой своей части, так и в белой, исправленной Грановским. Правка Грановского выделена полужирным шрифтом. Сопоставление разных записей одних и тех же лекций дает возможность выявить разночтения. Поэтому мысль, выраженная неясно или неточно в записи Бессонова, уточняется и поясняется приведенным в подстрочных текстологических примечаниях текстом другой записи за тот же год. В подстрочных примечаниях отмечены и вообще все важные расхождения в текстах различных записей. Примеры иного изложения фактов или иной их оценки в курсах лекций за другие годы (1841/42, 1843/44, 1850/51 и 1853/54), отражающие эволюцию взглядов Грановского, приводятся в конце книги в примечаниях справочного характера. Они обозначены цифрами, подстрочные примечания — буквами. Подстроку вынесены также примечания Бессонова, в подлиннике сделанные на полях и не являющиеся частью текста. Они обозначаются звездочками.

Иноязычные транскрипции имен, терминов, выражений, дат, в подлиннике помещенные на полях, а также многочисленные вставки в черновой части записи Бессонова при публикации внесены в текст без оговорок.

Недописанные слова восстановлены путем сличения с другими записями курса. Искорректированные слова исправлены в публикации и даны в квадратных скобках, явные описки исправлены без оговорок. Зачеркнутый текст, имеющий какое-либо смысловое значение, приведен в подстрочных примечаниях. Утраченный текст обозначен многоточием.

Текст публикуется по правилам современной орфографии.

Собственные имена и географические названия за редким исключением даются в написании подлинника.

Примечания к лекциям 1—5, 7—14, 18—23, 26—27, 30—33, 37—42 составлены С.А. Асиновской; 6, 15—17, 24-25, 28-29, 34-36, 43 - Л.А. Никитиной.

* * *

При подготовке этого издания были использованы ценные советы Ф. Н. Арского, Е. В. Гутновой, С. В. Житомирской, Я.А. Левицкого, А.Д. Люблинской, К.А. Майковой, Л. Н. Пушкарева. В подготовке примечаний к лекциям по истории Франции большую помощь оказала В.Л. Романова.

Ряд важных замечаний был сделан в процессе обсуждения публикации в Секторе истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР и в Секторе истории средних веков Института всеобщей истории АН СССР. Составитель благодарит сотрудников Отдела рукописей Библиотеки им. В.И. Ленина, Отдела письменных источников Государственного

Лекции 1849/50 г. Новая история.

Лекция 1 (10 Сентября)

Мы будем заниматься историей последних 3-х столетий, так называемой новой историей.

Известно, каким рубежом этот отдел истории отделяется от истории средневековой — открытием Америки, началом движения реформационного в Германии. Следовательно, последними годами XV и первыми XVI столетия начинается эпоха, к изучению которой мы приступим. Мы имели случай сказать в предыдущих курсах о самоуправном делении истории на периоды, но отделение истории средней от новой основано на самой сущности предмета. Если мы всмотримся в отличительный характер этих отделов истории, мы увидим здесь глубокое различие, мало — отрицание новою историей того, что служило содержанием истории средней. Характеристические особенности новых веков выдаются при сравнении их с древними и средними веками. Если обратимся назад, к древней истории, мы увидим, что она начинается на Востоке, в Азии, завершается на берегах Средиземного моря, около которого жили главные исторические народы древнего мира; Греция и Рим — вот два главных деятеля древней истории. Известен характер греко-римской жизни, по преимуществу муниципальный. Гражданин взял верх над человеком. Государство подчинило себе все остальные области человеческой деятельности и наложило печать на всю религию, искусство; человек настолько пользовался правами, насколько принадлежал тому или другому государству.

Без определения гражданина ему нет места. История средних веков принимает другой характер; театр истории становится шире; от берегов Средиземного моря, сделавшегося Римским озером, история идет далее на север, народы германские становятся на первом плане; Восточная Европа — древняя Скифия постепенно вдвигается в историю, хотя передовыми народами своими, живущими на окраинах германского мира.

Но не одно это внешнее различие отделяет среднюю историю от древней. Другие формы жизни, другие понятия отличают их. Между тем как древняя жизнь была муниципальная, каждый город был отделен, пока Римская империя не расплавилась в себе самой. В истории средних веков, преимущественно в первые 7 столетий этого отдела, города не играют почти никакой роли. Властители народонаселения, на плечах которых лежит история, живут вне городов.

Мы видели, как в истории средних веков эти внешние условия жизни, замок, доспех, вооружение содействовали к образованию тех неукротимых характеров, своенравных личностей, которые не склонялись ни пред кем. Между тем как в древнем мире отдельные личности терялись в государстве, в средней истории лицо ставит себя бесконечно выше государства; феодализм отрицал государство; мы бываем часто принуждены употреблять выражение: феодальное государство, но в сущности этого государства не было. Под государством разумеется органическое целое, где каждый член имеет свои должности, свои права: в феодальном государстве только господствующее сословие имело права.

Еще одно великое различие между средним и древним миром — религиозное: в древнем мире каждый народ имел свою религию, религия была народною, продуктом национальности, как искусство; в древней мифологии каждый народ выразил сам себя, создавая ее по своему образу. Отсюда свирепая вражда народов древнего мира; сражаются не только люди, но и

божества. Рим в знак примирения собрал богов в Пантеон, но насильно боги не помирились, образовалось новое безобразное религиозное служение, источник постоянного неверия для образованных и суеверия для необразованных.

Оторванные от родной почвы божества древнего мира потеряли всякое значение; их место было там, где создала их народная потребность; они оторвались от родины и не пристали к Риму. Совсем другое в среднем мире: здесь одна религия, соединяющая все человечество в одно великое братство, обещающая ему единую будущность. Распространение этой религии пространственное, ее судьбы составляют один из самых важных отделов истории средних веков. Эта общность религии, принятой западными народами, условила возможность единой европейской цивилизации.

Несмотря на расколы и реформации, западная цивилизация сохранила при всех разнообразных народных цивилизациях нечто общее, общую европейскую цивилизацию, в которую каждый из этих народов принес свою дань. Но эти борьбы религиозные, которых был свидетелем древний мир, распространились еще в большем объеме в средних веках; целые массы и системы религиозные боролись - такова была борьба христианства с исламом.

Была одна страшная пора для человечества западного - VIII век, когда в порывах первого одушевления поклонники ислама завоевали всю Северную Африку и грозили тем же Европе. Флот арабийский осаждал Константинополь, войска - Пиренейский полуостров. Острова Средиземного моря были большей частью в руках магометан. В этом первом столкновении христианство должно было уступить много стран, покрытых остатками древней цивилизации.

С конца XI столетия эта борьба принимает новый оборот. Наступательное движение принадлежит уже христианству. Войны, известные под именем крестовых походов, кончились, по-видимому, неудачно для Западной Европы, она должна была отказаться от завоеваний своих; но Европа вынесла из этих войн другое, духовное, внутреннее завоевание. Победа ислама была только наружная, внешняя. Последним актом в битве ислама и христианства было падение Византийской империи, одряхлевшей, ограниченной почти в одном городе, отрезанной от христианских народов, ибо турки успели занять славянские земли, откуда они набирали своих ратников.

Новая история открывается при обстоятельствах, по-видимому, неблагоприятных. Южный конец Европы занят могущественным воинственным племенем, вся тяжесть борьбы с ним пала на Польшу и на Венгрию. Венецианская республика помогала им, но занята была еще другими своими делами. Наконец, еще одно великое характеристическое явление, отличающее Европу новую от средневековой. Мы видели, до какой степени были упрямы античные национальности, у которых было все отдельное, даже религия; можно сказать без преувеличения, что идея национальности чужда средневековому миру, он не знает народностей, знает лишь сословия. Везде, на всех концах Европы у феодального владельца общие враги - города и вилланы. На всех концах Европы идет мучительный процесс образования национальностей; деятелями здесь - монархи; надо было задавить и непокорную общину и непокорный замок, за стенами которого феодальный владелец считал себя таким же господином и властителем. Надо было, чтобы эти упорные особенности сплывались в национальности. Этим мучительным процессом исполнены XIV и XV век. Не без труда, не без страшных борений образовались они. Феодализм, разбитый, лишенный политической самостоятельности, сохранился в преданиях, в надеждах; в продолжение XVI, XVII столетия он являлся в разнообразных формах, не принимая [уже] имени

феодализма, но мы увидим не раз его попытки выразить свою власть. Не говорим о пространственном различии новой истории от средней и древней, о тех землях, которые вошли в состав истории в течение средних веков. Целый мир, Америка, Новая Голландия присоединились к прежним землям, и Европа стала сбывать сюда избыток своего народонаселения, делая там смелые опыты - образовывать новые общества на основании неудавшихся прежде идей.

Таким образом между историей средней и новой есть глубокое различие. Но всякий раз, когда падает один порядок вещей, являются вестники, которых опытное око умеет узнавать падение. Тогда против всякого прежнего направления является новое решительное направление. У средних веков была своя география, свое государство, своя церковь и наука. И вот в исходе XV столетия является Христофор Колумб и разбивает рубежи, поставленные миру в средних веках. Новому человечеству тесно в прежних пределах. Предвидимы были страшные борьбы... Христофор Колумб приготовил убежище для беглецов. У средних веков было свое государство, свои политические теории. В конце XV и начале XVI столетия раздается страшный голос флорентийского гражданина Николая Макиавелли.

Более резкого отрицания средневековых теорий нельзя себе представить. И единство средневековой церкви было разбито Реформацией в немногих личностях, которые смело начали борьбу. Но средний век еще не изжил всех начал своих до конца. Наконец, средневековая наука, схоластика, некогда столь блестящая и смелая, сделавшаяся в 14 и 15 столетиях наукою о формах, бесплодною, которой назначением сделалось защищать истины и понятия средних веков, и эта наука разбивается усилиями гуманистов: Эразм, Рейхлин поднимаются против нее. За ними - юная дружина людей, изучивших и уважающих глубоко классическое искусство. Повсюду, одним словом, замечен разрыв между средневековою и новою жизнью. Может быть, в целой истории человечества нет такой торжественной и радостной эпохи, как эта. Самые сухие исследования ученых носят в то время какой-то лирический характер. Они думали, что долгие испытания кончились, что все идеалы человечества готовы осуществиться. События не оправдали этих надежд: XVI и XVII века представляют нам страшные борьбы между старыми и новыми элементами. Человек нетерпелив; он думает, что с падением одного тотчас начинается лучшее, но история не торопится. Разрушая один порядок вещей, она дает время сгнить его развалинам, и разрушители прежнего порядка никогда не видят своими глазами той цели, к которой шли они. Следовательно, мы увидим в новой истории постоянные, непрерывные борьбы между уцелевшими элементами средних веков, новые требования, новую науку, новые идеи. Это дает новой истории такой драматический характер.

Изучение новой истории сопряжено с значительными трудностями. Обыкновенно полагают, что древняя и средняя истории требуют большого вспомогательного знания филологических средств, мелких исследований; но, в сущности, это относится к новой истории. Явления ее так разнообразны и вместе так связаны, что обозреть их можно только ставши на вершину науки современной. Таким образом, обширная сфера наук политико-экономических должна быть пройдена здесь историком. В наше время статистические цифры играют великую роль и дают ключ к уразумению явлений. Не говорим уже о том, что здесь необходимо знать и понимать древнюю и среднюю историю.

Raumer. Geschichte der letzten drei Jahrhunderts. (прим. ред. Речь идет о книге Ф. Раумера: Fr. Raumer. Geschichte Europas seit dem Ende des fünfzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1832-1843. Грановский, отзываясь о книге Раумера, говорил: «Новая история Раумера по обширности своей не может быть учебной книгой. Сверх того она содержит в себе, собственно, только историю германо-латинских народов. Изложение русской истории, не говоря о его недостатках, начинается с Петра Великого. О Турции, игравшей столь важную роль в 16 и 17 столетиях, почти ничего не сказано. Наконец, литература, в которой можно проследить все движения

общественного мнения в Западной Европе, не вошла в состав принятого Раумером плана».) Всегдашние достоинства и недостатки автора: большая начитанность, не всегда критическое употребление источников и совершенное отсутствие направления; автор старается всегда удержаться на срединной точке, у него всегда те и другие неправы, истина лежит у него в середине, но он ее очень редко сам высказывает. 7 томов, 8-й том доведет историю до французской революции. Он вовсе упустил из виду земли вне Европы, что составляет значительный недостаток в его сочинении... Впрочем, все-таки это лучшая книга. Меньшего объема Ragon. *Precis d'histoire moderne* недурное. Еще очень недурное компилированное, но удобное для употребления Le Bas. *Precis d'histoire moderne*. 2 толстых тома.

Лекция 2 (13 Сентября)

Мы сказали о рубежах средней и новой истории. Но приступая к изложению событий, должно предварительно указать на состояние европейских государств в исходе XV столетия. Мы увидим, как в каждом из этих государств происходило тогда разложение прежнего порядка и зачатие нового; потом посмотрим на литературу.

По национальностям народы тогдашние делились на 3 великие группы - романскую, скандинаво-германскую, восточную - мадьяров и славян. Между народами романского происхождения первое место по политическому значению занимала Франция. Можно сказать, что с начала XIII столетия стала она в числе первенствующих государств.

При первых Капетингах ее политическое значение было невелико. Людовиг VI, Людовиг Толстый увеличили это значение вмешательством в распри с папами. Франция по обычаю стала на стороне церкви; это придало ей великое значение и влияние на общественное мнение. Святой Людовиг, один из замечательнейших государей средних веков, скрепил своею личностью союз церкви и королевства. Он дал какой-то нравственный характер Франции, освятив ее своим личным характером. Для него высшим законом был закон нравственный, и для него он шел часто против политических видов, по-видимому.

Но на самом деле этим в народах он возбудил неограниченное к себе доверие, которое досталось на долю и его преемникам.

Преступления Филиппа Красивого, ошибки дома Валуа не могли смыть характер, приданный Людовигом королевской власти. При династии Валуа из дома Капетингов Франции суждено было испытать самые разнородные бедствия; здесь более чем где-либо обнаружилась несостоятельность феодализма и вообще средневековых учреждений и форм, чтобы отстоять государство. Когда завязалась борьба между Францией и Англией, феодальные бароны терпели одно поражение за другим; это было тем значительнее, что победителями были большей частью простые стрелки ирландского и валлийского народонаселения.

Впервые пришлось феодальной рати испытать такое страшное поражение. Не говоря о значении великих битв при Креси, Пуатье, Азенкуре, нравственное их значение было еще выше. Ленная аристократия утратила славу непобедимости и перестала считаться сословием исключительно способным к оружию; надо было вызвать другое сословие для этого; но община в этом случае также не удовлетворяла ожиданиям. Каждый из этих средневековых элементов искал сохранить свои частные, местные интересы. Духовенство французское скоро примкнуло также к англичанам, признавая их владычество. Когда дела Франции были в плохом состоянии и на престоле французском сидел Генрих VI Плантагенет линии Ланкастерской, когда большая часть областей признала его владычество и последний Капетинг едва находил убежище в западных областях Франции,- неподалеку от Вандеи жил Карл VII,- в эту эпоху совершилось

дело, которого смысл не легко отгадать доселе: простая дева выступила для спасения Франции. Известно, как много разнородного говорили об этом загадочном явлении. Уже между современниками Анны д'Арк поднялись насмешливые голоса; в массе ее считали колдуньей, в высших слоях обманщицей или обманутой, подставленной тещей Карла VII.

18 век, сообразно со своим направлением, внес Деву Орлеанскую в число лиц, прославившихся в истории счастливым обманом. Вольтер затемнил ее поэтическим, но безнравственным произведением. Только исследования нашего времени дали возможность понять это явление. Процесс Орлеанской Девы издан в наше время. Мы видим в ней одно из тех предназначенных провидением существ, одаренных необычайной живостью впечатлений, глубокой душой, рано начавшей скорбеть о бедствиях тогдашней Франции. Ей эти бедствия были известны не по слухам, она беспрестанно видела толпы, бежавшие из стран, занятых англичанами, видела часто зарева пожаров. Ее постоянно мучила мысль о бедствиях Франции и о спасении ее. И вот, наконец, ей стали показываться явления, она стала слышать голоса. Разумеется, между простыми поселянами слава ее не могла произвести важного влияния. Когда она пришла с дядей к одному из соседних рыцарей и просила провести ее к королю, тот посоветовал дяде дать ей пощечину и отвести домой. С такими трудностями недоверчивости предстояло ей постоянно бороться. Не принимая за положительный факт рассказ о ее свидании с Карлом, мы можем объяснить очень просто ее влияние на короля. Это случилось в то время, когда англичане осаждали Орлеан; если бы они его взяли, национальное дело окончательно бы погибло. Приверженцами Карла овладели безнадежность и уныние. Сам Карл, государь не без дарований, но ленивый и беспечный, истощился мелкими усилиями и готов был не раз отказаться от своего престола.

Вдруг среди этого усталого двора и войска без энтузиазма является женщина со словами одушевления; люди простые увлеклись ее загадочностью, люди дальновидные увидели возможность употребить ее как средство: но они скоро ошиблись. Король предложил сделать опыт - отправить ее на помощь в Орлеан; громкая молва предшествовала ее появлению.

Народ принял ее как святыню, начал битву с одушевлением. Выстроенные укрепления взяты, во всех этих приступах она участвовала лично, однажды она была ранена. До какой степени в ней было много женственности, это видно из рассказа современников: когда она была ранена, она испугалась и заплакала, но скоро одушевилась снова. Когда англичане сняли осаду, слава ее прошла по всей Франции. Народные массы не двигались до тех пор; теперь они двинулись, во главе их шла Дева из низкого звания, она привела Францию к сознанию национальности. В действиях ее и советах Карлу виден редкий ум, ее движения смелы. После победы она приходит прямо к Реймсу и венчает короля. Но когда это было сделано, когда недостаточно было одного природного ума и воодушевления, а нужно было действовать согласно с партиями двора, она пала духом; неудачное нападение на Париж уронило совсем дух ее; она взята вследствие измены, ее не любили рыцари Карла, ибо она от них требовала строгого повиновения и нравственной жизни. В плену после долгого процесса, где она выказалась во всей чистоте, она была сожжена. В ответах своих она была чрезвычайно проста, исполнена высокой поэзии. Она не надевала на себя маски героизма и показала, что боится смерти, хотя уверена в правоте своего дела. Собственно, ей тогда уже и не оставалось ничего делать, она совершила свое дело. Может быть, оставшись, впоследствии она посреди развратного двора утратила бы свой поэтический характер. Результаты этого явления были необычайно значительны для французской истории. Она вывела за собой народ французский, когда ни одно феодальное сословие не могло отстоять государство.

Она привела Францию к сознанию национальности и представила неслыханное явление: дочь крестьянина несколько времени стояла выше не только рыцарей, но и король был покорным исполнителем ее велений. С этих пор англичане действовали unsuccessfully, Карл VII

проснулся от дремоты, и именно с этого времени его правление представляет замечательный характер. Недостаточно было победы над англичанами, надо было внести в государство какой-либо порядок. В продолжение почти 100 лет Франция была театром почти непрерывавшейся войны. Феодализм, ослабленный усилиями Филиппа Августа, Св. Людвига, Филиппа Красивого, возник с новой силой; он принял только другой, более безобразный характер. Прежде он смягчался понятиями о верности, любви, чести; теперь рыцари беспрестанно переходили от Франции к Англии, войны велись со страшным бесчеловечием, война сделалась ремеслом, образовались целые наемные шайки: от этих людей нельзя было отделаться, победивши англичан. Характерным явлением для обозначения нравов высшего сословия того времени была история маршала Реца, одного из самых блестящих воинов того времени относительно его образования. Он был в числе тех смелых вождей, запершихся в Орлеане, оказавших таким образом государству великую услугу; на границах Бретанского герцогства лежали его обширные владения, он был маршалом французским.

Внезапно против него поднялись самые страшные обвинения: начали пропадать дети в окрестности.

Несмотря на то, что феодальный владелец мог совершать всякого рода преступления безнаказанно, но слухи так распространились, что сочли нужным приступить к следствию: оказалось, что он был в связи с итальянскими чернокнижниками и приносил в жертву дьяволу детей; найдены были десятки детских трупов в его доме. Множество таких же преступлений открыто. Этот факт сам по себе еще не много доказывает против целого сословия, из которого маршал мог быть исключением. Но замечательно, что смертный приговор над ним возбудил общее негодование феодального сословия, Карла обвиняли в излишней жестокости за незначительное преступление рыцаря.

Об образе жизни низших сословий можно судить из следующего: донныне по берегам реки Соны, на Луаре находят обширные подземелья, землянки; здесь значительную часть года проводили поселяне, скрываясь от грабителей. В селения ходили то французские, то английские воины, грабившие везде одинаково. В войсках короля английского было столько же англичан, сколько и французов, а ирландцы переходили очень часто на сторону французов. Одним словом, более страшного зрелища нельзя было представить. Не говорим об увеличившейся грубости и жестокости нравов и суевериях. В Париже в начале XV столетия ночью нельзя было ходить по улицам от волков. Все эти язвы предстояло залечить Карлу. Он был прежде беспечным государем, преждевременно отчаивался в успехе своего дела, но когда явление Девы Орлеанской дало другой оборот делам, он явился человеком другого рода; воинственным человеком его нельзя назвать, хотя он и был лично храбр, но он вел войну по необходимости и поручал ее полководцам, но сам он ограничил свою деятельность политическими и административными сторонами. Во-первых, он окружил себя лицами нерыцарского происхождения, из простого сословия. Таков был Жак Кёр по части финансов. Он ввел в отчеты Франции те же правила, которыми тогда руководствовались купеческие дома, ибо сам он был знаменитый купец, коему поручил Карл привести в порядок финансы государства: и его простая мера имела блестящий успех. Другие замечательные лица из простого сословия заведовали другими ведомствами. Артиллерия поручена была человеку этого же класса: странно видеть в современных памятниках известия о действиях этой артиллерии; каждый год встречаем мы известия: разбит такой-то замок; ясно, что войну ведет король с феодализмом. Жан Бюро был начальником этой артиллерии. Впрочем, ему вверял Карл и другие должности: он отличался вообще административным талантом. В 1438 г. Карл VII заключает конкордат с церковью, так называемую Прагматическую санкцию, также замечательное явление. Он примыкает к партии, действовавшей против пап на Базельском соборе; он хотел этим избавить французское духовенство от влияния пап и заменить его местным влиянием; при этом, конечно, он должен

был много уступать дворянам, чтобы успешно достичь своих целей против пап. Но самое важное дело Карла - введение постоянных налогов и постоянной армии.

Лекция 3 (15 Сентября)

Прагматическая санкция, изданная Карлом VII в 1438 г., представляет важный документ, свидетельствующий о новых отношениях церкви к государству. Король французский представляет здесь себе и выборному французскому духовенству важнейшее место в церкви. Это явление уже не средневековое. Но еще замечательнее два другие нововведения. Когда кончилась война с англичанами, обнаружились неудобства другого рода: правительство не знало, куда девать эти многочисленные толпы наемников, не знавших другого употребления времени. В 1440 году вожди сделали попытку восстания против Карла, где участвовал и сын его, тогда еще юноша, Людвиг XI. Он выступил на попрание истории мятежником против отца.

Карл VII заключил договоры, ибо этого иначе нельзя назвать, с самыми значительными из вождей военных, предложил выбрать лучших из воинов и составить постоянное регулярное войско, которое должно было у него находиться на жалованье. Тогда составились эскадроны *gens d'armes* (*gendarmes*), положившие основание последующей армии. Каждый их эскадрон состоял обыкновенно при Карле (ибо число их в разное время изменялось) из 150 человек тяжеловооруженных. Каждый из них имел при себе несколько человек прислуги, двух легкоконных воинов, двух-трех стрелков, так что копье его соответствовало одному тяжеловооруженному и 4-5 легковооруженным воинам. Воинами жандармов были все бедные дворяне французские; простыми жандармами служили люди, принадлежавшие к лучшим фамилиям. Таких эскадронов первоначально было 12, впоследствии состав этих эскадронов изменился.

Теперь возник вопрос: откуда брать деньги для содержания этого войска? Мы знаем, как были неопределенны доходы средневекового государства; для каждого нового налога надо было получить согласие чинов государства, которые давали это согласие обыкновенно только на время — на 10, на 8 лет. Немногие постоянные статьи доходов не покрывали издержек государства, так что король постоянно находился в зависимости от чинов. Карл собрал чины и предложил устроить постоянные налоги, разложенные на огни королевства французского, то есть почём с огня (т.е. с каждого огня), с тем чтобы на эти деньги содержать эскадроны. Чины очень поняли важность этой меры и дали согласие на ограниченную сумму. Но они не предвидели, что эти налоги будут постоянны; последующие короли постоянно возвышали сумму, пользуясь тем правилом, что налоги сделаны постоянными, и их нельзя уничтожить. Кроме того войска, которое очистило в короткое время Францию от шаек блуждавших мятежников, Карл сделал еще другое очень важное распоряжение: чтобы каждый приход держал на своем иждивении молодого и здорового стрелка из лука; прихожане должны были снабжать его пищей, одеждой, оружием. В известные сроки они собирались и составляли на войне легионы — это была первая пехота французская, вызвавшая сначала много насмешек, так как вначале и не могла быть хороша, но положившая основание последующей знаменитой пехоте Франции.

Наконец еще на другую сторону обратил внимание Карл — на парламент парижский. В истории каждого великого учреждения мы видим значительные перемены значений. Вначале оно часто имеет одну цель, но потом совсем другую. Так точно парламент был прежде в постоянном распоряжении Капетингов, употреблявших его против феодализма. Важность этого места нетрудно понять: в него подавались апелляции на феодальные суды. Но когда парламент овладел такой властью, в нем родилась потребность действовать самостоятельно, иногда наперекор королевской власти. Особенно в смутные времена XIV века парламент часто издавал

распоряжения, не спрашиваясь короля, и силился из судебного места обратиться в законодательное. Этому помогало еще следующее: новый закон отдавался обыкновенно на рассмотрение королем парламенту, чтобы сличить с предыдущими законами; убедившись в такой сообразности, парламент вносил новый закон в число прочих законов, что называлось *enregistrer une loi*. Пользуясь этим правом, парламент часто опровергал распоряжения Карла, хотя в сущности шел одной дорогой с королевской властью, так как стремление короля было против выдававшихся упорных особенностей и местных обычаев. С этой же целью везде старался парламент ввести идеи римского права. Карл VII понял опасность с этой стороны. Предавая суду феодальных владельцев, Карл занимался постоянно феодальными юридическими процессами в течение остального своего царствования; но Карл понял также, что существование такого судебного сословия, как парламент, рано или поздно может сделаться вредным для короля. Тогда он основал другой парламент — Тулузский, языка ок; таким образом Франция была разбита на два округа, и влияние парламента было сильно этим ослаблено.

Еще была одна сильная власть в XIV и XV столетиях, дошедшая до апогея своего. Это была власть Парижского университета. Доколе не было книгопечатания, он должен был играть большую роль; идеи сообщались с кафедрами; в число [слушателей] университета входили [не одни любознательные юноши, но] люди зрелых и преклонных лет, приходившие сюда знакомиться с новыми идеями.

Тогда Европа волновалась требованиями великой реформы; их органом был Парижский университет. Соборы тогдашние собирались под влиянием университета: там-то он выразил свои требования против злоупотреблений тогдашней власти. Базельский собор не успел в своих намерениях, с ним вместе пал Парижский университет. Но влияние его все-таки показалось опасно Карлу, он старался потому увеличивать заведения провинциальные, что должно было обессилить университет, тогда как прежде в нем собиралось до 30 тысяч студентов и более.

Последние годы жизни Карла VII отравлены были его распрями с сыном Людвигом, будущим одиннадцатым. Это был один из самых замечательнейших представителей той эпохи, именно ее отрицательного — беспокойного, тревожного характера. В 1440 г. он участвовал в мятеже военачальников против отца; через несколько лет он уходит с военными отрядами, не вошедшими в число жандармов, в Швейцарию, вмешивается в распри швейцарцев между собою и, может быть, бессознательно оказывает этим большую услугу своему государству: он потерял здесь все войска свои, и Франция избавилась от беспокойных и мятежных шаек. Несколько лет потом провел он в своем уделе, в Дофине, и здесь вполне обозначились черты будущего правителя. Он возвел множество фамилий в дворянство, чем оскорбил старые дворянские роды; эти новые дворяне назывались *les nobles du dauphin*. Но и отсюда тревожил он отца; избегая зато строгих мер его, он бежал ко двору Филиппа Доброго Бургундского, где он и пробыл до смерти своего отца. Можно составить себе понятие о том, на какие поступки Карл считал его способным, из того, что Карл, по уверениям некоторых, умер от голода: он отказывался принимать пищу, опасаясь отравы от сына. Людвиг жил, повидимому, беззаботно у герцога Бургундского, был другом его сына Карла Смелого, участвовал в забавах его молодости и с людьми своего общества писал непристойные сказки (дошедшие до нас под названием *les cent nouvelles*).

Любопытно заглянуть в эти литературные памятники, чтобы посмотреть, какого рода мысли господствовали в этом кружке будущих представителей века. Нельзя определить иначе это направление как разрушительным и отрицательным. Все власти и идеалы средних веков подвергаются здесь циническим насмешкам и поруганию. В 61 г. умер Карл VII, Людвиг отправился в Париж, сопровождаемый целым войском под предводительством герцога Филиппа Бургундского. Еще на дороге он отставил всех министров своего отца и объявил, что по прибытии произведет следствие над ними; большая часть из них бежала.

Мы имеем о Людвиге XI значительное собрание источников.

Первое место занимают здесь записки Филиппа де Комминя.

Это был бургундский дворянин, служивший сначала Карлу Смелому, потом перешедший к Людвигу и игравший потом важную роль в совете короля: это был ум проницательный, без теплоты чувства и без верований, но замечательный политический мыслитель. Французские некоторые писатели сравнивают его с Тацитом, но между ними нет ничего общего, кроме внешних аналогий — рассказа о жестоких властителях. Это не мешает, однако, Комминю быть великим историком, и всякий, кто хочет познакомиться ближе с тем веком, должен непременно читать Комминя. M-lle Dupont издала этот памятник с превосходными историческими и филологическими комментариями. Есть еще другой современный памятник, род журнала *Chronique scandaleuse* одного Bourgeois.

Из новейших можно указать на отдел в истории Франции Мишле, хотя заслуживает внимания отдел и в истории Сисмонди и Henri Martin.

Парижских граждан при въезде короля поразила страшная противоположность между герцогом Бургундским и королем. Первый въехал в город, как настоящий феодальный властитель, великолепно одетый, окруженный блестящим рыцарством. Людвиг был небольшого роста, худощавый, одетый в платье среднего сословия. Может быть, эта самая простота привлекла к нему сердца городского населения. Между тем как Филипп давал рыцарские праздники, Людвиг знакомился с добрыми горожанами, крестил у них и особенно успешно действовал на женщин, удивлявшихся дотоле невиданной простоте короля.

Это был король среднего сословия с его ненавистью к феодализму. Говорят, что на один турнир Филиппа Людвиг смотрел из окошек своего дворца и особенно забавлялся следующим: незнакомый рыцарь явился на турнир и страшно избивал рыцарей; говорят, что это был мясник, подосланный королем. Вообще таких преданий о Людвиге ходит очень много, но самый характер их показывает, какие черты короля врезались в память народа. Людвиг старался поскорее отделаться от бургундских гостей; герцоги Бургундские всегда были любимы здесь, в Париже; Людвиг боялся этого и потому охотно отпустил Филиппа обратно. Потом он приступил к управлению своим государством.

Мы видели, что он прогнал министров своего отца, судил, конфисковал их [имущество], но, в сущности, он шел той же дорогой, как отец, только с большей жестокостью и большим талантом. Положение его было не совсем твердо и прочно. Если феодализм, каким является он в 12 и 13 столетиях, и ослабел, то, с другой стороны, образовались великие феодальные центры, к которым могли примыкать другие феодальные владетели. При 2-м государе из дома Валуа — короле Иоанне вышло в обычай давать младшим сыновьям короля значительные уделы. Таким образом, образовались важные феодальные пункты. Это были, во-первых, герцогство Бретанское, занимавшее северо-западный угол Франции. Плохо наделенное природой, это герцогство отличалось, однако, воинственным характером населения. Герцоги Бретанские оказали Франции значительные услуги в войне с англичанами, но тем не менее отстаивали свою феодальную независимость против короля. Другое герцогство — Бургундское. Король Иоанн после несчастной битвы при Пуатье, в которой остался ему верным один Филипп Храбрый, дал ему в награду выморочное тогда герцогство Бургундское. Филипп и сыновья его счастливыми браками и родственными союзами значительно увеличили владения. О Бургундии монография Баранта *Histoire des ducs de Bourgogne* — полный драматический рассказ об этом времени. Можно Баранта упрекнуть в одном: он пользовался только драматической стороной событий, гражданская, юридическая сторона оставлена им почти без внимания.

Лекция 4 (17 Сентября)

Мы видели Бретанию, перешли к Бургундии. Это герцогство перешло от Иоанна к сыну Филиппу в 60-х годах XIV столетия.

Только четыре герцога дала эта династия Бургундии, но в четыре поколения они успели образовать могущественное государство. Им повиновалась Бургундия в тесном смысле, вольные графства Франш-Конте, Фландрия, Брабант и Голландия: одним словом, большая часть областей нынешнего Голландского и Бельгийского королевства. Области эти достались герцогам частью чрезвычайно выгодными бракосочетаниями, частью наследством. Можно сказать, что в Европе не было тогда государя более богатого, как этот ленник французского короля, герцог Бургундский. Во Фландрии лежали самые богатые города, знаменитые своею фабричною промышленностью и огромной торговлей.

Бургундия и Франш-Конте были земли по преимуществу воинственные, одним словом, ни в войске, ни в деньгах не могло быть недостатка у Бургундского герцога. Но ему мешало здесь много обстоятельств: ему нельзя было проехать ни в какое другое государство, не проезжая Францию: между Бургундией и Фландрией лежали Лотарингия и Шампанья. Лотарингия — под властью собственных герцогов, Шампанья, присоединенная к королевским владениям, так что владения бургундские были разрознены на 2 половины. Сверх того, множество местных прав и правил ограничивали герцогскую власть. Несмотря на огромные богатства городов, [герцог] не мог без особенных усилий ими пользоваться. Часто, чтобы получить известную сумму от города, герцог должен был вести с ним войну. При Филиппе Добром Бургундия достигла высшей степени могущества; он держал великолепный последний феодальный двор.

3-я феодальная династия была Анжуйская — отрасль дома Валуа; ей принадлежали: Анжу, Мен, Прованс и Лотарингия. Подобно Бургундским владениям, эти владения не были сплошными, тем не менее, дом Анжу был силен, но его деятельность была развлечена... Анжуйский принц воевал за наследие [королевства] обеих Сицилии с государями Арагонскими и в распрях Пиренейского полуострова также принимал большое участие. Кроме этих 3 главных феодальных династий, были многие еще князья — герцоги Бурбонские, Алансонские и другие.

Когда кто-либо из вассалов, не довольных королем, опасался королевского мщения, ему только стоило уйти в Бретань, или Бургундию: здесь он мог безопасно прожить до конца своей жизни. Это было делом расчетливой политики бретанского двора и бургундского. Чрез это они приобретали значительные партии при дворе и вообще во Франции. Когда обнаружились планы Людвига XI, клонившиеся явно к уничтожению феодальной аристократии и вызвышению королевской власти, в 1465 г. образовался известный союз ради общественного блага, принявший громкое название. Пышное название, которым были прикрыты цели вождей феодализма. Во главе союза стали герцоги Бретанский, Бургундский и Калабрийский из дома Анжу. Все сильные феодальные владельцы стали на их стороне; советники Карла VII, прогнанные его сыном, нашли здесь старых своих союзников. Франции грозили опять те же смуты, от которых с таким трудом освободил ее Карл VII. Положение Людовика XI было отчаянное; несмотря на быстроту движения, с которой он успел разбить соединенные силы герцогов Бретанского и Немурского, он должен был еще спешить к Парижу, куда шли войска Карла Бургундского. Недалеко от Парижа при Monthlery в 1465 г. произошла битва; она не имела решительных результатов, ибо на одном месте победил Людовик, на другом Карл, но Людовик убедился здесь в одном, что оружием нельзя ему ничего сделать с противниками, что в самом лагере его были изменники. Он возвратился в Париж, решившись защищать этот город; горожане были за него, но он коротко знал характеры против него соединившихся врагов; он каждому под рукою делал значительные обещания и заключил мир в Conflans'e. Условия мира

были, по-видимому, таковы, что все приобретения королевской власти зараз уничтожались. Король соглашался созвать комиссию для преобразования государственных учреждений.

Это была еще небольшая уступка, не что иное, как удовлетворение общественному ожиданию после громкого названия союза. Союз немог же ничего не сделать для народа; он и собрался, но ничего не сделал. Гораздо важнее было то, что король обещал полную амнистию. Явные ослушники, у которых по суду были отняты имения, возвратились в свои владения. Герцог Карл Берийский, родной брат короля, слабый юноша, бывший в руках феодальных вождей, получил

Нормандию, перл Франции. Людвиг очень хорошо понимал, что брат будет здесь постоянным его врагом. Можно было подумать, что царствование Людвига кончилось этим договором, но в начале следующего года он представил парижскому парламенту, что он был принужден к этому миру, вредному для государства, и что он не имел в сущности и права заключать такой мир. Парламент объявил, что условия мира недействительны. Людвиг ворвался в Нормандию, брат его убежал, город Брюссель сдался, зачинщики сопротивления казнены. Герцог Бретанский, захваченный врасплох, не сделал никаких попыток против. Со стороны только Бургундии угрожала главная опасность. Людвиг думал употребить хитрость. Мы знаем уже, в каких отношениях герцоги Бургундские находились к городам. Карл вступил в спор с Лютихом, богатым, могущественным тогда городом, известным строптивостью нрава жителей. У нас есть неоспоримые доказательства, что король поджигал Лютих против Карла. Но Карл успел с ним управиться, взял заложников (при Brusthem'e), заставил исполнить свои веления.

Тогда Людвиг, продолжая возмущать Лютих, предложил договор Карлу, убеждая съехаться в городе Регоппе на границах Артуа. Это было самое замечательное и известное свидание. Когда король приехал в Перонну, он надеялся склонить Карла, над которым лично всегда имел влияние, к отсрочке, а между тем в Лютихе готов был возникнуть мятеж вследствие переговоров Людвига. На другой день после приезда в Перонну Карл узнал о новом страшном восстании в Лютихе. В первом порыве негодования Карл велел взять под стражу короля; его спасли обещаниями и подкупам; он [Людвиг] подкупил Филиппа де Комминя, сановника Карлова; тот сам об этом говорит: «При этом деле я имел случай оказать услугу королю, за что он был мне признателен». Но Людвиг, спасший жизнь свою, не спас чести. Он должен был согласиться на уступки более постыдные, чем прежние. Брату он отдал Шампанью, имевшую великую важность, ибо она соединяла бургундские земли между собой и Карл Шампанский всегда отсюда мог сноситься с Бургундией. Если в это время Людвиг льстил Карлу при этом случае, обещая выдать за него дочь, то, конечно, надо предполагать, что он видел в этой уступке Шампаньи большую для себя опасность: разрозненные земли бургундские могли посредством Шампаньи слиться в одну массу.

Потом герцог Бургундский заставил короля идти в своей свите к Лютиху. Жители города, увидав французское знамя в лагере бургундском, сначала испустили крики радости, но после увидели, в чем дело. Город защищался отчаянно: в одной ночной вылазке едва не попались в плен Людвиг и Карл; Людвиг показал здесь очень много усердия и действовал весьма храбро; ему хотелось хоть чем-либо поскорее вырваться из своего положения. Город взятый подвергся страшной участи; сотнями, тысячами казнили жителей бросали в реку. Это случилось в 1467 г., Людвиг воротился домой. По возвращении он нашел явные доказательства, что все его намерения наперед сообщались Карлу и главным орудием измены был кардинал Ла Балю, которого Людвиг вывел из ничтожества и которому поручал главные дела свои. Людвиг велел судить его светским судом и запер в железную клетку, изобретенную самим кардиналом, в которой нельзя было ни лежать, ни стоять во весь рост. Филипп де Комминь описал подробно этого рода клетки, которые он также отведal, по его выражению. Людвига характеризует песня, которую он напевал, ходя подле клетки кардинала:

Le	Cardinal	[de	la]	Value
fait	le	pied	de	grue.

(т.е. кардинал Ла Балю ходит журавлём)

Более всего смущали короля честолюбивые виды Карла Смелого. Вообще в исторических сочинениях и в произведениях искусства этот характер представлен ложно, напр., в романах Вальтера Скотта. Карл там является каким-то бешеным, неистовым человеком; таким перешел он в общественное понятие. Но это несправедливо. Это был человек далеко недюжинный, образованный, но это был последний представитель феодализма в Европе, которая оторвалась от феодализма. Он думал об отдаленных завоеваниях, крестовом походе, был пропитан рыцарскими романами, составил себе совсем другой идеал, чем тот, который носился повсюду в его время. Но вместе с этими абстрактными целями в нем было много практических дарований. Он недурно управлял своими финансами, пользовался всеми средствами, чтобы составить себе значительное войско и казну. Это был человек, который смотрел назад, но употреблял для своей цели новые средства. В особенности Карл Смелый приобретал себе много союзников тем, что у него была одна дочь-наследница, которую он обещал всем важным государям Европы.

Но далее всего он зашел в этих переговорах с братом короля Людвига: тот был бы постоянно в его руках. Но Людовиг хорошо также понимал, как дорог был бы ему этот брак. На свидании он уговорил брата отказаться от Шампаньи и взять более выгодную Guienne: она по положению была отрезана от Бургундии и Бретани, хотя и богаче. В 1472 г. Карл Гиенский скоропостижно умер, съевши персик, данный ему одним монахом бенедиктинским. Есть мнение, причины, заставляющие думать, что это было сделано братом, потому что главный советник Карла — Лекке объявил торжественно, что виною смерти герцога — король французский и взял под стражу монаха, подавшего персик; но тогда случилось странное событие: дьявол увез монаха из темницы. Конечно, современники догадывались, кто был этот дьявол. Земли Карла присоединились к владениям Людвига.

На юге между тем существовала могущественная фамилия Арманьяков; они носили громкое имя и располагали большим влиянием. Главой их были герцог Немурский и граф Арманьяк. Последний был неожиданно осажден в своем городе и принужден сдаться; ему сделали всякого рода обещания, но на другой день сдачи он был убит. Чрез несколько дней были убиты его жена и дети. Герцог Немурский в свою очередь был взят под стражу. Все это показывает, что Людовиг употреблял все средства против феодальной оппозиции. В ней тогда проснулся политический смысл, которого не было прежде, но она осталась верна своим началам антинациональным. Вассалы Франции пригласили Эдуарда IV, предлагая ему титул короля и часть Франции с тем, чтобы он только признал их права. Как любили тогда феодалы Людвига, доказывают слова герцога Бретанского: «Я так люблю французского короля,— говорил он,— что желал бы иметь вместо одного шесть». Эдуард IV явился в сопровождении многочисленного блестящего войска; англичане думали, что снова им предстоят прежние надежды. Это был цвет народонаселения, богатые мызники, часть конницы, все дворянство Англии. Но Людовиг XI не похож был на предшественников: он уклонялся от битвы и вел переговоры, а между тем он подкупил всех близких людей к Эдуарду и, наконец, подкупил самого Эдуарда; разрушая все средневековые идеалы, он не дорожил и честью. Он открыто отказывался от титула короля Франции, лишь бы оставили ему власть, и в переписке называл себя принцем, а Эдуарда королем Франции.

Всем министрам его дал он значительные суммы и взял с них расписки. Назначив свидание с Эдуардом, Людовиг XI звал его в гости в Париж, где обещал ему много хороших женщин. По заключении мира он усиленно предлагал Эдуарду ехать праздновать его в Париж, но когда тот согласился, Людовиг, боясь, чтобы Париж не слишком понравился Эдуарду, также усиленно уговаривал его остаться.

В 1475 г. заключен мир в Пикиньи (Pisquigny), где признал себя Людвиг данником Эдуарда. Герцог Бургундский не успел сойтись с Эдуардом, и тот возвратился. Тогда начались военные действия между Бургундией и Францией, не имевшие, впрочем, важных результатов. Но теперь, когда нечего было бояться Англии, Людвигу возможно было еще более распоряжаться своими делами.

Лекция 5 (20 Сентября)

Мир в Пикиньи обеспечил Людвига со стороны Англии. Оставалось управиться с внутренними врагами, и эта задача была не легкая. Одной из первых жертв Людвига сделался коннетабль Сен-Поль, один из первых, главных баронов Франции, представитель тогдашнего феодального сословия в Европе. Владения его лежали на границах Бургундии и Франции. Это давало ему возможность выбирать себе господина сообразно со своими минутными расчетами.

Во все царствование Людвига он играл эту двусмысленную роль; войско бургундское не раз находилось под его предводительством и в то же время он был коннетабль Франции. Это был человек необычайно честолюбивый и хитрый; между обоими государствами он занимал какое-то среднее место, не объявляя себя никому решительным врагом, всегда уступая обстоятельствам. Следующие подробности из Комминя покажут, к каким средствам против него прибегал Людвиг, давно ненавидевший коннетабля; он вступил с ним в самые тесные отношения в 1475 г., в эпоху похода англичан во Францию посылал к нему своих поверенных. Сен-Поль в это время продавал Бургундского герцога. Благодаря ему Людвиг знал все, что делалось в бургундском лагере. Тогда Людвиг пригласил бургундского посла, принял его за ширмами и призвал Сен-Поля, которого заставил высказать свои мнения и даже смеяться над Карлом. Он знал, что эти насмешливые слова повредят ему более даже, чем измена. Результатом этого была выдача коннетабля Карлу; суд был короток. С.-Поль был казнен. Верный своему правилу, Людвиг напевал песенку в день смерти Сен-Поля. Но на западной границе Франции заготовлялись события несравненно важнейшие: Карл шел прямо к королевскому венцу и вошел в связь с Фридрихом III, которому странным образом в это время предоставлено было право раздавать короны. Он торговался с Карлом, за корону просил [руки] дочери для сына Максимилиана, не хотел, по-видимому, идти прямо к решению дела. Карл простоял несколько времени перед Триром и должен был уйти назад без успеха, тем более что ему навязывалась война роковая — с Швейцарией.

В начале XIV столетия 4 лесных кантона Швейцарии свергнули с себя власть Австрийского Габсбургского дома, незаконно присвоенную Габсбургами. К ним примкнули еще несколько городов, составившие сильный союз, не обнаруживший, впрочем, значительного влияния на общие дела Европы. Жители Швейцарии приобрели себе славу победами над австрийскими рыцарями, но вне пределов своей тесной родины они не имели еще случая показать себя. За исключением лесных кантонов, в которых преобладало демократическое начало, в других кантонах была еще значительная аристократия, остались значительные рыцарские роды, частью жившие в своих замках и частью в городах и имевшие внутреннее влияние. Нравы швейцарцев были просты, народ был беден, но не нуждался в иностранцах, ничего не продавал и не покупал. Чувство национальной независимости было сильно развито и поддерживалось воспоминаниями о недавних победах над австрийцами. Конечно, Карл не думал о той роли, которую ему суждено было играть скоро. Разбитый швейцарцами эрцгерцог Сигизмунд должен был заложить Карлу часть своих родовых имений в Эльзасе для покрытия военных издержек. Над этими заложенными владениями поставил Карл своего фогта Гагенбаха, рыцаря известного своею жестокостью и крутым характером. Людвигу не нравилось такое приращение бургундских владений. Он видел, что Карл никогда не отдаст их. Но когда Сигизмунд внес деньги и требовал назад владения, Карл отказал этому требованию. Тогда эльзасцы выгнали бургундские

гарнизоны с помощью швейцарцев. Это подало повод к войне. По-видимому, спор был самый неравный; у Карла была самая, может быть, лучшая армия в Европе; у швейцарцев вовсе не было почти конницы. Герцог Лотарингский, который вступился было за швейцарцев, лишился своих владений, был выгнан Карлом. Только Людвиг тайком поддерживал швейцарцев, заключил с ними первый договор такого рода, где обязывался помогать им деньгами, что имело дурное влияние на все дальнейшее развитие швейцарской политики. Он обещал им ежегодно 20 000 ливров за службу Франции. При Грансоне впервые сошлись войска швейцарцев с Карлом. Их было вдвое менее, у них не было почти конницы, но они разбили наголову Карла. Швейцарцы отмстили таким образом за гибель гарнизона замка Грансона, который был пред битвой взят Карлом. Через несколько месяцев Карл снова стоял в Швейцарии с новой армией, более многочисленной. Напрасны были все представления швейцарцев, неохотно приступавших к битве и говоривших, что ему нечего выиграть в горах их. При Муртене Карл претерпел еще более кровавое поражение. Этим поражением, можно сказать, была сокрушена сила герцога Бургундского. Лучшая часть войска погибла, для набора новых надобны были деньги, но города Фландрии не хотели давать денег; несколько времени Карл казался помешанным, и в самом деле с этого времени можно заметить в нем некоторого рода помешательство. Но это был человек упрямый.

В начале 77 года он осадил город Нанси, отнятый у него герцогом Лотарингским, и при осаде был в 3-й раз разбит швейцарцами и сам был убит. Был ли он убит врагами своими или изменниками, окружавшими его, этот вопрос остается нерешенным; много есть причин думать, что итальянский кондотьер Кампобассо содействовал не только поражению, но и смерти Карла, ибо получил огромную сумму от Людвига. Смерть его имела огромное значение. Во-первых, эта огромная масса земель бургундских, сдержанная только единством династии и правительства, разложилась, подала повод к войнам, и большая часть из них усилила могущество Габсбургского дома, которому суждено было всегда усиливаться на счет всех умиравших династий Европы.

Другое важное последствие — вступление в среду европейских народов Швейцарии. Дотоле заключенные в горах своих швейцарцы довольствовались тем, что отстаивали свою народность. От 1476 г. до половины XVI столетия Швейцария играла важную роль в делах Европы, далеко превышавшую ее средства и силы: швейцарские наемники решали великие битвы. Этот путь указал ей Людвиг, и она шла по нему, торгуя своей кровью. Это подало повод к постыдной для Швейцарии пословице: «Нет денег — нет швейцарских войск». Одним из доказательств, что смерть Карла не была неожиданным для Людвига событием, служат его распоряжения, принятые им так скоро после смерти Карла, что трудно предположить, чтобы он об ней не знал прежде. Начать с того, что войска французские уже стояли на границах бургундских и тотчас после смерти Карла заняли города на Соне и города бургундские. В сущности можно было спросить Людвига, по какому праву он это делает. У Карла осталась наследница-дочь, но он объявил, что считает себя законным охранителем этой беззащитной сироты. Но города Фландрии не обнаружили никакого желания впустить его войска к себе и объявили, что сами будут защищать свою государыню. Людвиг должен был довольствоваться герцогством Бургундским и городами на Соне. Между тем Мария вышла за Максимилиана Австрийского, вследствие чего была война, кончившаяся по смерти Марии мирным условием, по которому Максимилиан оставил за собой большую часть бывших бургундских владений, но собственная Бургундия была за Людвигом.

Теперь главная цель Людвига была достигнута, от этого он начал действовать с феодальными владельцами с усиленной жестокостью. Герцог Немурский умирает на плахе. Конечно, он был изменник, но измена была прощена ему давно. Казнь эта произвела сильное впечатление на всех; герцог Немурский был друг Людвига: главной уликой его было дружеское письмо к Людовику, в котором он говорит о своих прежних восстаниях. Самая казнь совершилась с

страшными обстоятельствами: под эшафотом стояли малолетние дети герцога Немурского, так что на них капала кровь казненного отца. Одним словом, во Франции не осталось головы, которая бы крепко держалась на плечах, как говорил сам Людовик. Он писал к одному близкому ему человеку — Андрэ: «Милый Андрэ, держи голову обеими руками».

В 1481 г. вымерла еще династия Анжуйская; Людовику достались Анжу, Мен, Прованс, так что, кроме Бретани, не осталось еще более сильных лен французских. Людовику оставалось только заниматься внутренним устройством государства. Стоит только взглянуть в известное собрание *Ordonnances des rois de France*, чтобы усмотреть лихорадочную деятельность Людвига на этом поприще; 4 тома этого собрания, следовательно, почти третья часть его, наполнены распоряжениями Людвига; сюда еще некоторые бумаги его не вошли.

Людовик не был формалистом: часто маленькой записочкой он отдавал важные приказания. Он целые дни проводил в переписке и правил Францией из кабинета своего. В особенности его занимала мысль о сосредоточении власти административной, об этой цели, к которой стремились все государственные люди Франции во все времена истории; с этой стороны его можно бы назвать начальником революции французской. Он убивал все местные особенности, он заботился, чтобы ни на одном углу Франции не делалось ничего без его воли. Сокрушая феодализм, он отнимал в то же время у общин права; он не был врагом горожан, но общину как отдельную республику он гнал немилосердно; отнимая их права, он заменял выборных городских своими чиновниками. Нетрудно понять, какую важность имела для него быстрота сообщения: вот почему он ввел почты. В его время во Франции возникла первая типография. Людовик сначала принял это изобретение с большой радостью, но потом, кажется, несколько разделил подозрения своего века. Вообще же он был покровителем наук, любил мысль, может быть, потому, что не знал всей силы этого орудия. Он очень много читал: его называли *un liseur infatigable et terrible*. В 1483 г. он умер в замке своем П л е с с и, тревожимый разными заботами, недоверчивостью, опасением смерти; обманывая себя, он старался обманывать других усилением судорожной, лихорадочной деятельности; никогда он столько не раздавал приказаний; он говорил: «Не надо, чтобы во Франции догадывались, что я умираю».

Людовик XI есть представитель, типическое лицо, в котором выражается характер большей части государей этого времени: Генрих VII Английский, Фердинанд Католик в Испании. Мы увидим у всех них что-то родное, эту глубокую ненависть к прошедшему, это нетерпеливое желание сломить прошедшее и основать на этом новое государство. Религиозных верований у них мало, зато они суеверны; таков Людовик XI. Значительная часть мер, им принятых, была только продолжением, дальнейшим развитием системы его отца; таким образом, он пошел далее на пути преобразования парламента, и, как отец, учредил еще парламент в Бордо и Дижоне; в первом для *Guienne*, в [Дижоне] для бургундских владений. Место Людвига занял малолетний сын его Карл VIII. Вероятно, Людовик помнил опасности, которыми он окружал отца, и потому не дал воспитания сыну, дав ему одну только книгу для воспитания. Но Карл VIII, удаленный от отца, читавший почти исключительно рыцарские романы, вышел явлением совершенно противоположным отцу.

Окончим обзор Франции следующим заключением. Каков бы ни был Людовик XI, он не был хуже своих современников, разгадка его пороков в современных пороках и идеях. Но Франция обязана ему многим. Он собрал ее опять, нанес страшные удары феодализму, хотя здесь феодализм явился благороднее и выше, чем деятельность Людвига, осуществлявшего исторические законы. Язвы Франции от войн с Англией были залечены, Франция отдохнула после него, хотя тотчас после смерти его раздались тысячи жалоб на него. Из тюрем вышло много жертв его преследования: всеониявились громкими его обвинителями.

Лекция 6 (22 Сентября)

В тесной связи с Францией находится Англия. Англия не подвергалась таким бедствиям от иноземных нашествий, каким подвергалась Франция, но должна была пройти чрез все ужасы средневековой междоусобной войны. Мы должны здесь коснуться некоторых явлений, резко отличающих государственную жизнь английского народа от других. Мы найдем в *Essais sur l'histoire de France* Гизо краткий очерк развития революционных форм в Англии, как развивался парламент и приобретал одно за другим права свои. В этой статье собраны главные черты и опущены подробности, так что здесь с небольшим трудом можно составить себе довольно ясное понятие об деле. Первоначально английский парламент состоял из одних баронов, сподвижников Вильгельма Завоевателя; их одних как представителей своего войска созывал король, они составляли его *parlamentum*. В 13 столетии к этому парламенту были призваны представители городов и графств, т. е. сельское народонаселение. В сущности, только жители городов были представителями среднего сословия; представители графств были тоже бароны, не столько лишь богатые, как первые бароны — это были второстепенные вассалы. Ни сроки такого рода собраний, ни формы не были строго определены. Все это определялось необходимостью. Представители городов призывались только для того, чтобы выслушать распоряжения касательно налогов, так что города не имели причины радоваться этому праву и старались даже от него избавиться, ибо путешествия стоили денег и времени. Это считалось скорее тяжкой обязанностью, чем важным правом. Но в 1215 г. состоялся род договора с Иоанном Безземельным восставшего против него баронства и духовенства. Эта хартия легла в основу всей английской конституции. Самая эта хартия собственно по смыслу своему бедна определениями; в ней определялись права баронов, духовенства, о крестьянах и городах упомянуто мельком, но главное дело упомянуто, и, таким образом, видно, что составители думали о них. Но эта хартия получила великое значение, она перешла в общее сознание, каждая ее статья сделалась народной собственностью, каждый король в течение своего царствования несколько раз подтверждал ее. По времени делались дополнения и из них-то возросло будущее великое здание английской конституции. В начале 15 столетия короли уже не думали оспаривать начал, высказанных в великой хартии; парламент принял определенную форму.

Он разделился на высшую и низшую [камеры]; в первой заседали бароны и высшие сановники, здесь заседали рыцари, представители графств и представители городов. Низшая камера в это время уже исключительно занималась вопросами финансовыми, без ее согласия нельзя было наложить новых податей; это-то право дало ей значительное влияние на государство. Она могла остановить войну и заключить скорее мир отказом денег. Надо было королям торговаться с представителями ее при всяком важном случае. Таким образом, можно сказать без преувеличения, что почти все важные права, приобретенные английским народом в течение 14 и 15 столетий, были куплены; это был обмен уступок со стороны короля и нижней камеры.

Но в 15 столетии кровавые распри остановили развитие гражданских учреждений и, по-видимому, совершенно грозили их изменению. Это была война Алой и Белой розы. В конце 14 столетия после Ричарда II сел на престол Генрих IV из дома Ланкастерского, один из внуков Эдуарда III; он сел по праву сильного и счастливого; оставались еще потомки старших сыновей Эдуарда III, так что только личные таланты Генрихов IV и V останавливали претендентов на престол. Но при сыне Генриха V, добродушном, но слабом и болезненном Генрихе VI, эти претенденты поднялись с большою силою. Сам король, потерявший Францию еще в детстве своем, охотно отказался от престола. Но за него крепко держалась супруга его Маргарита Анжуйская. Главным противником короля был герцог Йоркский, в гербе которого была белая роза, в гербе короля была алая роза. Эта война Алой и Белой розы продолжалась более 30 лет, сопровождаемая такими кровавыми событиями, каких, может быть, мы не встретим в истории

древних народов; Англия потеряла почти 1/4 своего народонаселения. Можно себе представить значение таких утрат. Но тяжесть войны не столько падала на низшее и среднее сословие, сколько на аристократов. Эдуард IV начал рано увещевать своих воинов щадить простой народ и обращать удары против баронов.

Таким образом, к концу войны Англия утратила 80 баронов, связанных родством с королевской фамилией. Огромное большинство феодальных фамилий было совершенно истреблено. Прежняя нормандская аристократия погибла, место ее должна была заступить другая, чисто англосаксонская. Но она не успела еще образоваться. В 1465 г. на престол вступил Эдуард V, сын герцога Йоркского. Царствование это было временем непрерывных восстаний и борьбы. Он царствовал 22 года; разбитый один раз, принужден он был бежать из владений своих в Бургундию, будучи изгнан Варвиком; но он возвратился, разбил Варвика, разбил сына Маргариты Анжуйской и убил его после битвы. Но и его династия царствовала недолго, он умер в 83 г., в один год с Людвигом. У него оставалось двое сыновей: они были истреблены Ричардом III Глостером. Имя его перешло к потомству как имя ужасного тирана. Но, в сущности, большая часть обвинений на него несправедлива. Этим обвинениям в особенности придал много весу поэтический авторитет Шекспира. Все новейшие исследования и источники приводят к следующему заключению: Ричард был даровитейший и гениальнейший человек тогдашней Европы; но подобно Людовику XI это был человек без твердых нравственных убеждений и верований: нравственность средневековая была им отвергнута, новой еще не было. Поколения этого времени, воспитанные в междоусобиях, равнодушно смотрели на человеческую кровь; вся жизнь Ричарда прошла в этих битвах; ему приписывают смерть Генриха VI, убийство сыновей Эдуарда IV и много других преступлений. Племянников, сыновей Эдуарда IV, действительно он предал смерти. Многие аристократические фамилии были им казнены. Но если считать число его жертв, оно далеко не доходит до числа жертв Эдуарда IV. Для низших классов народа Ричард был государем милостивым, умным, и он действительно заботился об их пользе. В числе современных нам памятников английской истории, может быть, ни один не проливает такого света на его время, как показания современников Ричарда, изданные Фенном; здесь слышим голоса из всех слоев общества в эту смутную эпоху. В наше время другой английский археолог Элис издал еще несколько дополнительных к тому томов, письма английских королей и королев.

Здесь очень много интересного, особенно в письмах Ричарда III. Они обличают странный характер этого человека; он умел внушить страстную любовь в племяннице своей Елизавете, вдове убиенного им Эдуарда. Письма ее к нему исполнены страсти. Она спрашивает, скоро ли умрет дочь Варвика, его жена, скоро ли судьба соединит их. Другие письма показывают, что он имел много приверженных людей. Но удержаться тогда на престоле было трудно. Одной счастливой битвы достаточно было, чтобы завладеть престолом — народ в беспрестанных междоусобиях привык менять свои расположения к династиям.

В 1485 г. граф Генрих Ричмонд, не совсем справедливо называвший себя преемником прав Ланкастерской династии, сделал высадку в Англии. Собственно он был не Ланкастер, он происходил от Варвиков фамилии Тюдоров. Его дед женился на вдове Генриха V, французской принцессе Екатерине. Права его были очень не ясны. Но судьба решила вопрос о престоле при Босворте (Bosworth), (1485 г.); все, что могло быть сделано личным мужеством, распорядительностью, было сделано Ричардом, но ему изменили его приверженцы, Буккингам и Станлей. Ричард погиб. В это время возникли те памятники, которые представляют Ричарда каким-то бессмысленным кровопийцей, они возникли при его победителе; понятно, почему историки так его выставляли во время царствования его победителя. Из сказанного, однако, не следует, что Ричард был добр и великодушен, но что он принадлежал к числу самых талантливых людей того времени. Что же касается до его злодеяний, то Людовик XI и Генрих VII не только могли поспорить с ним, но даже превосходили его в этом отношении. Царствованием

Генриха VII замкнулись междоусобия. Между государями Европы конца XV столетия — какое-то родственное сходство: у Генриха VII, видимо, много такого, что и у Людвига XI. Он чуждался тех добродетелей которые прежде составляли идеал рыцарских доблестей. В войне с Ричардом он дал несомненный опыт искусства и храбрости, но вообще он не любил войны. Без причины он не проливал крови, но если чья голова казалась ему опасной, никакие услуги не спасали заподозренного. Таким образом пал Станлей, решивший битву при Босворте в его пользу. Чтобы положить конец восстаниям во имя вытесненной Йоркской династии, он женился на Елизавете, старшей дочери Эдуарда. Но он избегал всякого случая и возможности обнаружить ее права на престол. Он считал себя завоевателем королевства Английского. Он здесь следовал средневековому началу: он получил на битве государство вследствие приговора божия, по мнению средневековому. Два самозванца, восставшие против него, не успели в своих намерениях. Это были Ламберт Симнель и Перкин Варбек (Lambert Simnel, Perkin Warbek). Характер короля вполне обнаружился здесь. Симнель, сын простого хлебника в Оксфорде, составил многочисленную партию, был разбит и взят в плен королем лично. Король привез его в Лондон; граждане ожидали его казни, но Генрих, с злобною насмешливостью, ему одному свойственной, определил его поваренком на кухне, потом он сделан был сокольничьим. Но другой искатель престола Персии Варбек выдавал себя за герцога Йоркского, меньшего сына Эдуарда IV, ему помогала Шотландия и вдовствующая герцогиня Бургундская, вдова Карла Смелого. Какого он был точно происхождения, трудно сказать, это было лицо загадочное, общее мнение впоследствии называло его евреем. И его действия кончились его поражением и пленом, после чего он посажен был в Лондонскую башню, бежал, взят снова и казнен. Но вместе с ним казнен невинный юноша, Эдуард Варвик, сын герцога Кларенского, который с ранних лет сидел в Лондонской башне; он был казнен за одно имя свое: его обвинили в сношениях с Перкин Варбеком. Устранив таким образом опасность с этой стороны, король обратил преимущественное внимание на залечение язв государства. В первом собрании парламента в первой камере явилось не более 20 членов: другие пали в междоусобиях и во время преследований короля. Значительная часть земли была необработана, народ одичал, привыкши жить войной. Надо было издавать действительно строгие законы, чтобы устроить какой-либо порядок. Немногие оставшиеся сильные владетели держали целые армии при себе. Генрих запретил это особенным законом. Потом, не желая прибегать к сомнительной уступчивости нижней камеры, король изобрел новый источник доходов. Он окружил себя опытными юристами, объезжавшими английские владения и заводившими бесчисленные процессы; для разбора их было устроено особое судилище — Звездная камера. Таким образом король конфисковал 1/5 часть всей собственности Англии. Уже современники хорошо понимали цель этой операции: юристы имели в виду обогащение казны. Юристы сами это очень хорошо понимали: владетели могли откупаться от них деньгами. В английских архивах сохранено много собственноручных записок короля по этому случаю. С обвиненного требовали за вину известную, часто значительную сумму, случалось, он не мог вдруг заплатить этого и король писал: «На первый случай взять с такого-то столько-то, остальное рассрочить и отпустить его». Результаты такой политики определить нетрудно. Чувство права, законности, отличительная черта англичан, ослабели в значительной степени. Парламент собирался редко, в крайних случаях, народ отвык от собраний, власть королевская сделала огромные успехи. Можно было подумать, что всё движение английских учреждений от 12 до 15 столетия оказалось бесполезным и бесплодным. Но с другой стороны, нельзя Генриху отказать в одной из отрицательных способностей: он не увлекался войнами на европейском материке и преимущественно хотел усилить внутреннее благосостояние государства. Когда он умер в 1509 г., он завещал сыну королевскую богатую казну, которой тогда не было равной.

Лекция 7 (27 Сентября)

Мы видели из обозрения Франции и Англии в конце XV столетия, что средневековое государство, феодальное, общинное, разрушалось, а вместе с монархией крепло другое начало, начало национальности. Тот же процесс встречаем мы на других концах Европы. Мы посмотрим теперь на Пиренейский полуостров, Италию, и потом приступим к Германии.

Мы имели уже случай говорить о состоянии Пиренейского полуострова в это время. Известно, каким образом из небольших государств христианских, образовавшихся у подножия Пиренеев, сложилась довольно значительная политическая масса, кончившая совершенно победу над исламом. Во 2-й половине 15 в. 3 государства особенно обращают здесь на себя внимание: Арагонское, Кастильское, Португальское. Наварра, в одиннадцатом столетии превосходившая их своим могуществом, в это время играет уже второстепенную роль. В этом государстве форма правления — монархическая, но нигде, может быть, монархия не должна была выдержать таких тяжких испытаний, прежде чем дошла до цели своей — самодержавия. В самом деле, стоит только взглянуть на сколько-нибудь подробное сочинение об Испании этого времени, чтобы убедиться в совершенном перевесе власти феодальной над королевской. Мы здесь коснемся только общих замечаний. Высшее дворянство пользовалось и в Арагонии, и в Кастилии, частью в Португалии полными, можно сказать, княжескими правами. Испанские бароны имели право объявить королю, что перестают служить ему, и объявить ему войну: такой случай был определен законами. Но в войне этой был перевес на стороне баронов, ибо закон запрещал королю нападать на те замки, в которых держал барон свою семью. Законы арагонские прямо предоставляли подданным право восстания, особенный сановник судил тяжбы между королем и подданными. Кортесы конца 13 столетия собираются довольно правильно как в Кастилии, так и в Арагонии. Это были чины высшие из представителей высшего дворянства, духовенства и горожан. Без их согласия не взимались налоги, их согласие было также необходимо для мира, войны, новых законов. Обстоятельства чисто местные укрепляли еще этот дух упрямой самостоятельности, которым отличались сословия Пиренейского полуострова. Каждый город имел свою историю; каждому удавалось хотя раз отодвинуть массы мавров без помощи короля. Отсюда [понятие] национального единства не могло быть так ясно создано в Испании, как в других государствах.

Равным образом каждая аристократическая фамилия имела свою историю и могла похвастаться спасением если не короля, то жизни кого-либо из королевской фамилии. К этому надо прибавить богатство некоторых городов и [особенно городов] графства Каталонского, ведшего сильную торговлю на Средиземном море. Огромны поместья дворянства, так что члены многих фамилий хвастались, что если придется им проезжать поперек Испании, то каждую ночь они могут ночевать в одном из своих замков. Коннетабль Кастильский мог выставить в своих владениях 20000 человек вооруженных. Одним словом, власть королевская была обойдена развитием других властей. Но в конце XV столетия здесь отозвались те же влияния и те же потребности, какие во Франции и Англии. В 1479 году Кастилия и Арагония соединились под скипетром Фердинанда и Изабеллы. Посмотрим на эти перемены, которые совершились в этом царствовании, знаменитом своим устроением королевства Испанского. С талантами, не подлежащими сомнению, явились эти реформаторы государства. Средств у них было мало, но они ловко воспользовались всеми старыми учреждениями, чтобы достигнуть новых идей. Одним из этих средств была германдада. Часто понимают неправильно под германдадой войска или лучше служителей инквизиции; но здесь разуметь должно дружины городские, которых начало относится к 12 и 13 столетию. Города испанские часто заключали союзы с целью войны против мавров или окружающих баронов. Союзы эти составлялись сообразно с минутными потребностями на определенные сроки, иногда только для одного похода; в 14 и 15 столетиях, когда распря между феодалами и горожанами усилилась, германдада получила большое значение, в ней видим мы до 100 городов. К этим-то городским дружинам обратились Фердинанд и Изабелла для водворения какого-либо порядка в земле своей. Горожане помогли монархам сломить власть строптивых аристократов. В первые 10 лет

своего правления в Испании Фердинанд и Изабелла уже выиграли значительную победу над аристократами в их владениях. Но этого было недостаточно для них. Аристократия была еще сильна, в самих городах было много оппозиционных элементов. Между тем каждый ослушник против королевской власти мог укрываться за каким-либо [старым] законом; каждая оппозиция против королевской власти подлежала разбору особого судьи, обыкновенно пристрастного к ослушнику.

Чтобы сломить оппозиции и эти особые суды, введена была инквизиция Фердинандом и Изабеллой. Начало этого страшного судилища относится к I половине 12-го столетия, оно возникло в Южной Франции, направлено было первоначально против альбигенцев и имело только религиозную цель. Но здесь, в Испании, религия была только предлогом. Под предлогом проступка против церкви брали самых значительных людей государства, отвлекая их от обыкновенного суда. Инквизиция была поставлена выше всех светских судов и законов. Доказательством ее политической цели в Испании служит противодействие пап учреждению ее; испанское духовенство также этому противилось. Но первые удары инквизиции пали действительно на противников христианской религии, на евреев. Надо было подумать, что инквизиция в этом случае оказалась верна своему началу: но и это гонение на евреев имело в основе политические побуждения. Нигде в Европе это племя не достигло такого богатства, политического значения и образованности, как в Испании. Испания славилась школами своих евреев, куда ходили учиться не одни евреи, но и христиане. Несмотря на нетерпимость испанского племени в 14-м столетии, евреи употреблялись для деятельности государственной, в 15-м столетии они были главными банкирами и управителями имений испанских аристократов.

Когда возник в Испании вопрос о восстановлении инквизиции, явилось несколько брошюр об этом предмете; одна из них, самая ядовитая и остроумная, разоблачающая тайные цели Фердинанда и Изабеллы, была написана, как открылось, евреем. Евреи были образованны, дальновиднее других классов и на них обрушился первый удар нового судилища. Только Арагония отстояла упрямо свои права и не допустила инквизиции в течение 100 лет; но зато впоследствии здесь-то она действовала во всей своей силе. Известно, что такое были духовные рыцарские ордена в средние века, эти воинственные братства, стоявшие посреди рыцарей светских и монашества. Члены этого ордена признавали обет целомудрия, монашества и обрекали себя на вечную борьбу с неверными. Подобно другим средневековым учреждениям и это учреждение пережило цель свою. В это время оставалось за исламом королевство Гренада, незначительное по силам своим: но против него существовало несколько орденов, из которых главнейшие были — С. Яго де Компостелла, Калатрава и Алькантара.

Великий магистр Алькантарского ордена считался наряду с коронованными главами Европы. Ему принадлежали значительные земли, рыцари под его властью принадлежали к лучшим фамилиям Испании. Другие ордена были также сильны. В ордена эти вступали младшие сыновья дворянских фамилий, находившие здесь богатое содержание и цель своего честолюбия в командорских и других должностях. В спорах прежних королей и дворянства ордена всегда стояли на стороне последнего. Фердинанд успел склонить обещаниями, подкупам все три ордена избрать его своим великим магистром. Таким образом, он сделался постепенно главою всех орденов. Выгоды дворянства требовали с этой стороны уступчивости королю. Бароны, у которых было несколько сыновей, которые должны были поступить в орден, искали милости короля, чтобы дети могли поступить.

Еще при жизни Фердинанда звание это — магистра всех 3-х орденов объявлено наследственным в королевской фамилии. Наконец, и духовенство не избежало влияния короля. Оно в Испании, как и в других государствах, составляло тогда отдельное сословие, имевшее своего главу вне государства. Несмотря на глубокую религиозность королевы Изабеллы (вообще большая часть великих идей и преобразований принадлежит Изабелле, превышавшей

мужа талантами — он был только хитрым, не всегда добросовестным исполнителем ему подсказанных идей), она завела с папами спор, который решился в ее пользу; она потребовала себе право назначать сановников в высшие должности духовные, а папам оставила только право утверждать их. Одним словом, все сословия государственные признали над собой в правление Фердинанда и Изабеллы превосходство монархических начал. Только города, которых выгоды требовали большого единства и порядка, гордились нетронутыми привилегиями и правом собираться в заседания кортесов; но эти права остались за ними недолго. Исподволь началось падение городских привилегий с помощью дальновидной политики Фердинанда и Изабеллы. Так как главным делом кортесов было определение налогов и разложение их, Фердинанд и Изабелла перестали звать к заседаниям дворян и духовенство под тем предлогом, что они как сословия, изъятые от налогов, не имеют надобности участвовать в этих заседаниях. Результатом этого было разобщение сословий, дотоле, несмотря на частные вражды, согласно действовавших в этих совещаниях против государей.

В 1492 г. пало последнее магометанское государство на Пиренейском полуострове — королевство Гренадское. Оно уже не представляло своим существованием опасности христианским государствам на полуострове. Но соседство его, само собой разумеется, было несовместно с развитием системы новой. Гренада была взята. Нельзя сказать, чтобы это завоевание принесло особенную пользу народонаселению. Земли гренадские по праву носили название сада полуострова. Здесь были лучшие обработанные поля, лучшие фабрики, народ пользовался наибольшим довольством, отсюда шла большая часть потребляемых в государстве материалов. Но когда здесь явилась инквизиция, дело кончилось, несмотря на то, что народонаселение гренадское отличалось превосходством во всех сферах промышленной деятельности, опустошением и запустением этих земель. Наконец, к этому же славному царствованию относится и открытие Америки. В течение средних веков Португалия не играла важной роли, но тем не менее в ее судьбе, истории повторялись те же явления, какие в истории государств более важных. Конец XV столетия ознаменован здесь отчаянной борьбой между феодальной и королевской властью. При Иоанне II, государе чрезвычайно энергическом и деятельном, она достигла высшей степени. Герцог Браганца - Фердинанд, родственник короля, глава феодализма, умер на эшафоте. Другой герцог, Яков Визеу, был убит самим королем. Результатом этого было то, что феодализм был сломлен, он остался только в воспоминаниях и надеждах; в то же время, как совершались эти внутренние перемены, португальский народ выступил на более обширное поприще своими географическими открытиями. Еще в начале XV столетия Генрих Мореплаватель указал на западный берег Африки, земли, которые надо было, как говорил он, исследовать, и которые могли сделаться источниками огромных богатств. Смелые попытки португальских мореплавателей оправдали предвиденное Генрихом. К концу XV столетия они достигли уже до Бурного мыса (так называли они мыс Доброй Надежды), завели там торговые сношения, конторы. Все это было ничто в сравнении с тем великим открытием, которому суждено было совершиться при Эммануиле вследствие путешествия Васко да Гамы.

В заключение сказанного о Пиренейском полуострове должно указать на сочинения, которые могут об этом предмете сообщить более подробные сведения. Прескотт; в [ней] лучшая часть — 1-я половина 1-го тома, где подробно изложено политическое и экономическое состояние государств, составлявших Испанию в 16-м столетии. Все факты этих царствований изложены весьма подробно на основании не только печатных, но и архивных источников. Что касается до истории португальской, то здесь можно указать только на старое сочинение Борруса — Азия. История сношений Португалии с Азией, составленная из сказаний современных и официальных документов. К сожалению, одна только первая часть переведена на немецкий язык, но есть недурное извлечение из нее, составленное Заальфельдом (Saalfeld).

Состояние Италии в конце XV столетия представляет самое любопытное зрелище. Здесь нас не затрудняет недостаток источников, напротив, избыток современных документов подавляет исследователя. Каждый город и княжество подает здесь о себе красноречивый голос. Читая летописи мелких республик, мы видим, что сочинители их были глубокомысленные историки, делавшие на таком малом пространстве глубокие наблюдения. Источники мы укажем в другом месте, пособия недостаточны для этого времени. Лучшее еще что есть — это история романских и германских народов от 1494 — 1535 года Ranke. Вообще состояние Италии и особенности края охвачены здесь весьма удачно; книга Ranke, как выразился один, есть лучший комментарий к сочинениям Макиавелли.

Лекция 8 (29 Сентября)

Ни одна страна Европы не могла равняться во второй половине XV столетия с Италией относительно образования, массы идей, обращавшихся в народе, даже в материальном благосостоянии. Но Италии недоставало, однако же, чтобы занять приличное место между народами, политического единства и сознания единой национальности. Это сознание национальности, гордость итальянским именем выражались только в литературе. Разбитая на множество враждебных друг другу государств, Италия представляла легкую добычу и внутри ее лежащим странам, и внешним неприятелям; предвиденное тогда великими умами оправдалось в конце этого времени. Славнейшее государство в Италии была Венеция аристократическая республика; с дивным постоянством и искусством созидала она свое могущество в течение нескольких веков; далеко превосходила все другие государства Европы, славилась знанием политических отношений, сложным и в высшей степени искусственным механизмом своего управления, основанным преимущественно на недоверчивости и строгом надзоре за отдельными гражданами. Но Венеции грозила двоякая опасность в эту эпоху. Богатство ее основано было на ее сношениях с Востоком, она одна захватила в свои руки торговлю с Ост-Индией. Теперь для нее явилась смелая и опасная соперница — Португалия. Монополия ост-индской торговли была отнята у Венеции в начале 16 столетия. Сверх того, Венеция как политическая держава получала большую часть войск из владений, лежавших на Далматском берегу, из земель, вошедших в состав бывшей Византийской империи. Этим владениям угрожала опасность и частью они были вовсе утрачены с нападением на империю турок. Неудержимо шли османы вперед, и Венеция, конечно, должна была более других пострадать здесь. Но в самой Италии у нее явились небывалые дотоле опасности. Соседнее герцогство Миланское приобрело при последних герцогах из дома Висконти и новых герцогах — Сфорца небывалую дотоле силу и значение; здесь боролись еще, кроме того, две системы — военная с гражданской республикой. Если бы Венеции не препятствовали другие причины, она могла бы, конечно, спорить успешно, но, отвлекаемая другими более важными заботами, она должна была сносить много обид от Милана. Впрочем, в конце XV столетия только самый опытный глаз мог бы заметить признаки скорого упадка республики, только война ее с Турцией угрожала ей. Португалия далека еще была от тех целей, которых она достигла в начале 16 столетия. Милану Венеция могла противопоставить значительные силы. Зато нигде низший класс не пользовался таким благосостоянием: высшие классы платили ему этим за невмешательство в дела общественные. Нигде не было так много государственных усилий и так мало политических предрассудков.

Совсем другое явление представлял Милан. Захваченный в минуту народного бедствия Францем Сфорца, Милан остался его наследственным владением. Собственно, у фамилии Сфорца не было настоящих прав на герцогство. Брак Франца с побочной дочерью фамилии Висконти не давал значительных прав, но его права были основаны на силе и значительных наемных войсках. К этому присоединилось особое обстоятельство. В эпоху средних веков города Италии, ревностные к свободе своей, никогда не вверяли своим согражданам высшей

должности — подеста. Для этого призывались обыкновенно граждане чужих городов, не имевшие здесь ни родства, ни личных интересов. Но Висконти и Сфорца сделались мало-помалу подестами во всех почти городах Ломбардии. Если народ какого-либо города был недоволен ими, герцог мог употребить против этого города силы всех других городов. Ему нетрудно было это делать. Между городами Италии хранилось роковое наследство от 12 и 13 веков — глубокая ненависть между отдельными областями и городами. Но отсюда развился страшный порядок вещей — отсутствие чувства всякого права и законности; высшим правом была вещественная сила. Войско состояло из наемников, которым должны были платить те же граждане, против которых были нанимаемы эти войска. Отказаться в деньгах они не могли, у них не было средств отстоять свой отказ. Отсюда постоянная вражда и глубокая ненависть между правительством и народом. Каждая летопись Миланского герцогства гласит о непрерывных новых попытках свергнуть власть герцогов, и все эти попытки оканчивались страшными наказаниями. Жан Мария Сфорца, сын Франца, погиб в церкви, убитый заговорщиками из высших фамилий Милана. Но народ при этом удобном случае восстания остался неподвижен: стоит прочесть описание казни заговорщиков. В истории Востока мы не найдем ничего ужаснее этих казней. Но эти казни, однако же, не останавливали новых покушений. К причинам личной ненависти против правительства присоединились еще теоретические побуждения: изучение древних писателей особенно процветало в Италии в это время. Юноши изучали со страстью историю греческой и римской республик, отсюда брали они идеалы государственного общества и своих политических замыслов.

Республика Генуэзская сошла в это время с высокой степени 12 и 13 столетий, когда она оспаривала владычество Венеции на море. Она переходила от влияния миланских герцогов к влиянию французского королевства и не могла даже удержать своей политической самостоятельности.

В Тоскане усилилась на счет других городов Флоренция. Уцелевшие дворцы аристократии, поражающие сходством с укрепленными замками, свидетельствуют об этом: [но] это были мертвые памятники; другие интересы владычествовали здесь в жизни. Здесь демократия окончательно победила над дворянством. Несколько тысяч семейств среднего класса держали в своих руках бразды правления: издавна здесь были первые банкиры Европы, здесь производили самые значительные вексельные обороты. С начала 15 столетия укрепилось влияние одного из торговых домов Медичисов. Это влияние нельзя объяснить ни должностями, которые они занимали, ни их личными качествами. Надо вникнуть глубже в самый быт Флоренции. В таких городах-государствах, какова была Флоренция, натурально имел большое значение кредит. Люди, располагавшие большими капиталами и имевшие возможность давать их другим, неминуемо должны были приобрести значительное влияние. На этом огромном богатстве основано было могущество Медичисов. Но к этому присоединялись личные таланты.

От Иоанна до Лаврентия — необычайный ряд гениальных личностей. Флоренция гордилась ими пред всей Италией, и надо сказать правду — они царственно покровительствовали искусствам и науке. Можно сказать, что материальные интересы и гордость, более высшая, соединились, чтобы сделать Медичисов дорогими для Флоренции. Козьма Медичис, Лаврентий Медичис более всех замечательны своим правлением. Можно сказать, что в конце XV столетия Лаврентий Медичис был душой политики в Италии, и ни одно важное дело не совершалось, без его влияния. Можно сказать также, что если бы он дожил до 1424 г., рокового для Италии, многих бедствий не испытала бы Италия.

Судьбы Папской области как государства не имеют такой занимательности для нас. Положение папы было двоякое — он был итальянским князем, с одной стороны, но это значение заслонялось его значением в западной церкви. Не со своих светских владений получал он главные доходы, не на них основывалось его могущество: его власть простиралась далее. Но

по самому характеру этой власти римский папа был противником всяких нововведений у себя, хотя в конце 15 и начале 16 столетия они [папы] ведут себя иначе. Но их великодушное покровительство науке и искусству не противоречит сказанному о значении их власти; всякий раз, как наука начинала действовать самостоятельно, папы были против нее; они любили только изящную сторону науки; ее смелого направления чуждались они.

Но в конце 15 столетия папская власть уже не пользуется таким уважением. И надо сказать правду, при папе Иннокентии VIII и Александре VI трудно было питать это уважение. Иннокентий думал только об увеличении своего дома и наделении княжествами многочисленных побочных детей своих. Но несравненно далее пошел Александр из дома Борджиа. Он купил выбор свой наличными деньгами; вступив на престол, более всего думал он о приращении владений своего семейства; у него было трое детей, два сына и одна дочь; все они оставили по себе страшное имя. Знаменитый Цезарь Борджиа убил старшего брата. Лукреция Борджиа оставила по себе страшное воспоминание в Италии своими отравлениями. При дворе римском утрачены были все великие предания прошедшего. При папском дворе давались непристойные праздники: это подробно описывает дневник одного из камергеров папских Guicciard i n i. Много отсюда почерпнуто у Raumer'a в первой части его истории трех последних столетий. Политику, образ действий Александра VI нельзя иначе назвать как династическими. Он употреблял все средства, чтобы дать возможность Цезарю Борджиа создать могущественное итальянское государство. Никто не пустил так в ход этой роковой для католицизма меры индульгенций, как Александр VI; на эти деньги он нанимал наемные войска для своего сына. Многие знатные фамилии бежали или погибли. Все противники дома Борджиа принуждены были оставить Папскую область. Сам папа отравлял кардиналов, выдумывал скрытые темные казни. Цезарь отравлял на пиру своих противников и умерщвлял их. Но замечательное явление, глубоко характеризующее тогдашнюю жизнь Италии,— это сам Цезарь Борджиа, погрязший в преступлениях всякого рода, утративший всякое различие между добром и злом. Он, однако же, обращал на себя внимание лучших людей Италии; они желали ему успеха, они следили за его попытками образовать могущественное государство в Италии, и отсюда только ждали для нее спасения. Кто бы ни был основателем такого государства, они готовы были содействовать ему. Это подчинение нравственных законов политическим целям явно во всей истории Италии до нашего времени.

Неаполитанское государство. Фердинанд Неаполитанский был достойный современник Людвига XI, Генриха VII, Фердинанда Католика. Уступая им в таланте, он шел той же дорогой, и если их не превосходил, то не уступал им в жестокости. Все его царствование есть история борьбы с местными привилегиями и феодальными баронами.

Мы сказали уже, что нигде не было развито стольких политических идей, образования, вкуса и богатства, как в Италии в конце XV столетия. Нигде не встретим мы большего числа энергических характеров, великих умов, благородных сердец, исполненных патриотического воодушевления. Но Италии недоставало единства. Только Лаврентий Медичис умел укрощать мелкие распри владельцев и становился их посредником, как бы предвидя скорое вторжение чужеземцев в Италию. В Италии возникли еще в это время идеи политического равновесия; вообще там много было идей, которые были после приложены в Европе. Известно, в какой тесной связи находилась в течение всех средних веков Италия с Германией. В конце XV столетия эта связь, по-видимому, ослабла. Не до Италии было немецким князьям, они были отвлечены собственными делами. Мы видели когда-то императоров немецких, шедших прямо к осуществлению идеи всемирного владычества. Они считали себя главами христианского мира и создали великолепную теорию этой власти. Эта теория сокрушилась в сопротивлении чинов немецких и соперничеством пап, у которых у самих была такая же идея. К концу средних веков, подобно папам, императоры сами с высоты своего величия, как Иннокентий VIII и Александр VI, заботились не столько о поддержании своего значения, сколько о мелких интересах своих

фамилий, так и цель императоров немецких — было одно усиление их династии. Последними императорами в средневековом смысле были Гогенштауфены; при Габсбургах началось другое направление. Начало ему положил начальник рода Габсбургов Рудольф Швабский Габсбург, имевший в роду одно бедное владение Швабию. Потомки его шли той же дорогой, мало заботясь о выгодах империи и возвеличении императорского сана, но думая только о своих владениях. Династии Люксембургская и Баварская шли такою же дорогою. Люксембурга соединили под своим владением значительные земли; Богемию, Венгрию, часть Бранденбурга, Силезию, Моравию. Но когда дом Люксембургский, вытеснивший Габсбургов, снова уступил место Габсбургам, Габсбурги, преемственно в особе Сигизмунда, снова вошли на престол, снова следуя тем же целям. С 1439 по 1493 г. носил титул короля немецкого и императора Фридрих III из дома Габсбургов, 54 года. Трудно найти в истории более, по-видимому, печальное царствование: он был не раз изгоняем из собственных владений. Целые пять лет Вена находилась в руках венгров — 1485—90 г. Великолепное наследство Бургундии, доставшееся сыну Фридриха Максимилиану, по-видимому, не шло впровод, ибо Максимилиану надо было удовлетворять своевременные требования городов Фландрии и не раз случалось быть пленником собственных подданных. Фридрих III должен был жить помощью имперских подданных своих и бежать из одного города в другой, не находя здесь ни влияния, ни даже уважения. Но в нем видим мы странную психологическую черту, отличавшую всех Габсбургов — глубокую веру в судьбы своего дома и необычайное терпение: он всего ждал от времени. И на самом деле без всякой деятельности своей особенной он успел возвратиться в Вену и умер в ней спокойно. При Максимилиане императорское титуло явилось на высокой степени значения, но мы увидим, какие средства давала ему власть императорская.

Лекция 9 (4 Октября)

При поверхностном наблюдении можно было бы подумать, что ни одна из земель Европы не сравнилась бы в конце 15 столетия с Германией в политических силах. Многочисленное воинственное дворянство, с одной стороны, с другой стороны, богатство городов, в которых в 15 столетии развилась значительно торговля и промышленность, благоприятное географическое положение в сердце Европы — все это давало возможность немецкому императору располагать огромными средствами. В учреждениях, по-видимому, не было недостатка: император считался главой империи, чины собирались в сеймах, где обсуживались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики. Можно сказать словами одного немецкого историка, что в Европе 16 столетия не было дано ни одной великой битвы, где бы не участвовали немецкие наемники, *landsknecht*. Толпами юноши выходили из Германии искать службы военной, следовательно, воинственный дух был здесь развит в высокой степени. Но всмотревшись пристальнее в состояние государства, носившего название Немецкого королевства, мы видим, до какой степени оно было слабо внутри и отвне. Известна великая теория императорской власти в конце средних веков. Когда Гогенштауфены проиграли свое дело, династия, заступившая их место, не в силах была поднять значение императора снова: она приняла другие меры. Прежде императоры считали родовые владения свои чем-то второстепенным; Оттон I из дома Саксонского уступил свою родовую Саксонию, не считая звание племенного герцога совместным с титулом императора. При императорах Франконской династии мы видим старания соединить как можно более родовые владения, но опять с той же целью — возвышения императорской власти. Но уже при первой, сменившей Гогенштауфенов династии, и именно при Рудольфе Габсбургском, заметно было уклонение от прежнего образа действий. Он спешит воспользоваться минутным своим положением, не верит в прочность императорского престола и старается к родовым своим владениям приобщить Швейцарию и Швабию, отнятую у Оттокара Чешского, из чего сложилась масса родовых владений Габсбургов.

Адольф Нассауский, преемник его, старается сделать то же для своей династии на счет маркграфства Турингии. Упомянутое направление, усиление династических интересов на счет императорских сохранилось. Та династия, которая наиболее противодействовала Габсбургам, династия Люксембургская, блистательно шла этим путем, в короткое время соединив Чехию, Моравию, даже Венгрию. В 1439 г. вступил на престол Фридрих III. Известно правление этого императора. Ленивый, скудно одаренный дарованиями, 54 года сидел он на престоле; в этот период Австрийскому дому угрожала наибольшая опасность: Вена была в руках мадяров; только за три года до кончины своей воротился в нее Фридрих, но зато по смерти своей он отказал Максимилиану наследство, если не прочных прав, то надежд и притязаний.

Первым делом Максимилиана было устройство самой Германии. Мы сказали уже, что могущество Германии с первого взгляда в 15 столетии не существовало таковым на самом деле. В Европе, за исключением разве Италии, не было такого государства, растерзанного мелкими частными интересами. Император был, в сущности, без власти; юристы немецкие еще излагали в великолепных фразах значение власти императорской, но вне теории ее не было. Сам император отказался от этой власти, заботясь о родовых интересах. Многочисленные князья немецкие успели утвердить на прочных основах земское державство. Каждый из них разыгрывал роль самостоятельного государя. Но здесь шла также глухая борьба между императором и князьями. Император должен был бороться с имперским рыцарством. Ему надо было заключать сделки и также бороться с городами имперскими. Важно заметить здесь различие между земскими и имперскими городами. Последние непосредственно зависели от императора, первые непосредственно зависели от князей.

В 15 столетии идут постоянные войны князей между собой, князей с городами, городов и князей с рыцарством, всегда непокорным. Но сословия сияются замкнуться, и для этой цели составляют союзы. Еще в 13 столетии существовал союз городов ганзейских, имевший последствием союз городов на Р е и н е; в 15 столетии явился сильный союз швабских городов, куда вступали и рыцари и князья. Причины возникновения и силы этих союзов лежали в тогдашнем анархическом положении Германии: одному лицу, одной единице нельзя было отбиться от анархических окружавших элементов. Вмешательство императора в эти распри оканчивалось очень часто для последнего позорными неудачами. Но если, выходя из этих пределов княжеств немецких, рассмотрим самые составные части княжеств, единиц политических, городов, мы увидим везде кровавые раздоры. В городах в это время шла борьба между высшими городскими сословиями и цехами. Дотоле одно высшее сословие управляло городами, избирало своих Burgermeister'ов, ремесленники не имели здесь участия; с начала 14 столетия они просятся в совет; за отказом и отрицанием следовали кровавые распри. Каждый из значительных городов Германии имел свои страшные революции, в которых гибли лучшие граждане. Можно привести тому много примеров; уже в летописи города Ротенбурга видно, что с 1300 по 1450 г. этот город каждый год вел, по крайней мере, одну войну, иногда три, потом это не изменялось до конца 14 столетия; иногда бывало даже хуже, как в 1500 г.: город Нюрнберг окружен был со всех сторон хищными рыцарями, грабившими купцов городских; горожане его прославились счастливыми экспедициями против рыцарей: без суда вешали они на своих городских башнях всех попавшихся им в плен рыцарей. К началу 16 столетия относится один любопытный памятник: записки рыцаря Гетца von Berlichingen. Он описывает сам свои подвиги, большей частью заключающиеся в разбоях на большой дороге, ограблении купцов, нападении врасплох на города. Он не стыдится рассказывать эти поступки. Видно, что общественное мнение в его время не кладет позорного клейма на такие дела. Напротив, он часто с иронией говорит о жалобах на то купцов: «Раз утром,— говорит он,— выехал я в поле и подождал обоз; предо мной пробежала стая голодных волков; бог помочь, добрые товарищи,— сказал я им.— Вы отправляетесь за тем же, как и я; и это показалось мне счастливым предзнаменованием». Но между тем, много уже раздавалось голосов в Германии, исходивших

из всех слоев общества, которые требовали реформы, порядка, которые показывали, что Германия не только уже не занимала прежнего своего средневекового места, но по политическому состоянию своему стояла уже ниже Франции. С юго-востока угрожали ей турки, занявшие Византийскую империю. Это не были нынешние турки, ослабленные, потерявшие энергию фанатического убеждения. То были турки, упоенные энтузиазмом Баязета, Амурата II. Все усилия императоров немецких противопоставить оплот турецким нападениям, оказались бесплодны; они не успевали для этой цели собрать 20000 человек: люди немецкой земли сражались только между собою, средств других государств — средств денежных, также не было у императора, ибо у него не было определенных доходов; сейм давал иногда деньги, но очень скудно, он должен был довольствоваться доходами родовых своих имений. Одним словом, неудовольствие было общее, потребность преобразования всеми была чувствуема, но трудно было найти лицо, которое бы решилось принести жертву в пользу целого. Таков лишь один был Бертольд, архиепископ Майнцский. Несколько сеймов было им собрано с этой целью. При Фридрихе III все эти сеймы оканчивались бесплодно; при Максимилиане они, по-видимому, достигли своей цели.

В 1495 г. 7 августа собрал он сейм в Вормсе. Во-первых, здесь положено было положить конец местным распрям, государство разделено на 10 округов, каждый имел отдельный сейм, двух сановников, наблюдавших за тем, чтобы не возникли распри, и имели общественное войско для усмирения насилия и водворения тишины. Положено составить общую перепись и общий налог. Назначение этих имперских денег была война с турками. Распри, которые не могли окончиться в пределах округа, должны были переноситься в Reichskammergericht, которого члены назначались чинами. Император назначал только председателя. Собственно, в этих положениях Вормсского сейма можно видеть некоторым образом попытку ослабить и без того слабую власть императорскую. Император потерял здесь последнее право суда; придворный суд заменен имперским. Сверх того для правильного распределения обязанностей военной службы положено составить роспись всем чинам имперским с назначением, что каждый должен выставить на случай войны. Положения эти имели великое значение, хотя долго не были выполняемы. В них признали все сословия необходимость единства против тогдашнего порядка вещей; долго не могли они выдержать его.

Личный характер императора Максимилиана представляет странное соединение добродетелей и недостатков. Человек, необычайно образованный для своего времени, соединивший всю совокупность науки в тогдашнем ее объеме, отличный воин, необычайно деятельный, любимый народом за блестящие рыцарские качества, оставивший сочинения, которые показывают в нем ясный и, по-видимому, твердый и положительный ум, он, как часто случается с людьми переходной эпохи, не оканчивал своих начинаний, брался за все и на полдороге бросал начатое. Он вмешивался во все войны Европы и ни одно из этих предприятий не приводил к концу; под конец жизни он вздумал, чтобы выбрали его папой: таким образом, единство и порядок, говорил он, соединятся в Европе на самых прочных основах, ибо две высшие должности соединятся в одном лице. Но именно этот тревожный, беспокойный характер послужил в пользу династии Габсбургской. Многочисленные затеи Максимилиана поставили ее в сердце европейской политики и связали ее со всеми политическими вопросами.

Из государств, принадлежавших германскому племени, остается упомянуть о Скандинавском полуострове. В 15 столетии роль его ничтожна. Кальмарский союз, соединивший в конце 14 столетия три государства, не уничтожил, однако, племенной ненависти шведов с датчанами. Подчинение Швеции Дании существовало, собственно, только на словах. Швеция считалась принадлежностью датского короля, но у нее был свой правитель, управлявший в ней с такою же властью, как король датский в Дании. Карл Кнудсон в половине 15 столетия сделал попытку провозгласить себя королем, но Швеция опять примкнула к Дании. Швеция была довольна Кальмарским союзом, ставившим ее в зависимость от далекого, не имевшего большого влияния

короля. Из государей Ольденбургского дома ни один не имел тогда достаточного таланта, чтобы привязать Швецию крепче. Но монархическая власть в этом государстве не сделала тех успехов, какие она сделала во Франции и Англии. Привилегии аристократии были не тронуты и далеко превосходили объем государственной власти. Состояние прочей Европы 15 столетия испытала Швеция только в 16 и 17 столетиях.

Из государств славянских только два обращали внимание Европы — Польша и Чехия. Первая еще могущественная, с воинственным народонаселением, на огромном пространстве царства Польского и великого княжества Литовского. Но в ней встречаются явления, которые отчасти были в Германии, а может быть, еще в худшей степени. Она не могла управиться с недостатком внутреннего устройства; в правлении не было единства, силы государства не могли быть собраны к одной цели. Многочисленная, непокорная, своевольная шляхта ограничивала власть короля и препятствовала самым благим начинаниям. Только в битвах против врагов оказала она услуги. Назначение Польши было, по-видимому, удерживать натиск магометан. Под влиянием этой цели найдем мы не раз соединение Польши с Венгрией и Богемией.

Богемия, в начале 15 столетия блистательно ставшая

В ряд европейских государств, утратила в войнах своего народонаселения. Еще полтора столетия она страшно воевала против немцев, но в 16 столетии это кончилось страшным порабощением ее не в виде германского чистого элемента, но католицизма и иезуитизма. Множество вопросов, поднявшихся в Европе в следующем столетии, волновали Богемию еще в 13 и 14 столетиях. Это было талантливое племя, но оно истощилось в бесплодных усилиях, взяв преждевременно идеи Реформации и вздумав отстоять их против всей Европы. В 15 столетии Венгрия вместе с Польшей ведет войну с магометанами.

Лекция 10 (6 Октября)

Мы видели, в каком положении находились государства христианские Западной Европы во второй половине 15 столетия. Мы сказали о той опасности, какую внушало Европе возрастающее могущество Турецкой империи. В самом деле, славянские государства и мадьярские, силы в Польше и Венгрии были недостаточны, чтобы остановить напор турок. Империя немецкая, разбитая на 1000 с лишком владений, не могла представить надежного оплота, а силы турецкие росли. Надо взглянуть ближе на это государство, чтобы понять причины этого могущества. Турецкие летописцы рассказывают еще о том времени, когда основатель турецкого могущества мог собрать всю дружину свою около одного котла. В 14 столетии османам принадлежит вся Малая Азия, они вступили в Европу, и в половине 15 столетия овладели всеми землями Византийской империи. В начале 1453 г. Магомет II осадил Константинополь, собственно Византийскую империю, ибо пределы империи совпадали с укреплениями этого города. Четыреста тысяч и более было жителей в царственном городе (прим. Число жителей византийской столицы в середине XV в. составляло около 40 - 50 тыс. человек. См. «История Византии», т. 3. М., 1967. стр. 117.), но готовых защищать явилось только 5000. К ним присоединились 2000 итальянцев под начальством генуэзца Джустиниани. Этим 7000 ратников вверена была защита города, от падения которого зависела не только судьба всей Юго-Восточной Европы, но падение которого грозило и остальным странам Западной Европы. Занятые своими домашними делами, народы Европы не обращали должного внимания на эту опасность; последний император был убит, имя Стамбула заменило имя Константинополя. Но Магомет не остановился на этом завоевании и шел далее. Он говорил, что не положит оружия, доколе в Европе останется хотя бы один христианин. Магомета II не надобно представлять себе каким-либо варваром вроде Чингис-хана или Тимура. Он был человек относительно своего времени высокой образованности; кроме персидского, арабского,

турецкого языков, он знал языки греческий, еврейский, латинский. Он любил науки и искусство, даже те, которые были запрещены пророком, и призывал к себе итальянских художников. Это сделало его тем более грозным. Не только с суши грозил он врагам своим, но и флотом на Средиземном море. Турция явилась одновременно морскою и сухопутною державою. Мы знаем, что тайна долгого существования Византийской империи объясняется только теми средствами империи, которые извлекала она из народов славянских, но народы славянские, постепенно ослабленные Византийской империей, слагались в массы и государства на южной стороне близ Дуная. Эти государства были также завоеваны турками. Отчаянно сопротивлялись они, но вожди не могли сдержать этого натиска. Земли славян, Пелопоннес, нынешняя Греция, часть архипелага — все это было покорено еще при Магомете. Остров Родос, место пребывания рыцарей Иоанна Странноприимного, отразил нападение турок, но ему угрожала новая осада. Суда мусульманские явились у берегов Италии и осадили Отранто. Напрасно было воззвание пап к походу крестовому против этих врагов. При дворах думали об этом, то есть делали предварительные праздники, но никто надлежащим образом не понимал опасности. В 1481 году умер Магомет II, и можно сказать без преувеличения, эта смерть была счастьем для Европы. Преемник его Баязет II был слаб и беспечен. Он возбудил против себя общее негодование, особенно между янычарами; завоевания шли медленно и вяло, без участия самого султана. Такой порядок вещей не мог удовлетворять требованиям новой Турции. В 1511 г. он должен был сойти с престола и уступить его Селиму, сыну своему, тот славно продолжал завоевания. Из чего же составлялись силы Турции? В 1-м томе «Истории римских пап» Ranke образцовым образом изложено состояние Турции в это время. Это сочинение составлено из донесений венецианских послов, знавших хорошо Турцию, с которой беспрерывно входили они в столкновения. На трех основах держалась турецкая власть: во-первых, на старой турецкой коннице, во-вторых — на учреждении янычарской пехоты, и, наконец, — на личностях султанов. Когда Османы соединили под своей властью княжества, основанные отдельными турецкими вождями в Малой Азии, они приняли в ряды свои соплеменников своих, рассеянных в Малой Азии; каждый, вступив в ряды, получал участок земли, род лена, тимар, за который обязан был службою. Тимары были незначительны, от 3 до 5 тысяч пиастров приносили они дохода; пиастр равнялся нашему рублю. Тимары должны были вместо пошлины выставить всадников, именно с 8000 тимаров взималось 200 всадников. Шлёцер говорил *c'est tout comme chez nous* (франц. «Всё, как у нас»), но мы видим, что здесь существовало глубокое различие от европейских ленов. Во-первых, турки не знали настоящей наследственности; каждый тимар мог быть отдаваем другому владельцу по смерти одного. Дети владельца не имели права на тимар. Но зато один род был постоянно владетельным. Только турки, Завладевшие Византийской империей, могли владеть тимарами. Таким образом, в конце 15 столетия у турок является 130 тысяч превосходных всадников, для которых война была любимым делом; чем более увеличивалось народонаселение, тем более нужно было число тимаров и, следовательно, надо было завоевывать новые земли, новые участки. Эти 130000 тимаров, которые видим мы в конце 15 столетия, составляли настоящее турецкое войско и в противоположность грекам покоренным назывались воинами, христиане назывались гражданами. Но кроме этой превосходной конницы, султан располагал лучшей пехотой в Европе; странен был состав этой пехоты. Около 1367 г. в половине 14 столетия, турки начали воспитывать христианских мальчиков для службы в своем войске; когда паша отправлялся на христиан, он привозил в дар султану здоровых, сильных мальчиков. Отцы их были убиваемы или продаваемы, дети поступали в дар к султану. Потом каждые пять лет происходил обыск селений, турецкие сановники осматривали всех детей христианских, выбирали самых крепких и здоровых и отправляли их к султану. Одна часть, самая меньшая, отправляема была в сераль, другая, большая часть, отдавалась в Анатолию для учения тому, что было прилично воину, участвовала в обработке земель, приучалась ездить верхом и владеть оружием. Когда им наступало 20 лет, они возвращались в европейскую Турцию и вступали в ряды янычарские. Крепкие и здоровые юноши, оторванные от семейств, забывшие язык и веру отцов своих. Им не суждено было иметь семью, они осуждены были на безбрачие и войны с неверными; они жили вместе в огромных казармах, подобно монахам,

каждый вечер делали их перекличку, не позволено им было отлучаться на ночь; они не могли жениться. Они были подчинены правилам самой строгой дисциплины, ропот наказывался смертью, по-видимому, тяжелая, безрадостная жизнь. Но у них были свои вознаграждения, они гордились уважением к ним султана, султан без них не ходил на войну, они не ходили без него. Начальники янычар могли быть избираемы только из их рядов. Дети христиан, таким образом, предводя людей христианского происхождения, были самыми страшными, жестокими врагами христианских народов. Мрачный, религиозный фанатизм был отличительным характером янычар в первое столетие их существования. За султана и рай Магометов они охотно проливали кровь свою. Такие учреждения, основанные на абстрактных целях, не могли долго существовать; но сначала янычары были страшны, выигрывали все великие битвы, при Варне, при Косове, и они же овладели Константинополем. Таким образом, на счет христианского народонаселения поддерживал турецкий султан могущество свое. Но не в одни янычары поступали они, часть их назначалась для воспитания в отдельных сералях, в Адрианополе, Константинополе. Это были лучшие, подававшие более надежд; они учились грамоте и военным обрядам; они составляли впоследствии конную стражу султана, не получали тимаров, но были на жалованье султана; отсюда выходили первые военачальники и великие визири; в половине 16 столетия все великие визири, покрывшие такую славою турецкое оружие, были отсюда.

Наконец, личность султана. За исключением Баязета II, все они отличались великими дарованиями, великим честолюбием, деятельностью. Можно сказать, что они большую часть деятельности проводили в войне с христианами. В руках их были сосредоточены все средства государства, они располагали несравненно с большею легкостью всем этим, чем христианские государи. Но само собой разумеется, что такой порядок вещей находился в сильной зависимости от личных качеств отдельного султана. Последним великим султаном был Солиман; после него мы увидим упадок турецкого могущества, ознаменованный упадком и личных достоинств сановников и янычар. При Солимане уже было заложено начало этому падению, он первый позволил янычарам вступать в брак и не всегда ходил в поход с ними.

Мы видели, следовательно, в каком положении находилась Западная Европа в это время; везде упадок средневековых учреждений, возникновение новых форм и политических требований. Везде этот переход обуславливается усилением монархического начала и отдельных национальностей. Именно в тех государствах, где эти явления обозначались не с такой силою, там оказалось более препятствий к успеху и зародыш будущего разложения. Но не в одной только сфере государства, в сфере политической жизни обнаружились явления, свидетельствующие о переходном времени. Западная церковь представляет нам то же зрелище, как и государство. Известны великие требования пап в 13 столетии и, по-видимому, успех был на стороне их. Целая династия, в руках которой была лучшая часть Европы, Гогенштауфены сокрушились в неравной борьбе с папскою властью. Успех пап был полный, ни одно из государств Европы уже не могло противопоставить им прежнего сопротивления. Но это была мнимая победа, и победитель и побежденный сошли равными с театра битвы.

Прошло полвека после смерти Фридриха II и нескольких десятилетий после Конрадина, внука его, и агент французского короля дал Бонифацию VIII пощечину. Это не было делом только личного насилия, [наглой] обидой, нанесенной лицом лицу. Можно сказать, что великая политическая роль папы кончилась. Он вовлечен был в политические мелкие смуты и сошел с идеальной высоты своей. Прежде всех объявила себя независимой от папы Франция в том смысле, что церковь французская вышла из прежней покорности ему. Второй преемник Бонифация VIII переехал уже во Францию, в Авиньон. Здесь он жил под надзором, опекой королей французских и был рукой их видов, притом, надо заметить, во время упадка сил Франции, во время тяжких ее войн с Англией. При Эдуарде III единовременно с этим Англия отказалась платить подать папе, платив дотоле огромную сумму, признавая себя через короля

своего в 13 столетии леном папским. Мы помним, что некогда папские легаты имели влияние на выборы императора; в 14 столетии курфирсты, собравшись в Реймсе, решили избирать только сами императора. Везде освобождались отдельные национальности. Потом началась великая схизма, давшая новые средства светской власти против духовной. В начале 15 столетия пап было даже три, третий жил в Испании; они обвиняли один другого в похищении престола и приводили в соблазн Европу своими ругательствами. Признание того или другого папы было делом личного произвола. Тогда со всех концов

Европы [поднялся] один мучительный крик, выразивший потребность восстановить значение пап. С этой целью в начале 15 столетия было три собора, первый в Пизе (1409 г.); здесь обнаружили все язвы западной церкви и болезни ее; собор не нашел, однако, средств к излечению; новый собор собрался в Констанце (1414 г.), его следствием была смерть Гуса и выказавшееся новое направление. Недовольные папою кардиналы и архиепископы думали ограничить его власть соборами с преобладанием аристократического начала в церкви. Но собор Констанцкий, споря с папою, силится оправдать себя в общем мнении, и силится доказать, что он настоящий католический собор, и потому, быть может, так строго поступил с Гусом и Иеронимом Пражским. Последний собор был в Базеле (с 1431 г.). Здесь движение собора приняло характер чисто демократический; здесь выражены смелые начала, что соборы стоят выше пап, что собор может изменять решения папские, низлагать пап, что на соборе священник равен папе. Но самая талантливая, блестящая личность отложила от этого собора: Aeneas Silvius Piccolomini, юноша аристократического образования и происхождения, принесший на собор начала новые; но потом он не выдержал первого направления, перешел на сторону пап и явился потом сам папою Пием II. Видя, к чему клонится дело, папа и его приверженцы обратились с предложениями к отдельным государствам, предоставляя значительную свободу французской и английской церкви, предоставляя им многие права, делая уступки в догматах самих гуситам чешским, чтобы хотя что-либо сохранить из папской власти. Но результаты всего порядка вещей были очевидны. Реформа святых отцов собора не состоялась, но национальные церкви везде выигрывали.

Лекция 11 (8 Октября)

Мы видели перемены в сфере церковной и политической жизни средних веков. Нам остается рассмотреть подобные явления в остальных сферах. Известно, что каждый порядок общественный тесно связан с лежащими в основе общества идеями, которых он есть результат и продукт. Средний век имеет свои законченные теории, лежащие в основе его политических форм, церковных учреждений и нравственных правил. У него была своя наука, оправдавшая явления средневековой жизни, доказывавшая их законность. Но и сюда проник дух отрицания; самые эти основные начала были подвержены строгим исследованиям. Но чтобы понять полнее то, что следует излагать нам, надо сказать несколько слов о средневековой науке и схоластике. Мы привыкли под схоластикой разумеать бесплодные и диалектические формулы и определения, одним словом, науку, лишенную всякого живого содержания. Такое воззрение на схоластику объясняется теми формами, в которых она действительно явилась в конце 15 столетия, но при первом своем появлении не такова была она. В XI столетии, когда начались первые попытки ее, в схоластике, в этой науке, впоследствии опозоренной и осмеянной, явилось необычно много смелости и жизни. Стоит указать на один пример Абелярда, на эту жизнь, исполненную борений всякого рода, на эту многосложную деятельность, которой коснулся он всех сторон тогдашней науки и коснулся их не бесплодно. Главным достоинством схоластики тогда была ее юношеская смелость, исполненная бесконечной веры в силу разума; она смело схватилась со всеми трудностями. Главный недостаток ее заключается в недостатке положительных знаний и материальных средств. Вожди схоластики усвоили себе все, что знали их современники, но этого было недостаточно; тем не менее заслуга их велика: они-то сообщили европейскому уму

ту пытливость, науке — гибкость и ловкость. Но вследствие самой своей смелости и самонадеянности эта наука не могла вступить в дружеские отношения к средневековому обществу. Абельярд подвергал отречению от церкви и гонению таких мужей, каковы были, например, св.Бернард. Ученик Абельярда Арнольд из Бресции умер на костре за смелую попытку изменить политические формы в Италии. Одним словом, схоластика вызвала против себя двоякую оппозицию — со стороны светской и духовной власти. В течение XII столетия она осталась в тех же отношениях к папскому престолу и светским властям.

В 13 ст. средневековые начала восторжествовали над противниками своими. Император Фридрих II, который стал во главе всех новых элементов, пал после смелой борьбы. Общее мнение отступило от него, папы этим воспользовались. В 13 ст., по-видимому, подавлены все оппозиции против средневекового государства. Но это была минутная победа, папы недолго пользовались своим торжеством. Собственно с их стороны все меры были приняты, чтобы устранить подобные явления, как схоластика: в начале 13 столетия в Южной Франции основано страшное судилище — инквизиция, имеющее судить мысли человека. Единоновременно с этим учреждены два монашеских ордена [доминиканцев] и францисканцев, ордена, отказавшиеся от всякой собственности и обревшие себя на постоянное непрерывное служение одной церкви и папе. В руки этих орденов перевели папы, во-первых, надзор за воспитанием, во-вторых, из рядов их вышли главные проповедники. Сопrotивление других орденов, [сильных] удерживать университетские кафедры, было бессильно. На всех кафедрах сели монахи этих орденов. В 13 ст. это замещение кафедр в европейских университетах не принесло существенного вреда: новые преподаватели шли по следам прежних. Это были любознательные, любившие науку люди. Но это продолжалось недолго. В 14 ст. схоластика, несмотря на несколько знаменитых имен, уже отжила свой век. Она брала свои орудия только из умозрения, незнакомая ни с естественными науками, ни с историей. Как школа формальной логики она могла еще приносить двусмысленную пользу, но все, что можно было сделать, уже было ею совершено. В 14 ст. она ставит себе в обязанность оправдывать папскую власть и католицизм в тогдашних видах. Она довела это подчинение науки внешним целям до цинической крайности. Иоанн Торквемада в 15 ст. учил, что самое Священное писание имеет силу настолько, насколько папа признает его; без того Священное писание не имело бы силу.

Средневековые университеты заменяли тогдашним народам все средства, какие дает нам ныне литература и книгопечатание. Толпами стекались слушатели. Только в университетах происходил обмен мысли; и на этих-то кафедрах преподавали такие ученые, о которых мы сказали. Далее, идя последовательно ложным путем, схоластика дошла до того, что перестала брать во внимание текст Священного писания и объясняла одни комментарии свои, так что некоторые богословы не знали даже Библию, зная превосходно одни комментарии на прежних своих богословов. Вместо великих вопросов Абельярда и других великих схоластиков в диспутах университетов спорили о том, почему Адам в раю съел яблоко, а не грушу. Целые томы написаны на следующие темы: может ли бог совершать чудеса обратно, т. е. переносить их на прошедшее время. Одним словом, живое, положительное содержание совершенно исчезло из науки; история, филология, естественные науки не преподавались вовсе. Только с кафедр юридических видим мы некоторые оппозиции схолистике, но довольно робкие, выходившие из внешних причин, ибо преподаватели римского права были противниками защитников канонического права.

Такова была наука официальная, но была и другая наука. Не одни смелые попытки схоластики победило папство; оно одержало другую победу, кровавую, над ересями Европы. Рядом с усилением католицизма развивалось в тени оппозиционное направление, обнаружившееся в ересь. Но средоточием этого движения, сердцем, к которому стекались отдельные направления, была Южная Франция. Здесь же возникло учение альбигойцев, под которых именем разумеются все вообще секты, но есть и преимущественно называемая секта

альбигенцев. Секта вальденцев пошла от Петра Вальда. Она требовала возвращения к первоначальному христианству и простоте нравов, отрицая безбрачие духовенства, власть папскую, посредничество между божеством и человечеством ввиду католической церкви. И это учение было после подавлено страшными сопротивлениями. Одним словом, и ересь, и наука погибли в конце 13 века. [Реакционные направления одержали совершенную победу; но подавленные направления уцелели], медленно распространяя свою работу, распространяя, продолжая дело исследования. В 13 ст. в Италии уже обнаружались плоды этих новых направлений, первоначально не навлекшие гонения пап, открывшиеся сначала изучением только древних образцов. Папы отчасти покровительствовали филологии, ученым, которые шли этой дорогой. Эти ученые направления развивались и везде. Но в Италии замкнулись окончательно некоторые направления средних веков, именно из числа оппозиционных направлений. Известны направления, господствовавшие в средних веках. Мы видели, что во Франции на юге и на севере возникли два рода литературы — лирическая и повествовательная. Лирическая, воспитанная преимущественно в сословии рыцарском, не ограничивалась одной любовью рыцарей к дамам, вскоре она приняла вид сатиры на средневековое общество. В 12 и 13 ст. поэты лирические стоят на стороне противников пап и крестовых походов. Их постигла участь всего такого направления. Но лирическое направление замкнулось в Италии, прежде взятое из Франции. Петрарка, итальянец, живший часто при папском дворе, увенчанный в Капитолии, был ли он продолжателем трубадуров в сатирическом их направлении? Но он шел еще далее: он обращается прямо к Риму со словами энергического упрека, со словами ненависти, которые страшно звучат у него. И его песни ходили не по одной Италии, они были известны целой Европе.

В Северной Франции возникла городская литература, *fabliaux* французские, в которых выводились на сцену смешные стороны рыцарства, духовенства, которые стаскивали в грязь все идеалы средних веков. Но этот род литературы был замкнут в Италии же Декамероном Боккачио. Необычайное изящество формы искупило в глазах духовенства соблазнительное содержание этих повестей. Они были переведены на все языки и читаемы при дворах. Между тем, мы видим, сколько в Декамероне насмешки над всеми идеалами среднего века. Разрушительное направление здесь скрылось под художественностью формы и [потому] не было преследовано. Наконец, в Божественной комедии мы видим тоже борьбу средневековых элементов с новыми. Дант был глубоким, страстным поклонником средневековой науки, но он не мог привести ее в согласие с противоречиями собственного разума. В Божественной комедии много дисгармонии, происходящей от этой внутренней борьбы, происходившей в самом поэте. Но все, что было великого в средневековых идеях, высказано здесь: далее они не могли развиваться. Но защитник средневекового богословия и науки, Дант был врагом папства, гиббелином. В книге его *De monarchia* мы находим теорию государства, совершенно противоположную тем теориям, которые в его время были распространяемы папами.

В наше время трудно перенестись, представить себе вполне то страстное одушевление, с которым итальянские юноши изучали древних в 14 и 15 столетиях. Это изучение древних переходило в жизнь и возбуждало к переменам ее. Кола ди Риенци вследствие этого изучения думал в половине 14 ст. восстановить республику. Многие из филологов переходили к язычеству, отрекаясь от всего средневекового. Это было какое-то опьянение. Но помимо этих крайностей шло великое. В 15 столетии начинается в Италии основательное изучение Платона и Аристотеля. И какое изучение! На соборе Флорентийском 1439 г. Григорий Плетон навлек на себя подозрение в том, что он хочет заменить христианские догматы платоническими идеями. В том же столетии Козьма Медичис основал академию во Флоренции. В члены этой академии вступали лучшие люди Италии и в числе их несколько греков, бежавших из занятого турками Константинополя. Главой этого направления был Фичино, переводчик Платона. Платон был сделан предметом изучения академии, которое можно назвать не иначе, как религиозным. Знаменитый итальянский реформатор Savonarola говорит, что в его время раздавались в церкви

проповеди на текст из Платона. Умиравший Медичис велел читать себе на смертном одре Парменида. Самовольно, без утверждения папского, собрались ученые во Флоренции с целью признать Платона святым. В комнате Фичино теплилась постоянно лампада перед изображением Платона. В этих понятиях Италии начали принимать участие и другие народы. В начале 15 ст. Николай из Кузы, впоследствии папа, посетил Италию и принес оттуда изучение древних. Надо показать, какая же была основная мысль, связывавшая эти рассеянные труды. Она заключалась в следующем: связь древней науки с новой, древней философии с христианством, показывает, что они не враждебны. Такова была вся цель Фичино. С этим же направлением выступил Пико де Мирандола, двадцати лет от роду, представивший в Рим 900 тезисов для спора и знавший почти все европейские древние и значительную часть восточных языков. Это был один из величайших и благороднейших людей в конце 15 столетия.

Лекция 12 (11 Октября)

Мы говорили о великом движении, происходившем в сфере науки в Италии. Один из замечательных представителей этого движения был Пико князь de Mirandola. 24 лет от роду он взялся защищать 900 тезисов из наук тогдашнего мира. С именем его привыкли соединять самым несправедливым образом понятия о многостороннем, обширном, но бесплодном знании. Новые исследования показали его совсем с другой стороны. Конечно, весьма немногие из его современников действовали так благотворно на науки и имели такое обширное влияние. В нем можно найти значительные сходства с неоплатониками. Подобно им, он вдаётся не только в мистицизм, он занимался последние годы своей жизни изучением каббалы. Это еврейское слово, значащее предание. Под ней разумели евреи откровенную науку, данную богом

Адаму и Аврааму. Впоследствии это же знание получил сверх 10 заповедей Моисей. Это знание, доступное и открытое немногим, передавалось изустно от одного поколения к другому. Во второй половине 15 века [нашей эры] вышли уже подробные исследования об этом (Франк Histoire de la cabbale). В 15 ст. знаменитейшие ученые, самые сильные умы верили в существование этой неведомой большинству божественной, непосредственно сообщенной богом человеку науки. К ней-то был привязан Пико. А между тем это был человек, который написал блестящее остроумное опровержение астрологических бредней; он искал в каббале символа, под которым истина является человеку. Основной его мыслью было единство человеческих преданий, от Адама непрерывная нить развития. По его мнению, христианство есть высшая форма всей истории, к ней стремились религии Востока и древние философские убеждения, с этой стороны Пико, глубоко знавший древних, защищал и схоластику, отдавая ей справедливость. Подобно большей части людей того времени, Пико не отделял своей жизни от своих мнений. У него одно отвечало другому. Несмотря на молодость, красоту, княжество, он жил отшельником, считая служение науке священнодействием. Он умер в 1432 г., избегая света, погруженный в труды свои. Его идеи отозвались вне пределов его родины, они перешли в 16 ст. в Германию, во Францию.

Но сверх этой умозрительной стороны умственного движения в Италии, была еще другая, практическая, где наука и жизнь приходили в более тесное соприкосновение. Мы говорим о попытках возвратиться к древним не только в науке, но и в самой жизни. Большого разрыва с настоящим трудно найти в истории; гуманисты отреклись не только от окружающей действительности, но часто и от христианства. В 1468 г. папа Павел III начал первый гонение на науку Италии, но это гонение осталось еще без следов. До какой степени греческие и римские классики действовали на умы молодых людей и всего образованного сословия, это мы видим из истории каждого итальянского государства; разительный пример Олиджияти, вместе с друзьями пытавшегося освободить Милан от Сфорцев; попытка его не удалась; друзья его погибли, он сам был приговорен к самой мучительной смерти; его в продолжение нескольких дней пытали,

потом с живого содрали кожу. Во время страшных мучений он утешал себя изречениями древних и умер со словами *mors aserba, fama perpetua* (лат. «Ранняя смерть, зато вечная слава»). Так глубоко входили в жизнь итальянских граждан идеи древнего мира. Но закончил это направление знаменитый секретарь Флорентийской республики Макиавелли. Причины того, что мы будем говорить подробно о нем, заключаются в том, что, не зная Макиавелли, трудно понять характер 16 столетия; он стоит на рубеже между средним и новым миром. Он положил основание новым политическим идеям в Европе. Так как жизнь его находилась в тесной связи с его мнениями, то прежде скажем о жизни. Он родился в 1469 г., отец его был юрист, находился в службе; он дал сыну литературное образование; Макиавелли был еще очень молод, когда Флоренция свергла с себя начинавшее тяготить иго Медичисов. Петр, сын Лаврентия, не мог быть сравнен с своими предками; когда французы пришли в Италию, граждане Флоренции воспользовались этим и изгнали Медичисов. Древняя, чисто республиканская форма правления была восстановлена. Макиавелли тотчас получил место сначала секретаря совета, потом секретаря республики; все главные дела проходили чрез его руки. Но главная деятельность его была обращена на политические отношения Флоренции. Он 24 раза был послан к иностранным государствам с разными поручениями республики. Здесь он коротко ознакомился с делами современной Европы. В 1512 г. Медичисы вследствие насильственного переворота, поддержанного силами императора Карла V, возвратились снова во Флоренцию. Приверженцы прежней партии пали; Макиавелли был взят, жестоким образом пытан; он сам говорит об этих пытках: «Что еще бы немного, и я бы умер». Но он ничего не показал. За недостатком явных улик (собственных фактов против него не было, он был взят за образ мыслей) он был освобожден, но ему уже не давали никакой должности; тогда он поселился в поместье своем небольшом близ Флоренции. Небольшое состояние, наследованное от отца, он истратил на службе. Теперь, в летах зрелости, он должен был жить на небольшое количество денег. Здесь-то начал он свою литературную деятельность. Он здесь написал свою знаменитую книгу *Del Principe*. Потом часто посещал он Флоренцию, где в садах Козьмы собирались самые образованные люди Флоренции и иностранцы для науки и политики. Для этих-то друзей он написал свои беседы о Тите Ливии. Здесь же написал он свой разговор о военном искусстве. Он умер в 1527 г. В последние годы жизни его Медичисы иногда обещались к нему за советами, но должности ему не вручали никакой. Он умер, можно сказать, измученный, не удовлетворенный потребностью практической деятельности, оставив по себе странное имя: с именем его соединяли понятие хитрой, коварной политики.

Между тем Италия не так смотрела на него и причислила его к числу великих граждан своих, почтительно храня память его. В новой Европе, много пострадавшей от учения Макиавелли, нашлись голоса в его защиту; спор решен тем, что честь его восстановлена. Это был один из самых страстных и благородных характеров Италии. Сочинения его разделяются, во-первых, на его официальные донесения Флорентийской республике в качестве посла; во-вторых, стоит его сочинение о князе, вопросы о Тите Ливии, и наконец, его мелкие сочинения, но это уже произведения, которые для нас не имеют значения. Донесения Макиавелли своему правительству принадлежат к числу самых важных исторических памятников; два донесения имеем мы из Германии, другие два — из Франции. Он описал страны им виденные. Более превосходных отчетливых известий о Германии и Франции в таком кратком объеме не найдем даже во всей современной литературе, но он не довольствовался одним внешним, он взглянул глубже; много здесь верных, глубоких замечаний о Франции, Германии, замечаний, оправданных историей.

Еще важнее как для личной оценки Макиавелли, так и для истории тогдашней Италии донесения его об итальянских государствах, особенно донесения о времени пребывания его при особе Цезаря Борджиа. Цезарь был сын папы Александра VI. Сначала папа призвал его в кардиналы и дал ему архиепископство Валенции. Когда умер, конечно, не без содействия Цезаря, старший его брат, Цезарь сложил духовный сан и воротился к светской власти. Это

было бесспорно, одно из типических лиц тогдашней эпохи. Пользуясь средствами, которые представлялись его отцу, Цезарь Борджиа было вздумал основать в Италии могущественное государство. Все средства для этой цели не разбирались им - тайные отравы, измена, война. Войско у него было преданное, прекрасно обученное, могшее поспорить со всеми войсками тогдашней Европы. Сам он был человек необычайно деятельный, потерявший всякое различие между добром и злом, но чрезвычайно даровитый, любитель и покровитель наук и искусств, справедливый там, где справедливость не мешала его видам; в городах ему подвластных удары его не падали на низшие сословия; они падали на противников его стремлению. В 1502 году он стоял на высшей ступени своего могущества, но у него завязалась распря с могущественными домами Вителли и Орсини. Флорентийская республика также питала неприязнь к этому человеку; она не любила Цезаря и отправила Макиавелли следить за его движениями. Донесения последнего от 1502 г. в высшей степени любопытны, ибо характеризуют того и другого. Оба они не доверяют друг другу, хотя превосходно понимают один другого. Из улыбки Цезаря Макиавелли угадывает о его намерении; он редко ошибается в своих выводах; как Цезарь ни хитер и ни осторожен, но Макиавелли знает и понимает его. Одно из этих писем навлекло на Макиавелли подозрение. Он доносит, что Цезарь под видом дружества пригласил к себе на пир своих противников и умертвил их. Но по известию видно, что это несколько не удивило Макиавелли и что он даже некоторым образом оправдывает Цезаря». Дело ясное: человек никогда не может высвободиться из-под влияния своего времени; нравственные и политические понятия времени связывают его. У Макиавелли понятие о нравственности было политическое, он говорил, что благо народа есть высший закон. С другой стороны, характер Цезаря имел для него тайную прелесть: он смотрел на него не с ужасом, а с тайным удовольствием. Когда пресеклась для него пора гражданской деятельности, в 1513 году он написал книгу *Del Principe*, где явно оправдываются преступления и подаются для них уроки; все преступления делит он здесь на полезные и бесполезные и отвергает только последние, принимая первые необходимыми в государстве. В этой книге резко отделена нравственность частная от политической и гражданской; между ними нет ничего общего. Эта книга преимущественно доставила Макиавелли ту печальную известность, которой он пользуется доселе. Но происхождение этого сочинения замечательно. Оно написано чрез год после падения того порядка вещей, которому принадлежала деятельность Макиавелли, написано человеком, который вытерпел пытку, и адресовано тому самому Петру Медичису, который представлял наиболее сходства с Цезарем. Одни говорили, что Макиавелли написал эту книгу как низкий льстец, чтобы получить снова прежнюю свою должность; другие видели здесь скрытые намерения обличить современную политику, которой держались тогда князья итальянские; третьи, наконец, объясняли это гораздо проще, сообразно с характером жизни и мнениями Макиавелли.

Для того чтобы познакомиться с характером той эпохи, мы приведем письмо Макиавелли к Францу Веттори, товарищу его с детства, который был вместе с ним при дворе Максимилиана и который, будучи осторожнее, сохранил свое место. Макиавелли рассказывает ему свой образ жизни в своем маленьком поместье, жалуется на бедность и недостаток деятельности. «Рано утром,— говорит он, — выхожу я в поле и занимаюсь полезными делами: ловлю птиц, рублю лес и продаю его, выгадывая и обманывая; потом иду в трактир на большой дороге, где узнаю свежие новости и мысленно улетаю в город; потом ухожу я в лес и беру с собой одного из любимых писателей, особенно Данта: здесь приходят ко мне толпою воспоминания моего детства и молодости. После скудного обеда я опять отправляюсь в тот же трактир, сажусь играть в шашки с лавочником, медником и так шумим о мелочах, что шум наш долетает до города». В другом месте говорит он: «Я не могу более терпеть, мне приходится бежать отсюда, я не могу здесь жить, я хочу скрыть срам моего семейства, пусть меня считают умершим... Но когда наступает ночь, я прихожу в свою уединенную комнату, здесь скидаю крестьянскую одежду и надеваю прежнюю, великолепную; здесь ожидают меня великие люди древности. С

ними беседую я, и они дают ответы на все мои вопросы». Здесь же посреди этой жизни он написал свое *Del Principe*.

Книга эта написана холодно, спокойно, видно, что рука автора не дрожала; и вдруг он замыкает ее дифирамбом: «Какими бы средствами ни овладели Вы престолом, говорит он, обращаясь к Петру Медичису, какие бы преступления ни довели Вас до цели, благословение божье будет над Вами». Он видел, что Италия лишена была всех средств к восстановлению порядка при всеобщей порче нравственности; для ее спасения он жаждал диктатуры и это убеждение вынес он из изучения древности. Ему все равно, кто бы ни был этим диктатором, лишь бы он спас Италию. Таким диктатором мог быть, по его мнению, Цезарь Борджиа. С презрением отзывается здесь Макиавелли о французах и немцах: из точки зрения Макиавелли, любившего горячо свою родину, это презрение было понятно. С какою же целью посвятил он эту книгу Петру Медичису? Жестокий, неталантливый, он мог, по его мнению, осуществить идеал диктатора. Справедливо сказал о Макиавелли Ranke. Макиавелли поступил с Италией, как врач с больным: видя опасное положение больного, врач дает ему яд. Другого средства не было. Этот яд предложил Макиавелли отечеству в виде Цезаря Борджиа или бессменного диктатора, какой бы нравственности не был он.

Лекция 13 (15 Ноября)

Мы сказали о том значении, которое имела книга Макиавелли о князе. Мы видели, насколько неправы были обвинения, падавшие и падающие доселе на это знаменитое творение Макиавелли. Оно было написано вовсе не с какою-либо мелкою личною целью, это было выражение патриотических желаний и требований Макиавелли. Прочие сочинения Макиавелли, которые мы сейчас рассмотрим, подтвердят сказанное. Из них важнейшие суть беседы о первой декаде Тита Ливия. Многое, что кажется загадочным и непонятным в книге о князе, получает здесь полное объяснение; здесь-то выражена политическая исповедь Макиавелли. Мы видим из этой книги, что он был республиканец по убеждениям, но республиканец в античном смысле, не понимавший потребностей нового общества, тех нравственных изменений, которые христианство произвело в Европе. Поэтому он принимал только одну гражданскую доблесть и добродетель, одну гражданскую и политическую религию. Внутренний мир, раскрытый христианством, остался чужд Макиавелли. На эти внутренние требования отдельного человека, то, что мы называем субъективными требованиями, смотрел он с сожалением, презрением. С этой точки зрения он обвинял христианство в ослаблении общественной нравственности и доблестей, смешивая, таким образом, христианство с римскою иерархией, повредившей, конечно, во многом Италии. Он не знал другого христианства, кроме католицизма, и к этому-то христианству католическому относятся его воззрения. Но, с другой стороны, у него было темное сознание, что христианство может быть побуждением к великому, и он говорит тогда: «Только народы глубоко религиозные способны к совершению великих исторических подвигов». Конечно, за этим тотчас следует его определение религии — он допускает религию только политическую как побуждение гражданское к совершению гражданских подвигов. Идеалом религии была для него религия римская. Нигде, может быть, так не видно, как в этой книге, до какой степени он стоял на античной почве. Для него история то же, что для Цицерона — *magistrae vitae*, он предлагает здесь уроки и примеры для нравственности, он верует в силу этих примеров. Но многие, смело можно сказать, легкомысленные ученые смеялись над Макиавелли, обнаруживая его недостаточные знания древней истории. Точно, он не был антикварием; в ссылках его на древних писателей мы находим не один промах, но он глубоко изучил древних, он оттуда вынес свои воззрения. Здесь дело не идет о фактах, дело идет о рассуждениях, которые вставляет он между фактами. Цель, с какою написаны беседы о Тите Ливии, также чисто практическая: она есть показание Римской республики как идеала его гражданства; он не умышленно, может быть, скрывает темные стороны республиканской

римской свободы, рабство, угнетение низшего класса. Он ослеплен был могуществом Рима, славой его, величием тогдашней Италии. С такой же целью написаны его 7 книг о военном искусстве.

Мы говорили уже об упадке военного духа в Италии. Граждане, занятые другими интересами, предоставляли войну наемникам, кондотьерам. Этими наемными дружинами поддерживали свою власть мелкие князья Италии, присваивали себе правдою и неправдою власть, вели войны кровавые в итальянских державах. Начальники кондотьеров уславливались наперед в успехе битвы; та кондота, которая получила более денег, та и одерживала победу. В конце 15 ст. открылись все следствия такого порядка вещей. Италия, стоявшая тогда на высоте просвещения, где было много таких политических благородных идей, не могла представить даже слабого сопротивления врагам внешним. Французы прошли ее вдоль, для испанцев и швейцарцев Италия была равно открыта. Она не могла выставить национального войска, кондоты ее оказались недостаточными против этих иноплеменников, которые вели войну серьезно. Макиавелли доказывает необходимость именно национального войска, говорит, как должно образовать его, каким духом оно должно быть исполнено. В связи с этим сочинением Макиавелли о военном искусстве стояли его беседы о Тите Ливии, сочинение собственно о значении республики, возникшее в последующей его жизни, в беседах его в садах Ручелай о возможности независимости его отечества; там образовалась идея этого сочинения. Но в связи с ним находится еще [сочинение] Жизнь Луккского князя Кастручио Кастракани. Это небольшое сочинение подало повод к самым неосновательным толкам. В конце XVI ст. знаменитый книгопродавец Альдо Манучио издал жизнь его с огромным комментарием и ездил для этого нарочно в Лукку. Но к прискорбию своему убедился, что в этой книге мало исторической истины. В наше время эта биография послужила новым поводом к обвинению против Макиавелли, именно, что он искажал будто бы исторические истины и т. д. Но мы должны оставаться верными тому воззрению, которое приняли относительно Макиавелли. Он был по преимуществу практический человек, гражданин. Здесь он написал не настоящую историю Луккского князя, а изложил средства, каким образом маленькая республика в Италии может достигнуть власти и распространить ее.

Кастручио Кастракани усилился только посредством войны: следовательно, здесь, с одной стороны, Макиавелли показывает, как практически надо осуществить теорию его о военном искусстве, с другой стороны, этот князь получил первенство над всеми окрестными областями. Макиавелли принимает это в большем объеме относительно всей Италии. Одним словом, между всеми сочинениями Макиавелли мы видим глубокую связь. Наконец, его история Флоренции, то сочинение, которое наиболее известно после книги о князе. Если мы приступим к изучению флорентийской истории Макиавелли только с требованием богатства фактов, критического изложения этих фактов, важности их и точности, то наши ожидания не оправдаются. Но тем не менее история Флоренции может стать наряду с величайшими историческими произведениями всех веков и всех народов. Он предпосылает истории города Флоренции обзор истории средних веков. Для него вся история разрешается во флорентийской истории. Он ставит Флоренцию в этом общем отношении, объясняет флорентийскую историю также в этом отношении: уже с одной этой точки зрения, на которую дотоле не становился никто, показывается значение этой истории. В самой истории Флоренции он показывает, как в истории каждого отдельного государства совершаются те же законы, как и в истории всего человечества, он проводит между историей Флоренции и всеми известными ему государствами аналогию. Воззрение это чисто античное, воззрение фатализма: народам нельзя избежать судьбы своей, им даны наперед известные моменты развития, чрез которые они должны перейти. Гениальностью граждан отдельных и чистотою нравов момент падения может быть отсрочен, но отворотить его нельзя. Он принимает общество сначала как скопище людей, соединившихся под гнетом внешних нужд для обороны от внешних неприятелей; потом из среды его возникает аристократия, аристократия в свою очередь становится тягостной, потом следует демократия, во главе

демократии является, наконец, монархия. Он берет опыты для подтверждения из римской истории. Отсюда объясняются многие его односторонности. От этого, может быть, также развилось и это его исключительное благоговение пред политической жизнью к ущербу всех других сторон жизни народной. Разбору поэтических его произведений здесь нет места, хотя и здесь мы должны указать на многозначительную сторону — ядовитую иронию, с которой он обращается ко всем явлениям средневековой жизни, на этот сатирический, горький взгляд на жизнь. Только стоит прочесть три стиха, чтобы понять эту сторону; он говорит, как надо встречать несчастье: «Встречая несчастье, не принимай его по капле, проглоти его разом; глуп тот, кто отведывает его понемногу».

Сочинения Макиавелли имели влияние не в одной Италии. В Италии он был признан великим гражданином, проникнутым чувством трагической скорби о гибнущей родине. Потому Италия вправе так высоко ставить секретаря Флорентийской республики. Но, с другой стороны, после того, как мы указали лучшие стороны сочинений Макиавелли, надо сознаться, что другие страны Европы имели полное право горько сетовать на него. Он отрешил частную нравственность от общественной, государственное право от религиозных основ. Он поставил высшим законом благо народа, [но] прибавил к этому правила, приобретшие страшную известность в устах иезуитов, что все средства, ведущие к достижению общественного блага, оправдываются этой целью. Книга о князе сделалась настольной книгой государей 16 столетия, Филиппа II испанского, Екатерины Медичис, Генриха IV французского, пользующегося незаслуженной славой правоты и прямоты. Можно сказать, что учения Макиавелли отравили, вошли ядовитой примесью в политические идеи XVI столетия. Безнаказанно таких идей и советов нельзя давать народу; как бы ни велика была цель, безнравственные средства вредят цели. Личность Макиавелли остается в том же уважении, сочинения его исполнены великих достоинств, но все-таки должно сказать, что они оказали влияние, о котором, конечно, не думал Макиавелли.

Мы увидим далее, что Макиавелли не замкнулись эти попытки перестроить феодальное общество на основании идей античного мира и чистых умозрений. Мы посмотрим теперь на распространение идей античности в других государствах. Еще в начале XV столетия Германия обратила внимание на движение в Италии. Молодые люди из достаточных, частью из аристократических фамилий посещали Италию, познакомились с древней образованностью, способами изучать эту образованность и принесли все это на родину. Агрикола, Рудольф Ланге, Буш и другие были во главе этого направления. Здесь не должно забывать, что именно в XV ст. возникла большая часть немецких университетов. Преподавание в этих университетах было по преимуществу схоластическое, читались разные отрасли схоластики, богословия на схоластических основах, право каноническое и римское; об естественных науках, истории и философии не имели понятия. Но в конце XV столетия в городах являются один, несколько человек, проникнутых другим направлением, читавших древних писателей, поэтов, историков и силившихся поделить этим наслаждением с юношеством. Наконец, с этим движением совпадает и распространение книгопечатания. Книги доставать стало легче, новые издания древних писателей распространялись повсюду. Но одно глубокое различие отделяло Германию от Италии. В Италии это возвращение к древнему миру тотчас приняло характер оппозиции против католицизма, против христианства. Не только светские ученые, занимавшиеся древней греческой и римской литературой, но многие кардиналы были заподозрены в совершенном равнодушии к христианскому учению. В Германии было совсем иначе. Здесь ученое движение шло вместе с религиозным. Попытки заменить схоластику впервые видим мы в Нидерландах; они вышли из религиозного братства, от братства взаимной любви, к которому принадлежал знаменитый Фома Кемпийский. В этих школах, заведенных членами этого братства, впервые начинается основательное преподавание древних языков; разумеется, целью их было изучение Святого писания в подлиннике, а не чтение светских писателей, но с тем вместе шло и изучение древних. Всякое движение в истории олицетворяется в знаменитых его представителях. Еще в

первой половине XV ст. Германия оказала значительную услугу Европе в этом отношении; мы упоминали об Энее Сильвии Пикколомини, впоследствии папе, тогда еще юном, исполненном любви к древним писателям, проникнутому нравственными идеями древних (Hagen... (Deut[schlands] lit[erarische] und... Verbal[tnisse]...). В каждом городе, который посещал он в Германии, он оставлял следы своего пребывания, он собирал вокруг себя латинистов, знакомил их с тем, что было сделано в Италии по этой части; в Вене после его пребывания составилась целый круг людей, действовавших в этом направлении. Потом явились немцы, которые пошли по его следам, Буш, Рудольф Ланге, Агрикола и т.д. Биография каждого из них представляет высокую занимательность. Это были странствующие рыцари науки, гуманисты, как их называли тогда; они переходили от одного города в другой как миссионеры, проповедники новых идей и нового вкуса. Во второй половине XV столетия Германия обратила внимание на изучение Греческой литературы. Дотоле изучалась одна латинская. Значительную помощь в этом оказали изгнанники византийские. Об этом влиянии было много писано, влияние было, конечно, велико, но его можно назвать более вещественным, нежели духовным. Византийские ученые могли научить европейцев только грамматике, передать им материальную часть языка, привезти рукописи, но в понимании этих памятников не могли быть руководителями. Лучшее доказательство тому — в Византии они были также изучаемы и ничего отсюда не вышло. Но как скоро коснулись они другой, более плодотворной почвы, пошло другое развитие. Они были, так сказать, только разносчиками рукописей, странствующими учителями греческого языка; другой высшей услуги за ними не было.

В конце XV ст. Иоанн Рейхлин, сын ремесленника, взятый сам по прекрасному голосу в певческую одного из прелатов немецких и сознавая в себе глубокую потребность знания, преодолел все материальные препятствия и посетил Италию. Он ознакомился там с греческим языком, принес с собой на родину отличные знания этого языка и первый экземпляр Одиссеи.

Лекция 14 (22 Ноября)

Мы остановились на характеристике представителей нового направления литературы в Германии в конце XV и начале XVI столетий. Из них 3 особенно заслуживают внимания. В них вполне олицетворилось новое движение. Иоанн Рейхлин. Родился 1455 в Пфюрцгейме, умер 1522; он был человек низкого происхождения, за звучный голос взятый был в певческую местным епископом; усиленными трудами приобрел он здесь сведения о некоторых древних языках, после употреблен был правительством для поручений в Италию, где было закончено его образование. Он привез с собой первый экземпляр Одиссеи и филологический метод, который приложил в Германии. Он был человек строгий, нравственный, исключительно преданный своим занятиям; он не любил литературных споров, но самое время было спорным, надо было сделаться ратником какого-либо направления.

Рейхлин поневоле стал во главе нововводителей. Он издал латинский словарь, греческую грамматику, великие подвиги, облегчавшие изучение этих языков; он издал первую еврейскую грамматику, избрав эпиграфом *exegi monumentum aere perennius* (прим. Имеется в виду «De rudimentis hebraicis»). Издана впервые в 1506 г.— «Я воздвиг памятник прочнее меди» (Гораций).). В самом деле, Библия дотоле почти не изучалась христианами в подлиннике. Народы западные читали ее в латинском переводе, не всегда верном и точном. Знание еврейского языка существовало дотоле только у ученых раввинов. Рейхлин познакомился с некоторыми из них и после несказанных трудов овладел этим языком. Но, пролагая путь к изучению Библии, он имел еще другую цель: подобно Пико Мирандольскому он мечтал о единой науке, в которой должны слиться все науки, он думал найти эту науку в каббале, где, по его мнению, был ключ всемирной символики. Мысль фантастическая, но благодаря этой мысли, мы получили многие великие труды в то время. Так и Колумб открыл Америку, ища восточного

берега Азии. В 1510 г. Рейхлину пришлось принять деятельное участие в распри и раздорах немецких ученых. Один еврей Пфефферкорн перешел, как говорят современники, из корыстных расчетов к христианству, будучи подкуплен кельнскими доминиканцами. Он издал книгу об евреях и требовал сожжения всех еврейских книг во имя христианства. В Кельне, где доминиканцы составляли инквизиционное судилище и занимали все кафедры, они потребовали от императора, чтобы он разрешил общее гонение на еврейские книги и позволил сжечь их. Но при дворе Максимилиана были уже ученые и в Вене со времени Энея Пикколомини. Потому мнение доминиканцев не принято. Император поручил Рейхлину рассмотреть это дело и подать свое мнение. Мнение Рейхлина, очевидно, было против доминиканцев, его самого обвинили в ереси, потребовали к суду, дело дошло до папы. Папа был слишком просвещенный человек, он не хотел прямо выступить против доминиканцев, но Лев X не хотел выдать и Рейхлина. Он откладывал решение этого вопроса, который получил великую важность в Германии. Все разрозненные силы гуманистов и обскурантов соединились и вступили в бой: до 1618 от 1510 продолжалась эта распря.

Мы увидим, что в ее результаты вмешались некоторые замечательные личности. Рейхлин стоял не один. Рядом с ним действовал почти в том же направлении, хотя и другими средствами, Эразм Роттердамский. Он родился в 1467 г. в Нидерландах. Отец и мать прижили его вне брака, ибо тот и другой обречены были в детстве к монастырской жизни. Потому он занял в обществе особое, не совсем выгодное положение. В нем еще с детства сказалась ненависть к монашеской жизни. Бедность родителей заставила отдать его в монастырь. Против воли произнес он обет. Не столько это, как необходимость заниматься схоластикой, раздражало юношу. Епископ Камбрейский дал ему возможность посетить Париж и там учиться, но там он, конечно, должен был жить под монашеским надзором, должен был слушать профессоров, державшихся старой науки. Мало-помалу он сам вышел из этих отношений. Он начал исключительно заниматься древними. Первые труды его были чисто внешние, хлебные. Он переводил греческих писателей на латинский: переводы были отлично приняты. Потом он начал издавать небольшие брошюры, содержание которых было заимствовано из древнего мира; они доставили ему громкую известность. Скоро ученые начали гордиться письмами, которые получали от Эразма; Цезиус, тогдашний ученый, говорит, что на него показывали пальцами за то, что он получал письма от Эразма. Эразм был одарен легкостью в работе, остроумием и чрезвычайной осторожностью, он редко вступал в личные споры и уклонялся от распри; в его натуре было нечто расчетливое, эгоистическое, но в высшей степени даровитое. Сверх того, он был одарен в высокой степени пониманием современного направления и потребностей; изучая древних, он не вдавался в крайность итальянцев, забывших христианство. Он сделал для Нового завета то, что Рейхлин для древнего: он издал очищенный греческий текст Нового завета. Собственно, его воззрение, конечно, было более языческое; он был приверженец гораццианской философии. Он извлекал из древних изречения в этом роде и издавал отдельными книжками, чтобы распространять всяческие античные воззрения. Сверх того, у него была некоторая насмешливость, довольно тонкая, обращенная не на личности, а на общественные предметы и потому не навлекшая на него ненависти. Известна его Похвала глупости. Глупость является здесь царицей, она делает смотр своим подданным, каждое сословие оценивается ею с ее точки зрения; в особенности здесь нападает Эразм на монахов. В спорах Рейхлина он не принял участия, ибо они могли кончиться иначе. Эразм не любил таких распри, он не любил даже, чтобы в его присутствии произносили слово смерть. Это был человек образованнейший, враг схоластики, прежней науки.

Совсем с другим характером выступил на сцену третий,

Ульрих фон Гуттен, один из величайших писателей Германии. Он родился в 1488 г. Эразм и Рейхлин родились в низшем сословии, Фридрих принадлежал к одному из знатнейших рыцарских родов. Отец его имел на него честолюбивые виды; он отдал его в монастырь 11 лет,

чтобы со временем он вступил в высшие духовные должности. Ульрих не чувствовал никакого призвания к духовной жизни, на 16-м году он бежал из монастыря, отец отказался от него. Изнеженному юноше надо было своими трудами добывать себе хлеб. Он переходил из одного университета в другой, жил уроками, писал сочинения на ученые степени и продавал другим, читал лекции в Ростоке. В Вюртемберге он был уже доцентом. Ему не было еще 30 лет, а Германия знала его как самого талантливого представителя новой школы. В особенности он был известен как поэт, писавший латинские стихи. Он писал на частные случаи, великие события современные. Не было ни одного значительного происшествия в Германии, которое не вызвало бы от него какого-либо отголоска. Один из родственников его был убит герцогом Вюртембергским, он потребовал от герцога отчета, издал несколько сочинений, исполненных страшного негодования, гражданского гнева. Потом он отправился в Италию, учился там праву, но более занимался классической филологией. Он участвовал в военной службе в войну Максимилиана против Венеции, занимался в это время, писал стихи и был известен поединками, вызывал на поединки за оскорбление немецкого языка и т. д. Вся эта частная его жизнь исполнена беспокойных стремлений, потребностей деятельности, еще не нашедшей цели себе. Он вытерпел много от нищеты, болезней. Наконец, он возвратился в Германию, принадлежа уже к числу самых знаменитых ученых; отец признал его. В Нюрнберге он в присутствии Максимилиана за поэтические произведения был венчан лавровым венцом. Он находился при дворе Майнцского курфюрста, князя образованного. Здесь он нашел почетное положение и занятия по сердцу; но он не рожден был для мирной жизни, вскоре он принял сторону Рейхлина. В нем сейчас можно видеть рыцаря. Он писал статьи за Рейхлина и в то же время хотел биться со всяким, кто стал бы защищать доминиканцев, копьем, мечом, секирой. В 1516 г. вышла первая часть, *Epistolae obscurorum virorum*. Сначала та часть публики, которая принимала участие в литературных вопросах, с недоумением остановилась на ней; сами доминиканцы прочли ее, не понимая, что эта сатира против них. Но действие книги было ужасное: книга эта состояла из переписки доминиканцев между собой; они сообщали друг другу известия о частной жизни своей, об ученых новостях и т. д. Она написана плохой латынью. Доминиканцы высказывают здесь прямо все стремления, цели свои. Но с такою резкостью, таким цинизмом выведены темные стороны старого направления, грешные стороны в жизни западного монашества, так сильна ирония и зло, так груба и беспощадна, что можно наверное сказать — в целой литературе мы мало найдем сочинений, которые так подействовали бы на общественное мнение. Здесь не надо искать тонкого комизма — шутка едкая, грубая, сообразная с нравами тогдашнего времени и читателей тогдашних. Всякий, кто сколько-нибудь знаком с нравами того века, с истинным наслаждением может читать *epistolae*. Гуттен не один писал ее, с ним соединилось несколько молодых людей того же направления. Есть два письма, в которых он, по-видимому, отказывается от участия в составлении этой сатиры, но другие его письма показывают, что большая часть принадлежит ему. Он отказывался от участия только для того, чтобы дать книге более ходу, поддержать часть публики в том мнении, что эти письма действительно писались доминиканцами. Предположение, что он боялся последствий, противоречит характеру его, бесстрашному, любившему опасности.

Таково было движение новой науки в Германии. В университетах защитникам этого движения надо было бороться с большими трудностями. На кафедрах сидели большей частью представители схоластики. Молодым людям с талантом трудно было получить место в немецких университетах. Многие защитники этих мнений должны были оставить кафедры. В 1502 г. Фридрих Мудрый, Саксонский курфюрст, основал университет в Вюртемберге, он при этом не скрывал своей мысли, он хотел дать здесь новые силы направлению новому и науке. В числе профессоров этого университета был Мартин Лютер. Мы увидим впоследствии его тесную связь с гуманистами.

Заклучим этот обзор несколькими общими выводами. В Италии, исключительно занятой классицизмом, изящными древностями, ученые оторвались от современности, забыли о

христианстве и всех условиях нового государства и новой жизни. Результатом этого направления было колоссальное явление Макиавелли, этого древнего гражданина в полном смысле слова, который прямо осмелился упрекнуть христианство в ослаблении гражданских доблестей и сказал, что между частною и общественною доблестью и нравственностью нет ничего общего. Совсем иначе обнаружилось это направление на германской почве. Там оно пришло в тесную связь с религиозной реформой, потребность которой была глубоко чувствуема. Рейхлин доставил возможность читать в подлиннике Библию. Эразм издает Лукиана, пишет сочинения, пропитанные древним духом, и в то же время предлагает чистое, правильное издание Нового завета. Наконец, в таинственном, тревожном Гуттене видно глубокое религиозное чувство, которое имело обнаружиться впоследствии. Одним словом, мы видим двоякое направление — возврат к классической древности и возврат к первобытной чистоте христианской нравственности, вызвавшие равное сочувствие в Германии.

Дальнейшее движение гуманизма будет изложено в связи с историей Реформации. Посмотрим теперь еще на одно великое событие, окончательно отрывающее средний мир от нового, событие, которое находится в тесной связи с направлением тогдашних умов, — открытие Америки и другие открытия, совершенные другими. Самое полное собрание известий об открытии Америки находится в известном сочинении Александра Гумбольдта. Подробное и весьма отчетливое известие из этого найдем в Современнике, в статьях о Гумбольдте. В начале XV в. португальцы начали ряд открытий, ознаменовавших все это столетие. Виновником и главным покровителем этих открытий был инфант португальский Генрих Мореплаватель, в высокой степени интересное и занимательное лицо.

Лекция 15 (24 Ноября)

Мы начали говорить об открытиях, совершенных западными народами в XV и начале XVI столетия. Португальцы предупредили другие народы на этом пути. Вождем этого движения был инфант Генрих Мореплаватель. В 1415 г. король Иоанн Португальский, желая доставить пяти сыновьям своим рыцарское достоинство, осадил на берегу Африки Цейту (Ceuta). При этой осаде отличился особенно 3-й сын короля инфант Генрих. С этого дня, можно сказать, посвятил он себя исключительно исследованию Африки и войнам с неверными. Он был еще очень молод, отрекся от придворной жизни, поселился в Альгарвии на морском берегу (в своем имении Терцанабал), у залива Сагра на небольшом мысе и не сводил в продолжение долгой своей жизни глаз с Атлантического океана и Африки. Около него образовался небольшой ученый двор, занимавшийся исследованиями вопросов о мореплавании, много открытий по части мореплавания совершили они. География сделала великий шаг вперед. Известно, что древние полагали сначала, что земля имеет форму кругловатой плоскости, со всех сторон окруженной океаном. Но уже пифагорейцы пришли к предположениям о шаровидном образе нашей планеты. Их предположения получили оправдание уже позже и были научно доказаны географами и астрономами Александрийской школы. Сверх этих мнений о форме земли нашлись между учеными и в массе народа разные гипотезы и поверия. На основании ученых предположений древние географы предполагали другую землю, кроме нашей, но искали ее на юге; они предполагали, что, приближаясь к тропикам, земля становится необитаемой, но по ту сторону этого знойного и бурного промежутка существует другая земля. С этим соединялось странное предположение, что там исток Нила, который проходит под морем и выходит в Африке. Африка известна была большею частью только северным краем, хотя и была обогнута Нехом (прим. Очевидно речь идет о путешествии финикийцев вокруг Африки, которое было организовано около 600 г. до н.э. египетским фараоном Нехо (см. Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, стр. 27).), что, впрочем, не оставило важных результатов для науки. Потом возникло мнение, что на запад от Иракловых или Бриареевых столбов существует земля Сатурнова (ее же называли Атлантидой), ибо о ней

упоминали Платон и Плутарх. По мнению древних, она была или оторвана (морем от материка), или поглощена (морем). Нет сомнения, что это предание находилось в какой-либо связи с историческими или, по крайней мере, геологическими преданиями. Когда-то с Запада нахлынули народы, вытесненные из своих жилищ каким-то чрезвычайным переворотом, и этот переворот был геологическим. Но положительных сведений об этом мы не имеем, так что многие новейшие ученые не дают этому предположению никакого ученого значения. В Александрии, где совершено было столько важных географических исследований, утвердилось, наконец, мнение о шаровидной форме земли. Эратосфен попытался даже определить объем земного шара градусами широты и долготы, но объем земли принимал все-таки гораздо меньше. В 6 ст. это мнение (о шаровидности) совершенно вытеснено. Является другое, по которому земля является четырехугольником; 400 дней надо употребить, чтобы пройти ее длину, ширину — 200 дней. Она окружена океаном, но на океане где-то лежит страна рая (которая была земным раем): здесь видна также связь с античными преданиями, но научные понятия, как видно, упали.

Мы видели уже, что в средние века с течением времени схоластика сделалась какой-то наукой особой, обратившей свое учение в догматизм и за этим покровом отражавшая нападения. Географические ее мнения (утверждавшиеся в эпоху глубокого варварства) также считались чем-то непогрешительным, окончательным, и всякое мнение в пользу шаровидности земли считалось за ересь. В XV столетии возникли сомнения в этих понятиях. Кардинал (французский) Франц Петр Ailly составил компиляцию *Imago mundi*; и здесь собрал все сведения древних писателей и арабских географов; своего мнения он не высказал, но оно проглядывало в пользу древних представлений. Разумеется, человеку с таким умом, как инфант Португальский, трудно было принять вполне (средневековое) мнение о четырехугольной форме земли; он знаком был с мнениями древних писателей, сам занимался приготовлением карт, но его цель была, обогнув Африку, достичь Индии. Но это казалось невозможным: Мыс Боядар считался крайним пределом, отсюда, по общему мнению, начинались места вечных бурь; мореплаватели полагали, что здесь-то начинается самое бурное море. Наконец, двум мореплавателям удалось обогнуть этот мыс (прим. Первым, кто обогнул мыс Доброй Надежды в 1487 г., был португальский моряк Варфоломей Диас (см. Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований, М., 1950, стр. 77).), и возможность обогнуть Африку (1432 г.) сделалась очевидной, хотя этот подвиг совершен был после знаменитым Васко да Гама (1498 г.). Но между тем как Генрих Мореплаватель хотел этим путем достигнуть Индии (Генрих умер в 1460 г.), было еще другое мнение, основанное на чисто ученых предположениях, именно найти Индию, восточный берег Азии, идя прямо на запад от Европы. В основании этого мнения лежала идея о шаровидном образе земли. В 1446 г. (прим. Современный английский исследователь Дж. Бейкер даёт другую дату рождения Х. Колумба - 1451 г. (см. Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований, М., 1950, стр. 90).) родился в Генуе Христофор Колумб. Он получил основательное образование, учился в Павии, но рано, по домашним обстоятельствам, должен был кончить занятия. На 15 году он уже сделался мореплавателем. Можно сказать, что все пути, известные тогдашним мореплавателям, были им изведаны. Он посетил все новейшие открытия португальцев, в 67 году мы видим его на берегу Исландии; полагают, что здесь он получил представление об Америке. Норманны приставали уже в XI стол. к земле Винеланд, им известна была Гренландия, но потом, уже в 12 и 13 стол., эти связи с новыми колониями совершенно прекратились. Да и самим этим открытиям нельзя давать важности: норманны были заносимы бурями; это были отважные моряки без знания местности и географических соображений. Следовательно, слухи, уцелевшие в Исландии, едва ли могли действовать на Колумба, убеждения которого были основаны на ученых основах. От 1470 до 1484 г. проводил он в Португалии. Здесь он женился (прим. Он женился на дочери Бартоломея Перестрелло, опытного мореходца и сотоварища инфанта Генриха.), здесь познакомился с открытиями португальцев; как человек высокого ума и образованности, знакомый по сношениям со всеми географами того времени, он убедился в возможности

достичь восточного берега Азии. С этой целью он вел переписку с географами: на карте приблизительно он означал земли, которые предполагал достигнуть. На месте Гаити, по его мнению, должны были существовать Японские острова. Таким образом, если он объем земли уменьшил, то зато правильно определил ее форму, выпуская только этот огромный промежуточный материк. В 1474 г. он писал о своих планах известному тогда ученостью в математике флорентийцу Павлу Тосканелли, и в ответе того было сказано: «отправляйтесь с богом, вы, наверное, пристанете к богатым землям Азии». Но должно было победить для этого подвига бесчисленное множество предрассудков. Он переходил от одного двора к другому, не находя благоприятного отзыва, его считали сумасшедшим. Ему не отдавали назад представленных им карт. Море Атлантическое считали непроходимым на известном пространстве. Говорили — делается оно густою массою, говорили, что здесь никогда не светит солнце, *Mare tenebrarum*. Множество мелких обстоятельств подтверждали, однако, Колумба в истине его намерений. На острова Азорские выброшены были два трупа, принадлежавшие породе совершенно неизвестной. На остров Порто Санто, открытом также в 15 стол. португальцами, часто море выбрасывало растения, каких не было в известных странах. Наблюдения и убеждения Колумба становились крепче.

Во время пребывания в Лиссабоне встретился с ним Мартин Бегайм (Бегайм (1430 - 1506)), немец из Нюрнберга, сын богатого купца, но с ранних лет избравший далекие странствования; был он, говорили, на далеком Востоке, дал совет Васко да Гама (обойти мыс Доброй Надежды) и, вероятно, имел влияние на Колумба. Достоверно то, что он разделял мнения Колумба, был человек с ясными понятиями и что вообще в Европе было уже много людей, веривших в возможность открытия восточного берега Азии. Инквизиция едва не потребовала к суду Христофора Колумба за ересь. После долгих исканий ему удалось получить от королевы Изабеллы разрешение отплыть из Южной Испании, гавани Палос, с 3-мя небольшими кораблями в 1492 г. Мы имеем теперь дневник Колумба, изданный в 1825 г. Навареттом, испанским ученым. Плавание это сопровождалось многими опасностями, хотя впоследствии историки прикрасили эти опасности, чтобы более выставить личность Колумба. Он нашел Антильские острова и думал, что за этим непосредственно следуют берега Китая. В письмах Колумба видим, как средние времена незаметно переходили в новые, как рядом с великими мыслями держались старых предрассудков. Христофор Колумб думал, что он нашел Китай: здесь заведет богатые сношения и найдет сокровища и их может употребить для нового крестового похода. И не один Колумб держался этого мнения. Сподвижники и современники его думали так же (думали, что это был восточный берег Азии). Только через 7 лет после Колумба испанец Бальбоа, перейдя американский материк и увидя на другой стороне море, убедился в противном. Через 6 лет после Колумба португалец Васко да Гама обогнул мыс Бурный, или Доброй Надежды, прошел мимо Мадагаскара и пришел к западному берегу Восточной Индии. Такие важные открытия совершились почти одновременно и по одним целям.

Теперь если воротимся назад, увидим, что умы были освобождены, средневековые оковы распадались, ни схоластика, ни университеты доминиканские не могли удержать человека: как будто было тесно старому миру, и тогда открывается новый. Это была минута несказанно торжественная. К числу важнейших памятников относятся письма ученых тогдашней Европы, заменявшие тогда журналы. Эти письма исполнены чувства каких-то неопределенных ожиданий и восторга; новый, неожиданный мир открылся европейскому человеку, новые для науки предметы — можно было подумать, что ничто не оставалось непобедимым. Все голоса европейского человечества дышали каким-то юношеским восторгом и торжественной гордостью. И было чем гордиться.

Первые непосредственные результаты открытий отозвались в торговле. Мы говорили о монополии венецианской торговли: теперь время караванной торговли минуло. Караванная

торговля находилась в руках симетических племен с древнейших времен и предполагала незыблемость форм исторического порядка; она требовала, чтобы были дороги те же (теперь все изменилось), а для того, чтобы не было физических и политических препятствий, теперь море сделалось звеном, связавшим самые отдаленные народы. Венеция сошла с высокой степени. Португальцы начали продавать индийские товары втрое, вчетверо дешевле прежней продажи, ибо Венеция должна была платить за караваны и пошлину турецким султанам. Таким образом, на закраине средней и новой истории возникла более твердая связь между отдельными частями нашей планеты, и, не вдаваясь в мистицизм, можно сказать, что на этом берегу старого мира было особенно какое-то движение, все было объято потребностью чего-то нового. В Азии, сверх основания монголов в Индии, видим в это время две попытки религиозной реформы: в недрах буддизма является возрожденный лама, постоянный, бессменный Будда, в виде далай-ламы Тибетского. Это событие имело важное влияние. И в недрах неподвижного браманизма видим то же: некто Нанек отрицает касты, проповедует братство людей, примирение ислама и браманизма: учение, вследствие своей смелости не могшее удержаться на индийской почве. Но нынешние сейки суть потомки последователей Нанека. Наконец, в самом исламе никогда шииты и суниты не стояли одни против других с таким враждебным чувством. Одним словом, религиозное движение начинается в Азии. Потом оно осталось без важных влияний. Любопытно только, что эти движения отозвались на всех концах материка. В Азии они пропали без следа: в Европе однородное движение легло в основу всех новых явлений.

Лекция 16 (26 Ноября)

Мы видели отдельные явления, которые стоят на границе между средней и новой историей, служат рубежом этих двух периодов. Мы сказали, что результаты предшествовавшего движения выразились в том великом событии, которое называют Реформацией. Приступая к изложению истории Реформации, должно наперед предпослать краткий обзор политических событий, которые находятся с нею в связи, в которых высказалось единство европейских народов, тесная связь между собой и быстрое распространение Реформации без которых не было возможно. Эти события — итальянские войны, начатые в конце 15 и продолжавшиеся до половины 16 ст. Итальянские войны доселе не имеют еще отдельного историка: лучшая попытка в этом роде принадлежит Ranke (прим. Речь идет о кн.: L. Ranke. Die romischen Papste, Bd. 3. Berlin, 1834-1836. В 1874 г. книга Ранке была переведена на русский язык: Л. Ранке. Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях, т. 1—2. СПб., 1874.). Но это книга неконченная, притом ей можно сделать один существенный упрек: итальянские войны нельзя понять настоящим образом, не приведши их в связь с духовным движением этого времени. Результаты их не были одни политические; если мы ограничим результаты их системою равновесия государств, приращениями и утратами разных государств, то мы далеко не получим полного итога итальянских войн. Но превосходно обсуждение источников в прибавлении Ranke от 1700 до 1739 г. Это образцовое произведение исторической критики; каждый писатель оценен по достоинству, показаны его недостатки и достоинства и заимствования, что должен иметь всякий в виду, занимающийся историей.

Мы видели, в каком состоянии оставил Людвиг XI Францию. Королевская власть окончательно одержала победу. Единство государства было упрочено присоединением великих лен: во всем королевстве оставалась только одна независимая лена — герцогство Бретань. Но мы видели также, какими средствами пользовался Людвиг XI для этой цели, как много потеряла французская монархия при нем из того нравственного характера, который сообщил ей Людвиг IX. При преемнике Людвигу XI тотчас началась реакция властей и оскорбленного нравственного чувства. Государственные чины, собранные в 1484 г., потребовали отменения многих несправедливых постановлений, вознаграждений за частную несправедливость и смело произнесли приговор над Людвигом XI. Если бы в это время делами правила не Анна Бурбон,

дочь Людвига XI, то можно было бы предвидеть новое усиление феодализма. Карл был еще молод, образование его было самое поверхностное, умственные силы незначительны. Но королевством правила его старшая сестра, которая успела в 7 лет правления подавить все партии. Когда настало совершеннолетие Карла VIII, он начал его делом великодушия, освобождением герцога Орлеанского (главы мятежников, оставшихся на стороне феодализма), потом браком с Анною Бретанскою, наследницей герцогства Бретанского. Бретань, таким образом, также присоединилась (великих лен не осталось более во Франции). Но у короля были глубокие замыслы. Он был плохо воспитан, поставленный, может быть с намерением, в небрежении отцом, жил в уединении в Амбуазе. Его книги состояли из рыцарских романов, расстроивших его воображение. Когда средневековые идеи везде уже падали, он мечтал еще о возобновлении крестовых походов. Но прежде он думал осуществить свои притязания на королевство Неаполитанское, некогда принадлежавшее Анжуйскому дому и отнятое Арагонским домом; но когда Карл Арагонский умер, он передал королевство Людовику, и за это-то право стал Карл. Обстоятельства были благоприятны (Италия была разбита на множество отдельных государств). В Северной Италии герцогство Миланское, самое могущественное, не могло противопоставить препятствий. Дядя и опекун короля Людовик Моро сам приглашал короля, боясь испанцев. В этом Людовике мы видим представителя тогдашней итальянской хитрой и бессовестной политики: общего итальянского патриотического чувства в нем не было. Всякое средство казалось ему дозволенным. Он был настоящий итальянец своей эпохи. Умный, образованный, ловкий, смотревший на призываемых французов как на варваров, с презрением. На задней стене своего дворца он сам был представлен в виде хозяина, около него бродили galli, в руках у него была метла (птичка, множество петухов вокруг него, он кормит их, но в руках его метла, которой он может выгнать их тотчас). Но он значительно ошибся в расчете. Впрочем, не один он приглашал Карла VIII. Целая толпа итальянских эмигрантов, выгнанная отсюда смутами, приглашала Карла. Этим неосторожным требованием они на несколько веков подчинили Италию иностранным племенам. В 1494 г., осенью, 24-летний Карл двинулся в поход. У него было около 60000 войска; впрочем, через Альпы он перешел, имея не более 40000. Это было превосходное войско, составленное из французской gendarmerie, из швейцарской пехоты и британских стрелков. Современник этого движения итальянец Павел Иовий описывает пестроту оружия этого войска и говорит о походе, как писатели времен Римской империи описывали варваров; так точно все итальянцы смотрели на французов. Но французы в свою очередь смотрели на итальянцев не без зависти, ибо сознавали их превосходство, и не без презрения, ибо не встречали нигде сопротивления. Чрез Медиолан они прошли беспрепятственно. Когда они заняли

Тоскану, Петр Медичис поспешил заключить с ними постыдный мир, уступив все важные крепости французам; они заняли Флоренцию, но здесь встретились с итальянским патриотизмом. Карл VIII думал, колебался еще, какое правительство поставить во Флоренции, выгнать ли Петра Медичиса, оставить ли его или дать правление французским чиновникам. Тогда ему сказал Пьетро Каппони, один из низших сановников Флоренции: «Если так, велите ударить в трубы, мы ударим в колокола и будем биться». Король принужден был удалиться и оставил право Флоренции располагать своей судьбой. Между тем по уходе Карла Флоренция представляла странное движение, во главе которого стоял доминиканский монах Савонарола (родился 1452, умер 1498). Он явился во главе демократической и реформатской партии. Но он не касался католических догматов и хотел нравственных изменений в сфере самого католицизма и государства, но этим всего более навлек ненависть Александра VI, который скорее позволил бы нападать на догматы, чем на нравственность. Савонарола восставал против владычества Медичисов и требовал, чтобы власть была возвращена народу, а народ отрекся бы от привычек роскоши и богатства. Это был пламенный проповедник, но односторонний и суровый. Негодуя на ослабление нравственного чувства, он зашел слишком далеко; он начал гонение на искусство. Женщины должны были истреблять свои наряды; музыкальные инструменты, картины, книги, собираемые через них приверженцами Савонаролы, были сожигаемые на

площади Флоренции. Такое движение могло, конечно, охватить одну местность, но противоречило общей образованной мысли. Макиавелли, знавший лично Савонаролу, отзывался с уважением о его личном характере, но с какою-то гордостью и пренебрежением о его преобразованиях. Усилиями противной партии, при сильном содействии Александра VI, Савонарола был сожжен после долгих мучений. Из Тосканы двинувшись в Рим, французы не встретили сопротивления. Папа Александр VI заперся в крепости святого Ангела. Увидав превосходство сил французских, он заключил с ними договор, давши в заложники Цезаря Борджиа. Между прочим, Карл потребовал, чтобы папа (1495) выдал ему Джема, брата Баязета Турецкого, который бежал к рыцарям св. Иоанна и оттуда к папе. Карл надеялся употребить его впоследствии против Турции, где он имел сильную партию. Александр выдал его, но отравленного, так что тот скоро умер: Баязет присылал послов к Александру и склонил его на это дело. В Неаполе французы встретили немного более сопротивления. Первые шаги в Италии Карл ознаменовал страшными жестокостями — два города были истреблены (Пленным французы не давали пощады). Итальянские кондотьеры не привыкли к таким войнам и тотчас отказались от битвы при одной встрече с французами. Король Альфонс сложил с себя корону и передал ее сыну Фердинанду II, даровитому, но не имевшему воинских дарований; опасаясь, чтобы оставшиеся у него войска не выдали его французам, он бежал на остров Исихю. В феврале месяце 1495 года Карл вступил господином в столицу противника — Неаполь. Он принял титул короля французского, обеих Сицилий и Иерусалимского.

Но вместо того чтобы воспользоваться неожиданным успехом, Карл тратил время на празднества и игры, между тем как в тылу его готовилась величайшая опасность. Венецианцы, превосходившие политическим положением другие государства, поняли первые всю опасность [которая грозила] итальянскому полуострову от иностранцев. Они успели сообщить эти опасения не только итальянским князьям, но и Максимилиану Немецкому, Генриху VII Английскому и Фердинанду Католику. Фердинанд Католик и Максимилиан приняли деятельные меры, приготовившись к войне настоящей. Карл, пируя в Неаполе, узнал, что папа отложился, Людовик Моро соединился с венецианцами и ему угрожают испанцы. Он поспешил отступить, оставил отряд войска в Неаполе и поспешил во

Францию. На речке Таро 6 июля 1495 г., недалеко от Форново (в Пармском герцогстве), неприятели ему отрезали отступление в числе 40000 итальянцев, а французов было втрое менее. Тем не менее итальянцы были разбиты, французы не потеряли ни одной пушки и очень мало людей, успели проникнуть во Францию. Этот союз в Италии, в Венеции против Карла служил первым признаком истинных политических отношений, когда получило место понимание общей опасности и общих целей. Перевес, который могла одержать Франция над другими странами, был устранен. Но Карл готовил новое войско, новый поход в Италию. В 1498 г. среди этих приготовлений его застигла смерть. Войска в Неаполе принуждены были или сдаться, или возвратиться во Францию (против них образовалось народное восстание, и они не могли противиться). Савонарола, стоявший во главе партии, ждавшей французов в Тоскану, был сожжен. После него [делами правления] овладела умеренная партия, агентом которой был Макиавелли.

Преемником Карла был во Франции усыновленный Людвиг XII (Карл потерял детей), герцог Орлеанский. Он не обещал хорошего правления, с молодости отличался он жестоким нравом, стоял во главе феодальной оппозиции против Карла, но, вступив на престол, заслужил имя отца отечества. Редкий государь оказывал такое попечение о благе низшего народонаселения. Несмотря на тяжесть веденных им итальянских войн, он сделал многое для низших классов. Наследовав притязания [Карла] на Неаполь, он присоединил личные права на Милан как потомок Валентины Висконти (дочери Иоанна Галеаццо Висконти), из фамилии, предшествовавшей Сфорцам в Милане. С папой Александром VI он заключил тесный союз, дав сыну его Цезарю герцогство Валентинуа во Франции и женивши его на родственнице.

Отправившись в Италию летом 1499 года, он овладел Миланом, но в 1500-м году утратил его обратно. Людовик Моро первый увидел результат своей политики; он воротился было в Милан, но попался французам, был отослан маршалом Тривульцио в Лион и умер в заточении во Франции в замке Loches, в Berry. Милан сделался французской провинцией. В средней Италии Людвига поддержал Цезарь Борджиа, соединивший под свою власть всю Романию.

Жизнь и дела Цезаря — это самый из любопытных эпизодов той эпохи. Если читать памятники и видеть средства Цезаря, мы поймем, почему, несмотря на всю жестокость и безнравственность его политики, он внушал такое уважение итальянским патриотам. В Романии, подчинив ее как собственное княжество, он ввел необыкновенный порядок; он заложил начало первому итальянскому государству, какое только могли итальянцы противопоставить иноплеменникам. Вот причины пристрастия Макиавелли к Цезарю и странная любовь к нему прочих патриотов. Но во всяком случае нельзя не пожалеть о народе, который нуждался в таких (страшных) средствах для своего поддержания, какие употреблял Цезарь. Вступая в Южную Италию, Людвиг заключил предварительно тайный договор в Гренаде с Фердинандом Католиком, предложив ему поделиться Италией (королевством Неаполитанским. Здесь было отброшено все понятия о праве, о законности. Решение вопроса предоставлено праву сильного). Испанцы под предводительством Гонзалво Кордуанского под видом помощи Неаполю были впущены в него Фридрихом, наследником Фердинанда; но когда французы (1501) явились в Рим, они открыли свое намерение; Фридрих сдался, но остальное время прожил во Франции. Французы и испанцы овладели и присвоили королевство себе. Но согласие между ними продолжалось недолго. В дележе Фердинанд обманул Людвига. Людвиг начал войну с Фердинандом. Итальянские государства переходили от одной стороны к другой. Наконец, разбитый при Гарильяно (1504), Людвиг уступил Неаполь Фердинанду. Между тем Александр VI умер. Макиавелли говорит: Цезарь Борджиа был даровитый человек, он рассчитал все случаи, только не рассчитал (одного, скорой) смерти отца (Планы его все рушились); враги его все вышли, Испания и Франция подали помощь им. Новый папа Юлиан II был из самых суровых противников Цезаря. Он потребовал возвращения Романии (папе); Цезарь был взят в Италии, бежал в Испанию и убит в незначительной стычке в Италии. Но опасность со стороны иностранцев (которая грозила от Франции) была ясна, и, несмотря на то, итальянцы не могли воздержаться от этой привычки, которая погубила их: они вели междоусобные войны и призывали иностранцев решать их.

Лекция 17 (29 Ноября)

Мы видели, каков был исход Цезаря Борджиа. 26-дневное правление преемника Александра VI - Пия III не оставило следа; но Юлий II имел великое влияние на судьбы Италии. Он принадлежал к числу тех итальянских изгнанников, которые в 1494 г. склонили Карла VIII в походе его в Италию. Во все время жизни, будучи кардиналом, он находился в оппозиции с папою. Вступив на престол, он обнаружил замыслы, каких мы давно не видели у пап итальянских. Ему было около 70 лет, но он сохранил энергию тела и духа. Его несправедливо упрекают в том, что он не дорожил значением папства, напротив, немногие так высоко понимали это значение; но у него были свои личные страстные цели — освобождение Италии от иноплеменников. Этой цели он подчинил значение папы. Но он дурно взялся за это. Когда он вступил на престол, Северная Италия принадлежала французам, также Милан и Генуя; Флоренция под восстаниями демократии (восстановленным демократическим правлением) не могла играть великой роли, которую играла прежде в судьбах Италии; Южная Италия находилась в руках Фердинанда Испанского. Собственно, одно только итальянское государство оставалось твердым, на которое с надеждой обращали взоры патриоты, — Венеция. С нею-то начал спор Юлий II; он потребовал от нее возврата земель, занятых в Романии; он отыскивал старинные права пап на некоторые города, принадлежавшие Венеции. Венециане отказали —

тогда раздраженный старик обратился к Франции, Испании (Максимилиану), князьям итальянским и всем предложил участие в добыче Италии. На Венецию он наложил проклятие и на тех, кто войдет с нею в сношения. В Камбрев исходе 1508 г. (10 декабря) составила известная Камбрейская лига, в которую вступили Фердинанд, Максимилиан, Людвиг, папа, король венгерский, герцог Савойский и Феррарский и мелкие итальянские владетели. Каждому определен был известный участок в добыче Венеции. Уже против этих одних сил не могла бороться Венеция, но к этому прибавились утраты (торговой) монополии на Востоке, неудачи в битве на берегах Индии с португальцами. Можно представить положение. К этим несчастьям присоединилось еще другое: пороховой магазин в Венеции был взорван; крепость, выстроенная в Бресчии, была также взорвана на воздух вследствие несчастного случая; суммы, посланные в пособие Венеции, были захвачены. Но она не унывала. Никогда, может быть, она не заслуживала такого уважения. Она призывала к оружию всю Италию, и было ясно видно, что дело идет не об одной Венеции, а о целой Италии; теперь или никогда можно было освободить ее от иностранцев (Лучшие юноши вступали в венецианскую службу). 614 дворян венецианских употребили большую часть своего состояния на вооружение отдельных отрядов. Одним словом, все силы ее были напряжены для неравной борьбы. Но сенат Венеции, правительство не могли отделаться от той обычной недоверчивости к отличным гражданам, которую мы встречаем везде (во всей венецианской истории), вместо того чтобы верить войско одному начальнику, они разделили власть между двумя — Петильяно и Альбиано. Трудно было сделать выбор более неудачный; оба они пользовались военной репутацией, но отличались совершенно разными качествами. [Альбиано был раздражительный, исполненный ненависти к иностранцам, давно живший только надеждою сразиться с ними; Петильяно — старик осторожный, искусный военачальник, но не способный разделять власть с молодым и пылким Альбиано.] При Аньядело в 1509 г. встретились французы с венецианцами. Между военачальниками произошло несогласие; Альбиано начал сражение, товарищ ему не помог, венециане были разбиты наголову. Это была также последняя национальная битва, проигранная Италией. Надолго не видела после Италия национальных дружин своих. Здесь пали лучшие ее представители. Она, по крайней мере, гордилась, что из 8000 павших не найдено было ни одного с раной в спину. За победой Людвиг наступил ряд неудач. Максимилиан овладел владениями на севере, города сдавались один за другим, Людвиг подступил к самой Венеции и пустил в нее несколько (сот) ядер. Но в этих страшных обстоятельствах сенат не терял духа, укреплял Венецию, готовился к войне насмерть и между тем выжидал более благоприятных обстоятельств. Дело в том, что для таких опытных политиков, какие стояли во главе Венеции, было ясно, что противиться открытыми силами невозможно и союз Камбрейский не прочен. Первый примирился с ними бывший виновник союза Юлий II. Ему было жаль Венеции, он прекратил военные действия, снял проклятие и принял роль посредника между Венецией и Испанией. Венеция сделала несколько уступок Испании, опасность с этой стороны миновала. Максимилиан, который сам не в силах был вести войну и поссорился с Людвигом, отказался также от союза; остался один Людвиг, сделавший всего более (вреда Венеции) и ничего не получивший в добычу. Таким образом, Людвиг не отступился от намерений. Против него в Риме в 1511 составила Святая лига для изгнания иностранцев и противников из Италии между папой, Венецией, Фердинандом и Максимилианом. Война эта продолжалась с лишком 3 года. Союзники беспрестанно изменяли один другому, переходя с одной стороны на другую. В 1512 г. Франция, по-видимому, одержала перевес над своими врагами; явившийся на театре войны племянник короля Гастон de Foix, герцог Неймурский, одержал в три месяца четыре большие победы, но это стоило большого числа воинов. При Равенне пало 12000 испанских ветеранов, соединенных с папскими войсками, но здесь был убит Гастон, ему было тогда 23 года от роду. Вместе с ним счастье оставило французские знамена. В 1513 г. они были наголову разбиты при Наварре швейцарцами; в 1514 г. грозили самой Франции иноплеменники; Генрих VIII сделал вылазку (во Фландрии), швейцарцы были около Дофине. Максимилиан соединился с Генрихом VIII; на юге союзник Франции — король Наваррский утратил все земли по ту сторону Пиренеев. Людвиг заключил мир с противниками, но умер в начале 1515 г. Юлий II умер еще в 1513 г. По

наружности результаты войн Карла и Людвига были уравнены. Милан был отнят у французов; в Неаполе они недолго удержались, дело было ознаменовано утратами, расточением сил, бесплодной славой. Но если взглянуть внимательнее, то мы видим, что эти войны произвели великие перемены в отношениях государственных. В течение средних веков народы европейские пришли в тесные связи между собой, и теперь образовалась система политического равновесия. Усилия Франции показали опасность другим державам. Самые войны носят теперь уже другой характер, чем в средние века. Известно, как мало кровопролитны были сражения средних веков; войны же итальянские редко оканчивались без страшного кровопролития. Но можно сказать, что здесь в последний раз блеснули рыцарские доблести средних веков; следственно, видим здесь странную смесь рыцарских преданий с новым порядком и рыцарство возвеличено было здесь некоторыми высокими личностями; таков был рыцарь без страха и упрека Баярд (о котором мы имеем превосходную современную историю, составленную человеком, близким к нему: хроника о добром рыцаре Баярде). Таково было и другое лицо — La Tremeille, затем Гастон. Читая в современных источниках характер лиц вождей итальянских войн, мы увидим резкую противоположность между этими рыцарями и испанскими полководцами, Ганзольво Кордуанским, Петром Наваррским и другими вождями испанскими, которые вовсе не дорожили рыцарской честью; Испания познакомила тогда Европу с войнами бесчеловечными, без рыцарской поэзии, которых цель была одна — успех без разбора средств. Но этим не ограничились результаты войн. На классической почве Италии познакомились французы, немцы и испанцы с тем античным миром, который начинал возрождаться. Без них не был возможен блестящий век Франца I. Не только ученые приняли идеи и влияние Италии (познакомились с великими произведениями древности), но дворяне французские вышли там из тесного круга феодальных идей, познакомились с высшими наслаждениями и требованиями.

Преемником Людвига был граф Ангулемский Франц I (1515 г.) Ему было только 21 год от роду. Он получил по времени очень хорошее воспитание, воспитателем его был рыцарь Гувен, приобретший в итальянских войнах высшее образование; биограф Баярда говорит о Франце, что до Франца не было короля, до такой степени любимого дворянами; Франц недаром назывался *le premier gentilhomme*, он был представителем всех доблестей и недостатков, которыми отличались французские дворяне 16 столетия. Несмотря на истощенные силы Франции, на необходимость дать ей отдохновение, Франц тотчас по восшествии на престол решился идти в Италию и возратить Милан, которым владел сын Людовика Моро Максимилиан Сфорца. В конце 1515 года Франц двинулся к Италии чрез Швейцарию и Альпы. Максимилиан обратился к швейцарцам за помощью, те обещали; они понимали Милан как свою лену, брали значительные деньги с герцогов; между городами Швейцарии тогда возникло честолюбивое требование, они вздумали овладеть Италией сами и отстоять ее; они славились тогда своей силой и счастьем. Они хвастали, что могут пройти Францию с одного конца на другой, опустивши копия свои, и не встретят сопротивления. Дотоле они не были никогда побеждаемы. От числа швейцарских воинов, находившихся в итальянских и французских армиях, обыкновенно зависела победа. Огромные деньги, получаемые швейцарскими кантонами за войска, произвели искажение нравственности. В 1494 г. они в числе 8000 вступили с Карлом VIII в Италию. В 1494 - 1515 получили они до 100 миллионов франков, сумма огромная по тогдашнему времени. Теперь они стояли на страже у Милана, готовые защищать его против французов. Преемник Юлия Лев X Медичис, полагаясь на защиту швейцарцев, спокойно ожидал французского нашествия. Но он ошибся. 13 сентября 1515 г., в 10 милях от Милана, при Мариньяно французы напали на швейцарцев. Старый маршал Тривульций, итальянец, участвовавший во всех великих битвах в Италии, говорил, что Мариньянская битва была по сравнению с ними битвой гигантов; она не была решена ночью и тянулась весь следующий день; швейцарцы показали себя достойными своей славы. Французская армия не раз была в опасности быть разбитой; кроме личного участия рыцаря-короля, здесь замешана была личная честь и гордость французских дворян; *gens d'armes* потеряла перед тем свою славу, швейцарцы отзывались о ней с презрением. 14 числа к вечеру швейцарцы были сбиты со всех позиций и

должны были уступить; они потеряли 20000 лучших воинов и славу непобедимости (Французы тоже потеряли много). Этой битвой Франц вступил в историю; по-видимому, было возможно для него то, чего не успел Карл VIII и Людвиг. Максимилиан Сфорца уехал во Францию, где и умер. Папа Лев X решился в свою очередь просить мира и выехал навстречу королю в Болонью; мир был заключен между Францем и папою. Известно, что такое была Прагматическая санкция, состоявшаяся во Франции в 1438 г. под властью короля Карла VII, под влиянием [Базельского] собора. Ею утверждена была независимость французской церкви против папских притязаний. Капитулы монастырей удержали право выбирать епископов и аббатов. Сверх того, здесь было высказано начало, которое более всего вредило папе, — подчинение папы соборам. Людвиг XII грозил Юлию собором, Максимилиан также; они затевали против папы собор в Пизе, 1511 год. Но собор [не состоялся]. Папа созвал против собор Латеранский 1512 г. Франц, по-видимому, мог теперь требовать от папы всякого рода уступки. Он отказался от Прагматической санкции и сделал папе много уступок со своей стороны. Папа предоставил королю право предоставлять ко всем духовным должностям лица, ему удобные. Этим окончательно завершено было дело Людвига XI - утверждение неограниченной королевской власти. Дотоле в середине самого королевства было сильное сословие, богатое, со значительной самостоятельностью, относившееся прямо в Рим. Король теперь взял в свои руки его права. Только для некоторых монастырей была сделана оговорка, но они не имели значения; зато, папе предоставил король сбор некоторых повинностей, от которых должен был папа отказаться вследствие Прагматической санкции. То есть открылось странное явление: папа отказывается от своих духовных прав и отдает их королю, король отказывается от своих светских прав и отдает их папе.

Лекция 18 (1 Декабря)

Мы остановились на конкордате между папой Львом X и Францем I. Им отменена была Прагматическая санкция 1458 г. Королю отдано было в руки замещение церковных должностей, папа выговорил себе сбор некоторых доходов; главными из них были аннаты (annates). Эти доходы состояли в следующем: по смерти каждого духовного высокого сановника, епископа или аббата годовой доход с его паствы поступал в папскую казну. На это жаловалось духовенство. Впрочем, папа немного выигрывал здесь, ибо король имел во власти право сократить эти доходы. Делалась оценка доходов, владений, конечно, сообразно с местными интересами. Но конкордат встретил сильное сопротивление во Франции со стороны духовенства и парламента парижского. Мы знаем, что первоначально это было высшее судебное место без всякой законодательной власти; только при издании новых королевских повелений парламент вносил их в свои списки законов, сообразуясь с другими законами, что называлось enregistrer. Еще в XV столетии парижский парламент несколько раз обнаруживал желание воспользоваться этим правом, чтобы протестовать против королевских повелений. Эту возрастающую силу должно было усмирить. С этой целью Карл VII и Людвиг XI так увеличили число парламентов. Но никогда парламент не обнаруживал такой сильной оппозиции, как в 1516, 1517 гг. по случаю внесения конкордата в собрание французских законодательных актов. Король должен был прибегать к силе, угрозам и едва сломил оппозицию парламента. Но ненависть к конкордату и сожаление о Прагматической санкции остались во Франции еще более двух веков. Еще в XVII столетии раздаются голоса об этом. Галликанская церковь, еще в XVII столетии помнившая о своих льготах, протестует против конкордата. Между тем в 1516 г. умер Фердинанд Католик, оставив по себе преемниками двух внуков — Карла и Фердинанда. На этих двух юношах лежала надежда двух династий: Испанской и Габсбургской. Карл и Фердинанд были сыновья Филиппа, сына Максимилиана от Марии Бургундской и Иоанны, дочери Фердинанда Испанского. Таким образом, им доставалось наследие Австрийского дома, Бургундии и Испании и в то самое время, как Испания усиливается открытием Америки и завоеванием там огромных земель. Многие думали, что Фердинанд в духовном завещании

разделит владения, но совет кардинала Хименеса, игравшего главную роль при Изабелле и Фердинанде, превозмог. Он представил им всю опасность такого деления, наследником назначен старший, Карл. Фердинанду назначена только пожизненная пенсия. Таким образом, на двух главных престолах Европы мы видим двух юношей; Франца I и Карла I Испанского, V Немецкого. Карл был моложе, но он не подавал таких надежд, как Франц. Свидетельства тогда его видевших показывали его нерешительным, робким, задумчивым юношей, предоставившим правление государством людям, окружавшим его с детства, особенно де Шевру (de Chievres), воспитателю своему — кардиналу, впоследствии папе Адриану VI; сам он не показывал особенно деятельности и таланта. Между тем обстоятельства в Испании были трудные. Дело Фердинанда и Изабеллы готово было рушиться. Инквизиция, введенная ими, возбуждала общий ропот. Города, на которые католические государи опирались в борьбе против аристократии, в свою очередь принимали оппозиционное положение. Кортесы не хотели присягнуть в верности новому королю, не вытребовав предварительного согласия со стороны короля на все права их. Единственный человек, который мог удержать эти оппозиции, был Хименес. Но Карл удалил его от дел, очевидно, по совету своих нидерландских советников. Хименес не вынес этого и умер в 1517 г. Карл был воспитан в Нидерландах, принял более нидерландский, чем испанский, характер, принадлежал более Нидерландам, и первые годы его правления прошли под влиянием с этой стороны. Это было несчастье Карла: он правил множеством земель, в которых везде был иностранец: для Германии, Испании, Италии (немцы смотрели на него как на испанца, испанцы долгое время как на нидерландца, для Италии он был иноплеменным завоевателем). Это ставило его в ложные, тяжелые отношения к подданным. Борьба испанских общин с королевской властью приняла решительный характер несколько позже. Но теперь судьба Европы находилась под влиянием двух юношей, и никогда положение Европы не было так трудно, не требовало таких опытных вождей. В 1517 г. началось движение Реформации.

Реформация. Marheineke. Geschichte der Deutschen Reformation. Книга его, лишенная драматического интереса, содержит очень хорошее изложение догматической стороны истории Реформации. Из новейших сочинений самое знаменитое и полезное — книга Ranke Geschichte der deutschen Reformation, 5 томов, 6-й том содержит дополнения и приложения. Ранке не довольствовался трудами своих предшественников и изданиями материалов, он тщательно изучил памятники во Франции и Бельгии. Вследствие того он представил самую полную картину Реформации, какая у нас есть до сих пор. Есть еще Histoire de la Reformation d'Aubigne — добросовестная книга, но с ограниченным взглядом, с явным пристрастием против католицизма.

Мы видели, какое движение совершалось в умах до начала Реформации. Схоластика как наука подверглась нападению со стороны гуманистов. Но дело шло не об одной науке, а о целой системе, политической и церковной жизни. Никогда еще папство не выставляло таких притязаний и надменных теорий, как в это время. Богословы выставляли права папы выше всего; принимая юридическую формулу, они ставили следующий вопрос: есть ли возможность апелляции от папы к богу? И решали его отрицательно. Иоанн Торквемада (Томас Торквемада - доминиканец, в 1481 г. глава испанской инквизиции, жестокий) в конце XV столетия выставляет следующее мнение: если бы не было папы, и Святое писание не имело бы никакой силы. Другой богослов, знаменитый кардинал Каэтан, Фома из Гаеты, учил, что в случае порочности папы церковь имеет право только молиться о его исправлении, но не роптать. Одним словом, прежние смелые теории (высказанные на соборах) устранены из богословских учений. Но оппозиций было много. С одной стороны, светские государи недовольны были вмешательством пап; конечно, это вмешательство ограничивалось только денежными мерами и финансовыми сборами. Государи с неудовольствием допускали это влияние пап на такое могущественное сословие в средние государства, каково было духовенство. С другой стороны, народ жаловался на эти тяжелые сборы огромного количества денег, выходившего из каждого государства в Рим; жаловался на назначение в духовные должности иноплеменников, ибо очень

часто папа назначал, особенно в Германию, епископов и аббатов итальянцев, не знавших языка страны. Часто эти назначенные церковью сановники вверяли управление монастырями дьяконам своим, довольствуясь только получением дохода. Наконец, образованная часть народонаселения, именно те, в которых происходило движение литературное, где обнаружились первые стремления гуманизма, была враждебна папе вследствие злоупотреблений, за которые она взваливала на него исключительный ответ. Он был в ее глазах представителем всего этого порядка вещей и защитником суеверий и невежества (господствовавших в европейских университетах, школах). Но мы уже видели, какими орудиями действовали гуманисты, сочинения их расходились только в образованном кругу общества; в низших слоях действовала литература другая, чисто народная, более грубая в формах своих, но которой результаты были также разрушительны. Изучая историю средних веков, мы видели, что каждое сословие тогда имело свою литературу. Литература городов состояла из сказок, большей частью сатирического содержания, и замечательно, уже с XII столетия обыкновенно здесь играют роль лица, принадлежащие к духовенству. Но эта литература достигла в Италии высшей художественной формы в (Декамероне) Боккаччо. В Германии она приняла самый резкий и насмешливый тон XV в. Стоит взглянуть только на тогдашние переделки сказки о попе Амисе, Соломоне и Морольфе. Тиль Елен-spiegel — это вроде нашего Ивана-дурачка. Но под этой грубой формой скрывался здравый смысл, о который сокрушались и наука, и представители тогдашнего общества; он приходил в соприкосновение со всеми сословиями и смеялся над всеми. Наконец, литературные произведения с таким же направлением большого объема. Корабль глупцов — *Narrenschiff Sebastian'a Brant'a*. Он собирает на один корабль всех глупцов; здесь являются представители всех сословий и смешная сторона каждого сословия с его недостатками, преданные глупости и осмеянные. Себастьян не любит книг, ибо в них расходится бесполезное учение, он требует здесь только смысла, он знает греков, не писавших много книг (только здравого смысла на вещи; он хвалит греков, ибо они не толковали много), но ясно смотревших на предметы. Своей низкой стороной это сочинение должно было произвести великое влияние. Доказательством служат бесчисленные издания этого сочинения, оно было переведено на все языки с бесчисленными подражаниями. Влияние этой книги было таково, что один из замечательных проповедников Гейлер из Кайзерсберга брал содержание своих проповедей из этой сатиры. Это были замечательные проповеди, исполненные насмешливых, резких выходов против всего существующего. Собственно, это были сатиры, сказанные с кафедры церковной. Но из этого мы видим, до какой степени глубоко проникло движение в массы. Притязания римской курии подвергались посмеяниям. Злоупотребления духовенства, которые в самом деле были велики, пороки и невежество монахов передавались на посмеяние народу. Мер против этого не принимали никаких.

Но рядом с этим шло другое, более серьезное и глубокое движение. Еще в средние века не раз поднимались религиозные оппозиции против католицизма. В начале XII столетия в Южной Франции такая оппозиция была подавлена в альбигенцах. Потом мы видим такое же несколько резкое направление во Фландрии. В XIV и XV столетиях великое движение поднято Виклефом и Гусом. Католицизм всегда имел перед собой какую-либо сильную ересь, с которой должен был бороться. Теперь все эти ереси получили голос, все сочинения сатирические, без сомнения, читались людьми этими, державшимися оппозиции. Многие принадлежали к оппозиции, не навлекая упрека. Лучшие люди требовали и сознавали потребность преобразования — Иоанн Кох, Wessel и др. Все они занимали почетные должности в церкви и кафедры в университетах немецких. Они писали и учили громко о необходимости изменений, о глубокой порче нравов, об упадке нравственности, благочестия в народе, о необходимости восстановления прежнего религиозного чувства, сообразно с требованиями нового времени. В особенности эти требования нашли отзыв между монахами Августинского ордена. Отсюда вышли некоторые из самых значительных тогдашних проповедников, проникнутые новым духом, которые пытались восстановить чистоту евангельской жизни между духовенством. Важнейшее место занимает здесь Таулер — один из величайших проповедников с великим талантом и благочестием. Это

чисто религиозное направление проникло в литературу и высказалось в безымянной книге *Deutsche Theologie*. Уже самое название показывает на нечто противное итальянскому богословию. Папа был итальянец, враждебный интересам немецкого народа, и католицизм потому часто называли итальянским богословием. Содержание учения этой книги, написанной с большим талантом, основано на учении блаженного Августина. Автор отвергает значительную часть обрядов католических и говорит, что очистить человека может только одна благодать, никакие внешние подвиги не помогут здесь, то есть умы были настроены к борьбе, когда явился Мартин Лютер. Мы имеем несколько биографий его: две новые, из которых одна в Германии — Юргенса, содержащаяся в 2-х томах; там жизнь реформатора до — 1517 г., до вступления на поприще. Описана его молодость, деятельность простого человека. Французская — Audin [автор], посвятивший исключительно труды свои реформационной эпохе, но далеко не заслуживший той славы, которой пользуется. Сочинение написано в высшей степени пристрастно, не без некоторого знания, но с частым умышленным искажением фактов. Между прочим, он часто ссылается на протестантские источники, ссылки находятся внизу страницы, но в книге, на которую ссылка, сказано совсем иное, чем в истории.

Лекция 19 (8 Декабря)

Виновник движения, известного под именем Реформации, Мартин Лютер родился в 1483 г. в Эйслебене. Отец его, давший ему суровое воспитание, назначал его быть юристом, это было прибыльное занятие, и для того дал ему ученое воспитание; он учился в Эйзенахе, потом в Эрфурте. Он сам говорит, что просил в это время подаяния под окнами; добрые люди брали его на хлеб; но между товарищами уже он приобрел славу талантливой, веселой и добродушной юности. Случай отвлек его от прежних занятий и назначения, которое ему предстояло по воле отца. Именно однажды он шел с одним из друзей Алексисом, гроза застигла их, и друг его был убит громом; это событие так потрясло 22-летнего Лютера, что он дал обет вступить в монахи. По возвращении в Эрфурт он еще раз участвовал на студенческой пирушке и на другой день вступил в монастырь. Этот период жизни его дает ключ к уразумению деятельности и характера Лютера. Вставая с университетской скамьи, он вынес если не полное презрение, то неудовлетворение средневековой наукой. Когда он начал заниматься богословием, он не имел понятия о Библии; когда он был 20-ти лет, ему попала в первый раз Библия. Его мучили в монастыре самые тяжелые сомнения в возможности человеку оправдаться в грехе наследственном. Он беспрестанно требовал исповеди. Начальник Августинского ордена Иоанн III таупитц, принадлежавший сам к тому новому направлению, заметил его страдания, но не мог помочь ему. При врожденной веселости нрава [Лютер] проводил целые дни в стенах; несколько раз находили его лежащим на полу от страдания. Наконец, какой-то старый монах посоветовал ему обратиться к творениям Августина. Здесь нашел Лютер объяснение тревоживших его сомнений; он убедился, что внешними подвигами покаяния человек не в силах ничего совершать и только нисходящая свыше благодать очищает его. В 1508 г., вероятно, по рекомендации Штаупитца, он получил место во вновь основанном университете Виттенбергском. Между князьями немецкими Фридрих, курфюрст Саксонский, прозванный, и по заслугам, мудрым, понимал отношение устаревшей науки к жизни. С целью разрушить эти отношения он в 1502 г. основал университет в Виттенберге, куда были привлечены все молодые силы. Лютер читал здесь пояснения, комментарии к различным сочинениям Аристотеля в латинском переводе (часто деланном с арабского) на его этику, физику большей частью в полемическом направлении, нападая на Аристотеля; на нем он вымещал оскорбления, полученные от схоластики. Но он, кроме того, приобрел репутацию отличного проповедника; он был еще священником при одной из церквей в Виттенберге.

В 1510 г. он по поручению ордена посетил Италию и оставил подробный рассказ об этом. Приближаясь к Риму, он был охвачен каким-то благоговейным чувством; еще вдали упал на

колени и горячо молился, но в Риме он разочаровался: он увидел вблизи поведение папы и духовенства. У них все продажное, писал он оттуда; самый воинственный характер Юлия II не мог возбудить в Лютере сочувствия, проникнутого религиозным чувством. Возвратившись из Рима, он в продолжение 6 лет действовал на том же поприще. В 1517 г. он выступил на сцену уже не в одном городе Виттенберге, но в Германии и целой Европе. Еще с XIII столетия папы начали продавать отпущение грехов. Это было делается следующим образом: церковь принимала, что святые и мученики совершили такое число благих дел и святых подвигов, что сумма их превосходит нужное для них искупление, что остается *resartus sanctorum*. Из этого сокровища, которое постоянно увеличивается новыми подвигами святых, папа может уделить каждому участок. Уже Иннокентий III утвердил этот догмат. Сначала требовалось от получающего отпущения внутреннее покаяние; мало-помалу в XV столетии, при Александре VI, который торговал отпущениями без зазрения совести, эта торговля приняла внешний постыдный характер. Тогда отпущения разделены были на 10 разрядов. Не должно думать, что эти разряды соразмерялись степенью раскаяния и душевной потребности. Они измерялись суммами, которые давались за отпущения. Еще Юлий II начал в Риме много великолепных построек, на которые не хватало папских доходов. Он прибегал к средствам продажи индульгенций для целой Европы. При Льве X, государе образованном, изящном, великолепном, расходы увеличились, доходы папские были незначительны. Не раз жаловался народ на этот сбор податей, но подати не доходили до папы и оставались в руках сборщиков; в начале XVI столетия папа получал не более 300 тысяч талеров. Во всяком случае, мы знаем, что доходы папы не соответствовали огромным сборам в его пользу.

Лев вверил продажу индульгенций в Германии курфирсту Альбрехту, епископу Майнцскому. Он должен был получить известный процент дохода. В Нюрнберге была знаменитая фамилия Фуггеров, банкиров — купцов того времени, вроде Ротшильдов; они предложили у курфирста взять на откуп индульгенции. В Северной Германии продажа индульгенций вверена была комиссару Альбрехта, монаху Доминиканского ордена Тецелю. Дело было само по себе нехорошо, еще хуже сделалось от лица Тецеля, грубого, невежественного человека, которого поведение показывает, что *Epistolae obscurorum [virogum]*, несмотря на свой сатирический характер, иногда не достигали до действительности.

Тецель начал везде славить товар свой, обещая отпущение не только в прошедшем, но и в будущем, потом на 200 тысяч лет вперед; он исчислял самые скверные грехи, скверняющие народное воображение, говоря, что и их можно отпустить. Действительно, несмотря на распространение общего неудовольствия, поселяне Северной Германии спешили запастись этими отпущениями. Иногда это не обходилось без неприятностей для Тецеля. В Дрездене, где торговал он с особенным успехом, к нему явился дворянин, потребовал от него отпущения только на 3 дня вперед и, получив, жестоким образом избил Тецеля. Замечательно, что с этим явлением совпадает закрытие Латеранского собора, который в 1511 г. был созван папою Юлием II в Риме против собора Людвига XII в Пизе и продолжался 6 лет. Этот Латеранский собор не совершил ничего великого, но замечателен его предмет и положение. Между тем как папа производил такую постыдную торговлю, собор утверждал приговором бессмертие души; до такой степени поколебались самые глубокие основания христианского учения.

В Виттенберге Тецель встретил нежданного противника. Лютер обратился к нему сначала с вежливым письмом, просил не смущать жителей Виттенберга, говоря, что его прихожане отличались прежде доброй нравственностью, но теперь реже посещают церковь, что в городе заметен упадок нравственности. Тецель ответил грубым отказом. В тех объявлениях, которые распускал Тецель, встречалась следующая фраза: деньги ваши не успеют опуститься на дно кошелька, души ваши будут уже на небе. Тогда Лютер решился на явное сопротивление; он прибил к дверям одного из храмов виттенбергских 95 тезисов по схоластическому обычаю, где говорил, что папа не имеет права делать таких отпущений, что он не может освобождать от

вечных мук и одна только благодать очищает. Он требовал от Тецеля публичного прения, но Тецель был слишком осторожен, отправился во Франкфурт-на-Одере и оттуда прислал возражение, написанное не им, но Конрадом Вимпина, профессором теологии во Франкфурте,— грубое, невежливое, требовавшее казни еретика Лютера.

Но все образованные люди Германии приняли уже участие в этом споре. Лев X был поражен смелостью Лютера и не без участия смотрел на его попытку. Можно даже в действиях папы заметить желание устранить Лютера от следствия за эту попытку. Но папа был обойден ревнителями старых форм и должен был объявить согласие на преследование Лютера (1518). Курфирст Саксонский Фридрих Мудрый покровительствовал Лютеру, он надеялся, что это дело может быть кончено мирно, устранением злоупотреблений. Он предложил легату папскому, кардиналу Каэтану, обыкновенно называемому Фома из Гаеты, допросить Лютера лично в Аугсбурге. Кардинал принял Лютера с гордостью. Бедная наружность Лютера, занявшего даже рясу у одного из собратий, чтобы прилично явиться перед кардиналом, внушила Каэтану презрение: он думал зажать ему рот цитатами из схоластики, Лютер отвечал на все ссылками из Священного писания. Кардинал запретил ему являться на глаза; ночью Лютер бежал из Аугсбурга или, правильнее, был увезен своими доброжелателями. Вероятно, он был бы схвачен на другой день.

Между тем движение в умах усиливалось; император Максимилиан, перед смертью мечтавший о соединении двух венцов на главе — императорского и папского, смотрел с любопытством, не без некоторых задних мыслей на Лютера. Он говорил: «этого монаха надо держать на случай, можно его спустить, когда понадобится». Разумеется, движение отозвалось сначала в университетах. Один из знаменитых богословов, доктор Иоанн Экк поднял перчатку, брошенную Лютером, и предложил ему публичное прение в Дрездене. Лютер был не тот человек, чтобы отказаться. Он прибыл, сопровождаемый почти всеми студентами Виттенбергского университета. Лютер, Андрей Годенштейн, обыкновенно называемый Карлштадт, Меланхтон (греческое имя, перевод собственного — Schwarzerde) ехали в тяжелых колесницах. Кругом шли студенты с алебардами. В Дрездене произошло прение. Дотоле Лютер осторожно отзывался о папстве, он говорил только, что папа не может отпускать грехов, если нет внутреннего раскаяния, и может слагать только церковное покаяние. Здесь же он выступил смело, в споре с Экком он дошел до того, что сказал — учреждение папства не есть учреждение божественное, что это дело истории, дело рук человеческих; когда указали ему на Гуса, он сказал: «Гус во многом был прав»; указали на Кон-станцский собор, он отвечал, что собор ошибся в приговорах. Далее идти было трудно, отступить было невозможно.

Герцог Георг Саксонский закрыл прения как ревностный католик. Лютер воротился назад. Курфирст Фридрих Мудрый и папский посол Мильтиц еще пытались уладить это дело. Об окончательном отпадении от римской церкви никто еще не думал, сам Лютер думал только о реформе в недрах самого католицизма.

Между тем умер в 1519 г. император Максимилиан I. Искателями императорской короны явились три юные государя, Карл I Испанский, Франц I Французский, Генрих VIII Английский, и более всех, по-видимому, имел надежды Франц I, стяжавший военную славу на полях Мариньяно, рыцарь-государь, обещавший Германии помогать в войне против турков. Сверх того он покупал деньгами голоса курфирстов, но партия Карла I пересилила его: эта партия не хотела видеть француза на престоле. Карл был сын Максимилиана, жил далеко, и потому с его стороны льготы чинов подвергались меньшей опасности. Спор этот решил окончательно Фридрих Саксонский, подав собственный голос в пользу Карла и увлекший за собой большинство. Достоверно, что папа не желал избрания Карла: папа опасался этого напоминания гогенштауфенского усиления императорской династии, в руках одного юноши соединившего Испанию, Южную Италию, владения Америки, наконец, родовые земли Австрийского дома и

императорский титул. Равновесие между державами Европы было нарушено, но когда выбор состоялся, папе было делать нечего; он поспешил заявить свое расположение к новому императору и просил его помощи в спорном деле в Германии. Победенный Экк издал книгу, исполненную грубых выходок против Лютера, потом поехал в Рим, где нашел людей, разделявших его образ мыслей: можно сказать, что, против воли Льва, он должен был подписать буллу (1520) об отлучении Лютера: общее мнение в Германии было оскорблено этим, булла даже не была обнародована, но положение Лютера стало еще опаснее. 10 декабря 1520 г. он в сопровождении профессора и студентов Виттенбергского университета сжег торжественно буллу папскую и экземпляр книги канонического (католического) права. Два сочинения его особенно живо подействовали на Германию; одно — «An den christlichen Adel deutscher Nation von des geistlichen Standes Besserung», другое — «Von der Babylonischen Gefangenschaft der Kirche».

Лекция 20 (10 Декабря)

В 1520 г. Лютер издал два сочинения, имевшие большое влияние на общее мнение: An den chriatlichen Adel deutscher Nation; Von der Babyl [onischen] Gefangenschaft der christlichen Freiheit. Они обращены были прямо не только против злоупотреблений, но и основных начал католицизма. Направление власти пап Лютер подвергает здесь строгой критике; он требует, чтобы светская власть папы была отнята у него, требует подчинения церкви государству. Вообще в том, что не касается догматов, чтобы епископы не давали более присяги папе. Для Германии требует он независимого престола. Сверх того, касается некоторых догматических вопросов, между прочим, причастия. Новое учение распространилось быстро, доказательства в статистических фактах, взятых из книг торговых. Известно, что еще 60 лет до того было книгопечатание, но число выходявших книг было еще незначительно; большей частью выходили книги филологического содержания, некоторые народные книги, некоторые пьесы сатирического содержания, число их было весьма ограничено. В 1517 г. число выходявших Книг стало значительнее, в 20-м году число книг в десять раз превосходило число вышедших с 16-го года по 20-й за четыре года. Большая часть их носит характер полемический, и здесь числительно можно определить, на чьей стороне перевес. Книг против католицизма выходило вдвое и втрое больше. Самые сильные умы в Германии стали на стороне Лютера. Рейхлин при всей осторожности показал ему сочувствие. Эразм сначала был также на его стороне, впоследствии отказался. Еще решительнее ринулся в эту борьбу Ульрих von Gуттен, несмотря на глубокую, трагически сознательную опасность, с какой он вступил на это поприще. Он был в цветущих летах, на высшей ступени славы, он говорил о своем намерении вступить в брак, жизнь его впереди лежала в прекрасном виде. Начало Реформации заставило его от всего отказаться. Он отказался от женитьбы и от своей доли наследства, передав его братьям, дабы не вовлекать родных, как говорил он, в ту опасность, в которую сам вдавался: труднее всего было мне отказаться от слез матери, но я не мог отказаться от предстоящего дела. Гуттен дал этому движению более национальный, нежели религиозный, характер; что у Лютера выходило из глубокой потребности религиозной, то у Гуттена и других было делом реакции патриотизма против Италии. Гуттен пишет только по-немецки, издает целый ряд брошюр, разговоров, из которых некоторые отмечены великим талантом. В это время он издал старого биографа Генриха IV со своими примечаниями, показывая, что Германия издавна была враждебна папе, что пора ей высвободиться. Следовательно, здесь соединилось несколько движений разом — религиозное, научное (гуманистическое), наконец, движение чисто национальное.

Но положение Лютера стало также затруднительно; доселе его прикрывал Фридрих Мудрый. Император Максимилиан не покровительствовал ему, однако не вредил ему; новый император еще не вмешивался (в дела Германии); в 1521 г. Карл V созвал имперский сейм в Борнсе для разбора различных дел империи, между прочим и Лютера. Еще пред этим между

императором и папой заключен был тесный союз; император просил у папы для Испании подтверждения инквизиции (которая преследовала чисто политические цели). Папа долго отказывал, но наконец позволил ей действовать со всевозможной строгостью. Это было роковым предвещанием для Лютера. В самом деле, в 21 году он получил приказание явиться в Вормс. Друзья советовали ему скрыться, напоминая Гуса. «Гуса сожгли, но правда его уцелела»,— говорил в ответ Лютер. Мы имеем весьма любопытное современное описание Вормского сейма, составленное резидентом Венецианской республики. Он описывает императора еще юношей, белокурым, бледным, с грустным выражением на лице, ему никто тогда не приписывал самостоятельной воли, и все считали его орудием окружавших его людей.

16 апреля 21 г. явился Лютер. Он произвел неблагоприятное впечатление; итальянцы были поражены грубыми формами Лютера и робостью, которая им овладела. Войдя в залу, Лютер оробел, не нашелся, что сказать, не оправдал ожиданий и просил отсрочки. В этот же вечер венецианский резидент описал впечатления собора. Но было чего робеть, дело шло о жизни и смерти. Старый воин Георг Фрундсберг (Frundsberg), начальник ландскнехтов, ударил его при входе по плечу, сказавши: «Монах, монах, ты смелое дело задумал». На другой день он был смелее, выразил свои сомнения, не мог отказаться, буде их не отвергнут на основании текстов Святого писания, а не авторитета папы. «Если меня опровергнут свидетельством Св. писания или ясными доказательствами (ибо я не верю ни в папу, ни в соборы, так явно, что они ошибались и противоречили один другому), то я не могу и не хочу ничего возражать, ибо небезопасно и безрассудно действовать против совести. На этом стою я и не могу поступать иначе. Да поможет мне бог! Аминь...» — были слова Лютера. Все усилия заставить его отказаться от его мнений были бесполезны. Были голоса, чтобы его тотчас арестовать, но ему позволено было возвратиться в Виттенберг, но над ним произнесена имперская опала; и точно, по его выходе над ним и окружающими его произнесена имперская опала (и над всяким, кто даст ему убежище и покровительство).

На дороге Лютер пропал; сначала распространилось мнение, что он схвачен врагами, но курфирст Фридрих послал всадников, которые увезли его тотчас в замок Вартбург. Фридрих знал запальчивость Лютера и хотел дать ему убежище. Год пребывания его здесь не пропал даром. Он приступил к переводу Св. писания на немецкий язык. Он издал чрез месяц резкую статью против Альбрехта Майнцского, продолжавшего продавать индульгенции. Альбрехт остановил ее. Потом перевод Св. писания его выходил выпусками, которые расходились в бесчисленном числе экземпляров. Он закончен в 1534 г., через 15 лет. Не говоря о религиозном значении, он лег в основу немецкого образования. Перевод этот явился во всех домах, бедных и богатых. На этом переводе образовался новый литературный немецкий язык. Мало книг во всемирной литературе, которые имели бы такое значение для народной жизни.

Но имперская опала не осталась без влияния. К движению Лютера примкнули уже не одни люди с убеждением и теориями; многие приняли горячее участие из корыстных расчетов. Лютер отрицал уже безбрачие духовенства, утверждал права князей на земли церковные, говорил о снятии налогов в пользу римского двора; множество монахов бросили монастыри и возвратились в мир; многие из князей немецких готовы были принять протестантство, чтобы иметь право конфисковать церковные земли. За этим внешним движением шло другое, страшное, фанатическое необразованных и грубых масс. Центром этого движения сделался самый Виттенберг. Один из профессоров Карлштадт, некогда противник Лютера, учил теперь громко, что надо отменить все образование, уничтожить школы; проповедовать суету мудрости и земной науки; к нему присоединились Zwickau'ские пророки (Zwickau) под начальством Николая Шторха (Nisolaus Storch), образовавшиеся здесь под влиянием таившегося гуситского учения. Сцены страшные и комические происходили в Виттенберге. Народ вторгался в храмы и разрушал иконы; ректор виттенбергских школ затворил школы и выгнал учеников, объяснив, что учиться вредно. Слухи об этих явлениях дошли до Лютера, он не утерпел, он спешил

оставить Вартбург; курфирст советовал ему остаться, говоря, что в Виттенберге уже он не в состоянии будет защищать его. Лютер говорил: «Теперь я должен защищать курфирста»; он отправился прямо туда. Два студента швейцарские ехали учиться в Виттенберг, они писали путевые записки и, между прочим, о встрече их с Лютером. Все это движение приняло какой-то воинственный характер. Недалеко от Виттенберга они остановились в трактире. Войдя в комнату, они увидели, между прочим, человека в красивом кадете с огромным палахом, который сидел отдаленно от других и читал, они посмотрели и удивились, видя, что он читает псалтырь в еврейском подлиннике. Они завели с ним разговор, он предложил им услуги в Виттенберге, угостил их и приехал вместе в Виттенберг; они узнали, что это был Лютер. Конечно, это возвращение в Виттенберг, борьба, которая предстояла Лютеру здесь, принадлежат к важнейшим моментам его жизни. Он боролся с силами мятежников, которых сам вызвал; его собственная партия и Карлштадт упрекали его в отступничестве. Лютер был поражен их фанатизмом. С необычным напряжением сил ему удалось их выгнать, но они пошли далее. Они пошли волновать всю Южную Германию; но прежде, чем образовался результат этого в низших слоях общества, уже поднялись высшие.

Каждое сословие попыталось взять это движение и обратить в свою пользу. Знаменит Франц von Sickingen (Сикинген). Его положение было следующее: он был в обширном смысле кондотьер, держал большие дружины наемных ландскнехтов, рейтеров и служил с ними в смутах Германии. Только против императора он никогда не подымал оружия, у него была следующая мысль: вытеснить из Германии всех мелких князей и поставить во главе императора. Между низшим сословием и императором осталось бы тогда одно сословие рыцарское. Эту мысль принял и Гуттен; они хотели составить одно могущественное государство с императором и сильным дворянством и начали дело с уничтожения духовных княжеств и курфирстов. В 1523 г. Франц и Гуттен открыли военные действия против курфирста Трирского. Сикингу представляли судиться пред судом императорским. Он говорил: у меня есть свой суд, заседатели, рейторы, засыпать приговоры будем карточками. Действительно, большая опасность угрожала духовным курфирстам, но между светскими курфирстами и протестантскими нашлись такие, которые поняли, в чем дело. Ландграф Филипп Великодушный Гессенский понял, что здесь дело в вопросах политических — существовании князей немецких. Если бы во главе Германии стоял император немецкий, можно бы предполагать, что он помог бы Сикингу, но император был иностранец, не знавший почти по-немецки и плохо знавший отношения. Сикинг был разбит, осажден в замке своем, пушки вошли уже тогда в употребление. Он сам был смертельно ранен, сдался и умер. Гуттен бежал в Швейцарию. Один, без денег, без пособий, преследуемый и гонимый, он обратился к прежнему другу Эразму Роттердамскому. Эразм отказался даже от свидания с ним, боясь навлечь себе опасность. Больной Гуттен отместил ему ядовитым посланием. Он умер в бедной хижине, лишенный всего, но исполненный надежд. К числу последних слов его принадлежат следующие: «Наука процветает, умы пробуждаются, весело жить на свете». После смерти Сикинга и Гуттена имперские рыцари уже не имели вождя и не могли продолжать начатого движения.

Но другое, более грозное движение подвигалось под этим. Мы видели, в какой тесной связи находилось государство средневековое с церковью. Лютер отделял строго церковь от государства, но, восставая против власти пап и затронув церковь, он затронул все государство. Проповедники, вытесненные им из Виттенберга, в Западной Германии нашли уже готовую почву. Положение крестьянского сословия в Германии в это время было чрезвычайно тяжело. Крестьяне доведены были до крайней бедности, новые проповедники обещали им не только духовные, но и мирские блага. В 24 и 25 годах поднялись крестьяне Западной Германии; это уже не были рыцари, воевавшие с дворянством и князьями. Это была война, объявленная массами невежественными, фанатическими, не знавшими пределов своим требованиям. В средней Германии во главе их стоял Фома Мюнцер, фанатик, живший в видениях, лишенный смысла действительности, думавший об освобождении всех народов и тварей; он препоясался,

как говорил, мечом Гедеона на князей немецких. В Мюльгаузене составил он общину, отсюда рассылал полки против окрестных замков. Когда против него выступили рыцари, Филипп Великодушный, он был до того уверен в победе, что уверил своих, будто ядра не будут им приносить вреда, сам стал собирать их. Но они были разбиты, он был взят, страшно пытан и умер мучительной смертью (1525 г.). Во Франконии и Швабии крестьяне заставили некоторых рыцарей стать во главе своей, и в том числе Гетца von Berlichingen'a. В настоящей истории драматическая роль его не была такая поэтическая, как у Гете; он стал во главе крестьян, но при их неудаче тайком бросил их и ушел. Они разбивали замки, умерщвляли всадников, особенно были исполнены ненависти к духовенству. Они носили с собой 12 статей со своими требованиями. Приверженцы католицизма упрекали Лютера, что он был начальником всего этого. Лютер обращался к крестьянам с посланием и убеждением покориться, в противном случае убеждал светскую власть бить их, как собак. Но он все-таки не оправдался. Рыцари, духовенство, без различия протестантов и католиков, соединили усилия против крестьян; они были задавлены и испытали самую тяжкую участь и подверглись гнету еще более тяжелому. Такими-то страшными событиями было сопровождаемо первое 8-летие Реформации.

Лекция 21 (13 Декабря)

Мы видели нарекания, которые навлек на Лютера дальнейший ход дела: восстание имперских рыцарей, грозное восстание крестьян немецких вменяли ему в преступление. Сверх того, в начале 20-х годов он должен был вести жаркую полемику с людьми высокопоставленными в общественном мнении; это были люди, превышавшие авторитет Тецеля и Экка. Во-первых, выступил против него Генрих VIII Английский, человек образованный, ученый богослов, пропитанный учением Фомы Аквинского; он написал книгу о семи таинствах, защищая их против Лютера. Книга его произвела незначительное влияние, ибо читана была немногими, хотя папа обещал за это прочтение прощение на несколько лет; она замечательна была особенно именем автора и тем, что тон ее не отличался приличием; он называет здесь Лютера порождением дьявола и заключает требованием, чтобы немецкие князья наказали его. Ответ Лютера произвел еще большее впечатление, более оскорбительного и бранного сочинения не выходило со стороны Лютера. Он, можно сказать, истощил здесь словарь ругательных слов в немецком языке, обращаясь к Генриху. Несравненно выше в ученом отношении была полемика Лютера с Эразмом. Мы видели положение Эразма; человек в высшей степени осторожный, приверженный изящной древности, враг средневековых злоупотреблений, он с удовольствием следил за первыми шагами Лютера, но когда все результаты Реформации предстали ему в ужасающем виде, он испугался, он боялся, чтобы это движение не потревожило его ученых досугов. Он более всего любил покой, беседу ученую с друзьями, а между прочим, вокруг разыгрывалось волнение. Эразм должен был снять с себя обвинение друзей, что он не хотел принять участие в таком важном вопросе. Тогда он написал сочинение о свободе воли, вопрос, тронутый Лютером, — о предопределении, как его понимал блаженный Августин: [Эразм] доказал здесь свободу и произвол. Лютер возразил ему и коснулся слабой стороны Эразма, что в этом вопросе Эразму вовсе нет дела до религиозной истины, что он эпикуреец и, в сущности, атеист. Одним словом, многих ненависть навлек на себя Лютер и много нареканий, часто справедливых. В 1525 г. он замкнул свое личное отпадение от католицизма браком с Екатериной Бора (Bora), покинувшей также монастырь. Жизнь его отличалась строгим соблюдением нравственных требований, но католики обвинили его как беглого монаха, обвенчавшегося с беглой монахиней. Примеру его, впрочем, последовали весьма многие. Несмотря на это, дело Реформации шло вперед, учение разрабатывалось глубже и разносилось все далее и далее. Для прекращения ложных толков о реформе Меланхтон издал *Loci communes*, основные начала Реформации, Лютер — два катехизиса. В саксонских церквях совершалась новая визитация. Меланхтон написал новую инструкцию для них. Более всего они обратили внимание на образование юношества. Меланхтон по праву получил название Praeceptor

Germaniae, писал учебные книги и образовал много превосходных педагогов. Можно сказать, что и качественно шла Реформация далее и количественно относительно масс. В 1518 г. подобное столкновению с Тецелем явление совершилось в Швейцарии: время было зрело для этих явлений.

Ульрих Цвингли, начальник швейцарской Реформации, был ровесник Лютера, но получил другое образование. То вдохновение, которое почерпнул Лютер из Библии, Цвингли получил из классической древности, принимая в себя глубоко их нравственные идеи. Он смотрел преимущественно на нравственную, а не на догматическую сторону, тогда как для Лютера нравственность имела второстепенное значение. Цвингли вел жизнь деятельную, боевую, ибо служил полковым проповедником при швейцарских наемниках в Италии и участвовал во всех их великих битвах. Короткое знакомство с итальянцами усилило в нем прежнее направление. В 1518 г. в Швейцарии доминиканец Самсон Бернгард (Samson) проповедовал индульгенции. Против него выступил Цвингли. Цюрихский городской совет оказал Цвингли, священнику в Цюрихе, деятельное покровительство. В скором времени Цвингли сделался средоточием всего этого движения, но он дал ему характер более обширный и многосторонний. Цвингли не остановился только на преобразовании догматов и отрицаний злоупотреблений католицизма. Он требовал перемены нравов и вместе с тем перемену политическую. Он восстал против швейцарского патрициата и продажности швейцарских отрядов. Он навлек этим на себя еще более ненависти, чем Лютер. Весь швейцарский патрициат стал его противником, но Цвингли держался бодро и смело.

В самой Германии Реформация распространялась преимущественно в имперских городах, где богатое, просвещенное среднее сословие недовольно было начальниками-туземцами. Ландграфство Гессенское, часть Мекленбурга, некоторая часть Силезии, Саксония, владения Франконии, здесь везде сильно пустила корни Реформация. Но самым замечательным фактом в этом отношении было отложение Прусского ордена. За три столетия до того Немецкий орден, основанный в конце XII в. в Палестине, переселился в Пруссию, еще языческую, по предложению польских князей. Но Польша нажила в нем беспокойного и опасного соседа. Покончив дела с пруссами, орден вступил в войну с Польшей. В XV столетии орден не мог уже держаться против Польши. Дело в том, что орден этот не соответствовал более духу времени и Германия мало помогала ему. Собственная Пруссия принадлежала ордену, во главе которого был гроссмейстер из знатнейшей фамилии Германии. Но во владениях ордена были уже сильные оппозиционные элементы, во-первых, горожане, большей частью выходцы из Германии; промышленные, торговые, они тяготились притязаниями этих рыцарей-монахов. Еще во второй половине XV столетия гроссмейстеры беспрестанно взывают к Германии, требуя помощи, но им ответа не было, крестового похода не было. Орден должен был держаться своими силами и нанимать наемников вести войну с Польшей. В таких обстоятельствах застала Реформация Немецкий орден. В 1523 г. католический епископ в городе Кенигсберге перешел к протестантизму. В 25 г. гроссмейстер ордена перешел к протестантству, провозгласил владения ордена светскими, а себя герцогом. Орден был уничтожен, большая часть рыцарей охотно согласилась на это дело. Другие переселились в Германию. Там уцелели несколько братии Немецкого ордена, которого гроссмейстер жил... Но со стороны императора было сделано несколько возражений против Альбрехта Бранденбургского. Карл произнес над ним даже опалу государственную, но прусский герцог все-таки остался владельцем Польши и дома Гогенцоллернского. Примеру его последовал Плеттенберг в Курляндии и т. п., так что, несмотря на все препятствия, Реформация распространялась быстро и получила политическое значение. Дело шло уже не о монахе Лютере, а о могущественных княжествах. И надо сказать, что в тех землях, где утверждалась Реформация, власть князей сильно усиливалась. Во-первых, князь становился уже главою областного духовенства, доселе оно зависело от папы, хотя часто ему противилось. Во-вторых, князья отобрали значительную часть имения у духовенства католического или капитулов. Конечно, Лютер и другие проповедники смотрели на это иначе;

желая отобрать имения монахов, они хотели употребить их на заведение школ и т. п. Князья же главным образом употребляли их на свои дела. Места прежних епископов замещаемы были суперинтендантами, которым поручаем был надзор за обязанностями пасторов; они назначались прямо князьями, а не папой. Одним словом, выгоды светской власти от Реформации были очевидны. Неприязненные отношения императора к Реформации, беспрестанно понуждаемого папою Адрианом VI к исполнению Вормского приговора против Лютера, заставляли протестантских князей думать о мерах к защите. Они составили Торгауский союз (Torgau. Май 1526), к нему приступили некоторые немецкие города; но общего сейма еще не было. Хотя в 26 г. и был сейм в Шпейре, однако Лютер отозвался, что на нем, по немецкому обычаю, много пили, но ничего не делали. Зато события внешней политики принимали такой оборот, который не мог не обнаружить влияния на внутренний быт.

Мы видели, что до 1520 г. на главных престолах сидели три юноши. Самое положение их владений, наследственные притязания на области итальянские и часть французских владений поставили Франца во враждебные отношения к Карлу, но когда Карл сделался императором, земли Францева противника облегали его земли, кроме моря. Война между ними была неизбежна, и тот и другой готовились, стараясь привлечь на свою сторону Генриха VIII. В 20-е годы Генрих приехал во Францию, оба государя высказали один перед другим богатство свое и великолепие, упражнялись в рыцарских играх, но существенного ничего не было сделано, они разъехались после взаимных уверений в дружбе. Посещение Карла в Англию было, кажется, успешнее; если не на Генриха, то на кардинала Вальсея произвело оно большое впечатление. Кардинал Вальсей был сын мясника, образованием обративший внимание короля в 1520 г., был кардиналом, получал пенсией от всех европейских государей, был канцлером. Карл склонил его в свою пользу денежными подарками и обещаниями. Война обнаружилась в 1521 г. Виновником разрыва был сам Франц, воспоминание Мариньянской победы давало ему некоторую самоуверенность. В 1521 году войска французов потерпели значительное поражение. Франц показал неспособность вести хорошо продолжавшуюся войну. Полководцы его жили без денег. Он давал им самые сбивчивые и неудачные предписания. Союз его с папой рушился смертью Льва X; на место его был избран из партии, враждебной французам, Адриан VI, бывший в 1521 г. учителем Карла, и наместник его в Испании. Адриан VI мог противопоставить обвинениям противников безукоризненную личность и строгое соблюдение обязанностей. Его нельзя было упрекнуть в блестящих качествах, которые наводили соблазн в Льве X. Он был папа строгий, вполне убежденный в необходимости реформации в католицизме и негодовавший на Лютера за смелое отпадение от церкви. Когда он приехал в Рим, он произвел неблагоприятное впечатление на итальянское духовенство. Нравы духовенства при Льве X получили характер, резко отпечатлевавший век и правление (Папы лично присутствовали при театральных представлениях). При папе давали Мандрагору Макиавелли, пьесу, не совсем благопристойную; он был покровителем искусств, кардиналы ему подражали, о церкви они мало заботились. Один кардинал писал, что он не читает посланий Павла, чтобы не испортить языка, привыкши к классической древности. Адриан VI лишен был понимания искусства, господствовавшего в Италии. Когда ему в Риме начали показывать сокровища искусства, он не показал должного уважения к ним (и тем оскорбил общественное мнение). Относительно многих памятников он выразился грубо, он нашел здесь остатки грешного язычества, сказав что их не должно показывать народу. Художники и поэты стали тотчас врагами папы, а между тем действительно нельзя было не положить границ тому, что делалось в Риме. Несколько юношей, по языческому обычаю, вывели увенчанного вола и заклали в жертву Зевсу. Здесь все было исполнено языческих обрядов (таким образом, папа должен был бороться, с одной стороны, в самом Риме с друзьями язычества, с другой - с Реформацией). Папа умер после трехлетнего правления с сокрушением сердца, навлекши неприязнь и католической итальянской партии, и лютеранской.

Лекция 22 (15 Декабря)

Мы видели, в каком отношении находился папа к императору Карлу, когда началась война между Францем и Карлом. Адриан VI, бывший наставник Карла, сидел на престоле. Папа заслужил своей личностью полное уважение, но не в пору сел он на кафедру; ему не доставало многих необходимых условий. Итальянцы невзлюбили его за аскетическую нелюбовь к искусству; реформаторской партий он не прилек к себе, ибо допуская возможность преобразования только в недрах католицизма. Война при неблагоприятных для Франции условиях началась. Император опирался на папу, на Южную Италию; брат его Фердинанд стоял во главе австрийских владений; императорскими войсками предводительствовали лучшие полководцы того времени, когда начался новый способ войны, где не много значила личная храбрость; это были испанцы, часто итальянцы. В подробности этой войны мы не войдем. Впрочем, она уже по самому характеру представляет тот же род драматической занимательности, как вообще итальянские войны. Мы видели начатки нового военного искусства и отходившее время рыцарства. В 1523 году императорские войска едва не ворвались во Францию, там совершалось событие, которое могло иметь роковые последствия. Между вельможами Франца I не было ни одного, который стоял бы наряду с коннетаблем Карлом Бурбоном. Он был родственником королевской фамилии, браком с Сусанной Бурбон, сестрою Карла VIII, он получил огромные земли в самой середине Франции. Ему принадлежали многие крепости, он имел свое войско, двор, сверх того занимал высшие должности после короля. Личные его способности соответствовали высокому положению. В битве Мариньянской значительную часть славы и успехов приписывали ему. Но когда у него умерла супруга, на него обратила внимание Луиза Савойская, мать Франца, хотевшая выйти замуж за него. Карл, который, будучи моложе ее, отказался. Вследствие этого была распря, перешедшая в процесс; Луиза стала требовать наследства супруги Карла; в парламенте королевское влияние давало перевес Луизе, Франц, впрочем, неохотно смотрел на это и хотел мать отклонить от процесса. Уже в конце 22 г. союзники, Генрих VIII и Карл V, обратились с предложением к коннетаблю Бурбон. Они поставили на вид ему его могущество и обиды и утраты, они предложили ему разделить королевство Франции. Генрих VIII выговорил себе Северную Францию, Карл V — бывшие земли бургундские и еще несколько земель среди Франции; коннетаблю с титулом короля предоставлялась Южная Франция, Аквитания. Этот замысел был тем опаснее, что военные дела Франца шли плохо; королем были многие недовольны, особенно матерью его.

К счастью для Франца, он узнал о замысле. В 23 г. коннетабль, видя, что его замыслы открыты, бежал. Франц послал за ним вдогонку с предложением кончить процесс и помириться. Карл, однако, не вернулся, явился в стан императора без войска, с небольшой свитой двора, но принес с собой свое имя и дарования. Первым делом его был поход в Южную Францию. Он обещал союзным монархам, что они не встретят там сопротивления, что его имя достаточно, чтобы отворить ему ворота Южной Франции; Северная Италия была уже совершенно в руках императора. Французы были разбиты при Бикоке, в битве, которую хотели дать швейцарцы поскорее; французский полководец Боннивет. (1524) должен был дать сражение, и при отступлении погиб Баярд, рыцарь без страха и упрека. Плохой полководец, но блистательно образованный в рыцарских доблестях, когда рыцарство стало уже чем-то чуждым современным нравам. В 24 г. императорские войска вступили в Южную Францию. Но обещания Бурбона не исполнились. Город Марсель противопоставил самое упорное сопротивление, они должны были снять осаду. Франц мог считать себя победителем. Императорские войска много потерпели от недостатка припасов. Армия Карла рассеялась почти вся на дороге, остатки ее заперлись в Павии в начале 1525 г.; здесь обложил ее Франц, и если бы он был сам лучшим полководцем или имел бы лучших полководцев, то, конечно, участь Италии могла бы снова измениться. Но Франц дал возможность подступить 12000 немецких ландскнехтов; мало того, он принял сражение при неблагоприятных условиях. Он превосходил своими силами императора, войска

его были в отличном состоянии, и особенно артиллерия, но он и французские дворяне не отвыкли от рыцарских войн: они поступили так, что французская артиллерия стреляла в своих. Они не составили никакого плана сражения. Между тем как Пескара, Фрундсберг, Лейвай коннетабль Бурбон воевали ученым образом. Французы потеряли более 10000 человек, сам Франц был взят в плен в феврале 1525 г. Можно, наверное, сказать, что известие о Павийской победе нанесло более ужаса, чем радости союзникам. Такого успеха не ждал Генрих VIII; на папском престоле сидел тогда Климент VII из дома Медичисов. И папа, и английский король были поражены таким решительным успехом, доставившим Испании полный перевес. Во Франции были приняты отчаянные меры, Луиза укрепляла Париж, но до этого не дошло. Франц был отведен в Мадрид, содержался под довольно строгим надзором около году. Такое заточение не могло не иметь влияние на государя, привыкшего к веселой и военной жизни; предложили мир; условия Карла были тягостны, Франц должен был отказаться от всех притязаний на Милан, на другие государства Италии и должен был отдать Карлу все герцогство Бургундское, все остатки бургундского наследия, по-видимому. Все долгие труды Людвига XI и войны Карла VIII и Людвига XII явились потерянными для Франции. Отдавая Бургундию Карлу, Франц впускал врага в самое сердце Франции, с этим оканчивалась его самостоятельность. Тем не менее Франц подписал договор, хотя протестовал против него тут же, против некоторых служителей, говоря, что акт был вырван у него силой (1526). Другими статьями Мадридского договора условлено было, что Франц женится на сестре короля, вдовствующей королеве португальской Элеоноре и в обеспечение договора отдаст своих двух сыновей от первого брака заложниками. В 1526 г. Франц был освобожден. Он обратился во Францию; ни Генрих, ни папа не думали уже помогать Карлу, они думали о том, кто бы остановил его могущество. Можно сказать, что события шли независимо от воли главных деятелей, неожиданно даже для тех людей, которые были одарены особенно проницательной политикой. Театром этих странных событий была Италия. Мы видели, какие обещания были даны коннетаблю, когда Павийская битва была выиграна; он требовал исполнения условий. Карл колебался, он понимал, что вторжение во Францию вовлечет его в новые войны с Англией. Он уклонялся. По другим предположениям — достоверных фактов мы не имеем — у Карла был другой замысел, он хотел завладеть Францией один. Чтобы наградить коннетабля, он назначил коннетабля начальником войск в Северной Италии, назначение почетное, но и не доставлявшее большие трудности и опасности. Карл отдал коннетаблю край, разоренный войной, отдал войско, составленное из наемников, которым нечем было платить жалованье. Одним словом, отдал те силы, которые были более опасны Испании, нежели полезны.

В 26 г. коннетабль еще удерживал своих солдат в повиновении, обещая им огромные контрибуции с герцогства Миланского. Но ропот возрастал, к концу 26 года коннетабль принял другую систему, он решился действовать сам, от себя, решился заменить королевство во Франции королевством в Италии. Он писал Карлу, что не в силах удержать наемников, что они хотят идти на Рим. Этому донесению противоречили иные факты, он приглашал из Испании новых ландскнехтов и протестантов. Опытный вождь ландскнехтов Георг Фрундсберг, бывший в Вормсе на соборе, привел большой отряд и привез с собой золотую цепь, на которой хотел повесить папу; ландскнехты шли с угрозами, их звал знаменитый полководец, они знали, за что будут воевать. В начале 27 г. коннетабль двинулся к Риму, он все еще уверял, что идет поневоле; но его влияние было велико, он шел не в качестве полководца Карлова, а как куниг средневековых народов; он хотел завоевать Среднюю и Южную Италию и мечтал о королевском венце Италии. Климент VII трепетал в Риме, папская армия шла рядом с коннетаблем, но не могла решиться на битву; неаполитанцы также не смели биться. В первых числах мая 1527 г. дружина Бурбона обложила Рим, он не стал тратить время и решился взять город приступом. Рано начался приступ, коннетабль один из первых взобрался на стену и один из первых был убит. Смерть его скрыли на первое время, через час она сделалась известной, но город был уже в руках наемников.

Со времен вандалского нашествия Рим не был под такой бедою. Католики и протестанты равно грабили церкви и совершали бесчинства. Огромные богатства, памятники искусства — все было расхищено; на улицах происходили страшные пародии католического богослужения; ландскенхты, одетые в облачение папы и кардинала, ходили по улицам. Принц Оранский, заступивший место коннетабля, не имел большого влияния. Одним словом, войско грабило в Риме, сколько хотело. Когда Карл получил известие об этом, он велел служить молебны о спасении папы. Папа сидел в башне Ангела, он должен был выдать огромные суммы солдатам и потом бежал оттуда. Армия, взявшая Рим, почти вся погибла. Образ жизни, который они вели в продолжение нескольких недель в Риме, произвел болезни, потом они, обогатившись, начали поодиночке возвращаться домой, на дороге их били и грабили жители. Эта огромная армия исчезла, не оставив никакого следа, кроме воспоминаний о грабеже. Но Франц в свою очередь воспользовался этими событиями и объявил, что он не может исполнить условий Мадридского мира. Известно, как Франц поступил с парламентом касательно конкордата с Львом X. Но теперь он возвратился к парламенту с вопросом, имеет ли право король без согласия парламента уступить одну из областей Франции. Парламент понял смысл вопроса, отвечал отрицательно, и Франц отозвался, что он не может, не нарушая основных законов, исполнить договор и потому предлагает императору значительную сумму взамен Бургундии. В 1527 г. начались опять военные действия. На этот раз Генрих не вмешивался, а скорей держал сторону Франции, папа был на его стороне; французские войска дошли до Неаполя, обе стороны хотели мира, и составилась Дамский мир, заключенный Луизою Савойскою и сестрой Карла Маргаритою в Камбрэ (1529). Франц отказался от императорских владений, сохранил Бургундию и сыновей и вступил в брак с сестрою Карла V Элеонорою Португальскою. Карл лично прибыл в Италию. Между папой и им утвержден был союз. Папа Климент VII не походил на своих предшественников; для него вопросы религиозные подчинялись вопросам политическим; ниже Льва X в талантах и Адриана — в нравственном отношении, он был представителем вероломной политики, которой отличались тогда итальянские князья; он переходил с одной стороны на другую, теперь показался ему выгоднее союз с императором, и он перешел в 1529 году. Мы увидим, как дорого заплатила Италия за этот союз.

Лекция 23 (17 Декабря)

Мы говорили о Камбрейском мире, заключенном в 1529 г., но еще прежде Камбрейского мира между Карлом и Климентом VII начались сближения. Климент решительно перешел на сторону императора, когда тот обещал восстановить Флоренцию, снова изгнавшую Медичисов, Климент был сам Медичис; Флоренция была занята императорскими войсками. Дом Медичисов утвердился на престоле Флоренции. Но между этими Медичисами уже не было тех великих людей, как в XV столетии. Великая роль Флоренции в Италии и в целой Европе прошла; она жила своими воспоминаниями, но деятельного участия и влияния не обнаруживала более. Между тем водворение мира дало возможность Карлу обратить больше внимания на Реформацию. В 1529 г. он созвал сейм в Шпейере; на него явились князья католической партии. Они составили приговор сейма, по которому дальнейшее распространение протестантского учения было запрещено под страхом наказания. Постановления Вормского сейма, дотоле недействительные, хотя были напоминаемы, решено было привести в исполнение. Между тем в промежуток восьми годов между этими сеймами в Германии каждый князь свободно переходил от одной религии к другой: *cuius regio, eius religio*, так что не было препятствия к таким переходам; вследствие нового решения это было запрещено. Но протестантские князья не остались праздными при этом; они, собственно, протестовали еще во время самого сейма. 14 городов имперских заключили союз и говорили, что в случае нужды надо действовать силой; только Лютер и Меланхтон настаивали на мире. Лютер проповедовал начало безусловной покорности воле императора; он говорил, что церковь и учение можно защищать только оружием духовным; «будем молиться, будем ждать, что господь смягчит сердце императора и

откроет свет ему». В 1530 г. собрался большой сейм в Аугсбурге, съехались князья, протестантские и католические. Протестанты подняли знаменем протестантства сочинения Меланхтона: они содержали все учение протестантства, по возможности сближаемое с католицизмом. Что касается до догматов, то Лютер и его проповедники ставили выше всего начало благодати; а обряды и формы ни к чему не вели. Из таинств они признали только два: крещение и причастие, которому должно предшествовать покаяние и разрешение грехов, но оно достаточно без предварительной исповеди. В учении самом о причастии Лютер по возможности держится близко Католического учения, хотя в начале о пресуществлении не совсем сходится. Касательно внешних форм он отменил латинские обряды и ввел народный язык; ввел в церковь песни особого рода поэзии, исключительно религиозного; ему обязана протестантская Германия лучшими песнями; здесь религия движется в народе, часть этих церковных песен положена на музыку, взятую из народных песен; в 1530 г. Лютер написал знаменитую песнь *Geistenlied*. Множество обрядов, употребительных в западной церкви, было отменено; в положении духовенства произошла великая перемена. Церковь перешла в зависимость от светской власти; но Лютер учил, что между богом и людьми нет другого посредника, кроме Иисуса Христа. Священники перестали быть посредниками между мирянами и богом; они назначались от светской власти или избирались общинами. На протестацию, поданную в Аугсбурге, которая была еще прежде подаваема в Италию, отвечали доктор Ивон Экки Кахлей. Возражения эти вышли весьма неудачны, между католическими учеными были люди, которые могли бы сделать это дело с большим успехом. Протестантство явно могло восторжествовать над слабыми аргументами противников. Но дело шло не об убеждении, большая часть католических князей приехала с готовыми мнениями; требовала, чтобы протестантство было отвергнуто и на договоре означены рубрики его красными кровавыми чернилами. По-видимому, торжество католицизма было несомненно особенно если взглянуть на разрыв между разными партиями протестантов.

Мы видели действия Цвингли в Швейцарии, они шли быстро, с великим успехом; он обратился не к одной религии, но к патриотизму и нравственному чувству. Только 5 кантонов остались чистыми: Швиц, Унтервальден, Ури, Цуг и Люцерн. Эти кантоны, которым принадлежало основание Швейцарского союза и первое политическое бытие, славились особенно мужеством своих жителей. Они имели влияние на дела союза, вследствие услуг, какие оказали прежде целой Швейцарии, не утратив простого характера жителей. Разумеется, здесь католицизм пустил глубокие корни, католические священники имели огромное влияние на умы; средние века доселе сохранились в этих кантонах, старые доблести и старые недостатки швейцарцев. В этих кантонах до нашего времени не отменена пытка. Они-то противопоставили особенно деятельное сопротивление Цвингли. Победители Австрийского дома заключили тесный союз с ними против Реформации. Но не одно религиозное убеждение было тут. Мы сказали, что из этих кантонов выходили самые храбрые воины швейцарских дружин. Цвингли противостоял этой системе и нажил в них личных непримиримых врагов. Впрочем, в Цюрихе влияние его было могущественно, Бернский кантон, самый могущественный, несмотря на сопротивление аристократии, принял Реформацию; также другие города, с характером более практическим. С другой стороны, они здесь еще более уклонились от католических догматов, чем Лютер. Цвингли принял таинство причастия только в смысле воспоминания Спасителя. Когда в 1530 г. Лютер подал свою протестацию, четыре города имперских подали другую, написанную на основании учения Цвингли. Лютер объявил, что эта протестация не касается их. Между обоими реформаторами пытались их друзья устроить примирение, попытка была неудачной. Цвингли готов был на некоторые уступки, со слезами протягивал руку Лютеру, но Лютер остался непреклонен. Для него чистота догмата стояла всего выше, и он произнес даже строгий приговор над учением Цвингли. Но желание Лютера удержать покорность императору не могло удержать князей. В 1531 г. они собрались в Шмалькальдене и заключили первый Шмалькальденский мир, обязавшись защищаться здесь — союз против католицизма. Главами союза были Филипп Гессенский и курфюрст Иоанн Саксонский, самый могущественный из

протестантских князей. К счастью, император был занят опять внешней политикой и не мог употребить против них сил своих. Мы видели, что Карл, получив наследство Фердинанда Католика и Максимилиана Германского, вверил управление австрийскими землями младшему брату Фердинанду. В 1526 г. король венгерский и чешский Людвиг II погиб в сражении против турок при Могаче (Mohacs). Фердинанд объявил притязания на престол, ему помогала вдова Людвиги, родная сестра его, королева Мария. Богемия, Моравия, Лузация признали его королем. В Венгрии провозгласили королем Иоанна Заполню (Zapolya), воеводу Седмиградского. Изгнанный, он искал помощи у турок. На престоле сидел тогда последний великий султан Солиман Великий (Магмед II, Баязет II, Селим I, Солиман I); он выгнал войско Фердинанда из Венгрии и осадил самую Вену. Лютер обратился с красноречивым воззванием, просил забыть споры и помнить, что угрожало христианству. Война продолжалась; союз Шмалькальденский мог быть опасен императору в такую минуту, когда ему следовало бороться с Турцией и Венгрией и оправдать одностороннее назначение Фердинанда королем немецким. Со стороны Швейцарии ему грозила меньшая опасность: деятельность Цвингли кончилась. В 1531 г. лесные и горные кантоны объявили войну другим; Берн, дотоле ревностный защитник протестантства, из зависти к Цюриху не подал ему помощи, вся тяжесть пала на один Цюрих. Это был героический век города, напоминавший античные времена. 2000 горожан под начальством Цвингли выступили в поход, Цвингли не надеялся на победу, надеялся на благородное великое дело. При Каппеле (Kappel) сошлись цюрихцы и противники их, тех было четверо, бились до последнего человека, немногие из них остались живы: в числе убитых был сам Цвингли. Даже враги его не могли отказать ему в уважении и некоторые — в слезах. Таких граждан было немного в Швейцарии. Дело Реформации в Швейцарии казалось проигранным. Хотя мы увидим здесь нового реформатора, более последовательного и счастливого, именно Иоанна Кальвина, но политическое значение, которое дал Реформации Цвингли, погибло. Может быть, эта-то победа католического начала и сделала католических князей уступчивее в Германии; они надеялись впоследствии легче управиться.

В 1532 г. состоялся Нюрнбергский религиозный мир; им представлено было беспрепятственное исправление религии. Католики обещали не тревожить протестантов, протестанты — католиков. Надо было обратить общие силы народа против Турции. В самом деле, появление многочисленной и стройной армии заставило турок отступить из Венгрии.

Внешний враг был отражен, религиозный мир утвержден, но на прочность его никто не надеялся. Война была очевидна; если посмотрим на политические обстоятельства этого времени, мы это увидим. Начнем с Франции. Франц I после возврата из Мадрида старался загладить военные неудачи великолепным покровительством наукам и искусствам, он начинает во Франции век возрождения древнего искусства. В своих политических идеях он руководствовался политическими интересами; он заключил союз с турками, следуя макиавелльскому началу, он поставил вопросы политические выше религиозных. В Германии Франц, как у себя, не терпел протестантского движения, но держал в Германии сторону протестантов и поощрял начатые военные действия против Карла. Еще запутаннее дела были в Англии; доселе Генрих VIII руководился советами Вальсея; Вальсей стоял на высшей ступени, не нося царственного венца. Но его могущество клонилось к концу, он держался только личными отношениями к королю, уступая его требованиям. Вдруг и он должен был выразить сопротивление. Король был женат с 18 лет на родной своей тетке (прим. Здесь ошибка: Генрих VIII был в первый раз женат не на своей тетке, а на вдове старшего брата Артура — Екатерине Арагонской.). По-видимому, он горячо любил ее в первые годы, хотя она была старше его; но потом эта любовь охладела, в начале 1520-х годов он показал внимание Анне Болен, привезенной из Парижа, отличавшейся грациозными формами и добродетелью. Короля начали мучить угрызения совести, он сомневался в правах на брак с теткой, несмотря на то, что он был разрешен папой, и жил он с Екатериной много лет. Он открылся Вальсею, тот был отчасти готов, он надеялся склонить короля на новый брак, но отнюдь не на Анне Болен, думая об одной

французской принцессе или сестре Франца Маргарите, или дочери Людвига XII Ренате. С великолепным посольством отправился он во Францию; он думал, что, если Франц даст согласие, папа согласится на развод. Надежда Вальсея не сбылась. Во время его поездки король обнаружил намерение решительное жениться на Анне Болен, и дело пошло о разводе. Отсюда развились самые важные отношения Англии и отделение Англии от папского престола.

Лекция 24 (19 Января)

Мы видели, в каком состоянии находились религиозные партии в Европе после Нюрнбергского мира, заключенного между немецкими католиками и протестантами (1532 г.). Этим миром не заканчивалась, но только сдерживалась враждебная деятельность с обеих сторон. В Германии новое учение брало верх над старой религиозной системой; но с этим учением соединились не одни внутренние духовные побуждения, а и корыстные расчеты немецких князей, извлекавших свои выгоды из отнятия церковных имений и усиливавших свое могущество отторжением местного духовенства от папской власти. Но несмотря на мир Нюрнбергский, всякому мыслящему человеку тогдашнего времени было ясно, что сближение и примирение между католиками и протестантами с каждым днем становилось невозможнее. Задача, которая еще могла быть решена на Вормсском сейме, в 21 году, приняла другой характер в 32 году. Обе стороны теперь ожесточились; явились передовые партии, перед которыми побледнели первые вожди движения. Лютер подвергся упреку в слабости со стороны собственных приверженцев, и надо сказать, что этот упрек был справедлив с логической стороны: он не оправдал тех ожиданий, с которыми его приняли люди с умом более последовательным и крепким. С другой стороны, между католиками образовалась суровая партия, не хотевшая слышать не только о примирении с протестантами, но и о той внутренней реформе, реформе в недрах самого католицизма, которой требовали многие великие умы, которой требования выразились на соборах Констанцском и Базельском. Если мы прибавим к этим теоретическим разноречиям все те временные частные политические цели, которые соединялись с ними, то мы получим понятие о трудности эпохи, в которую пришлось жить людям XVI столетия.

Из великих государств Европы только одна Испания определила ясно свои отношения к Реформации. Карл I, человек великого ума и образованности, хотел сначала стать во главе умеренной религиозной партии, которая отвергала требования протестантской партии, хотевшей окончательного разрыва с католицизмом, и равно чужда была крайнему упорству католической партии; он хотел образовать партию новую, из умеренных и благоразумных людей, и хотел ей дать большую силу пред партиями крайними. Но такие замыслы редко удаются; такими партиями обыкновенно только заканчивается движение, когда обе стороны бывают уже утомлены и соглашаются на взаимную сделку, не одобряемую, впрочем, внутренним голосом. Карл слишком рано задумал о составлении такой партии. Он мог усмотреть бесплодность своих стремлений из того сопротивления, которое он встретил равно и со стороны католиков и протестантов; он стоял почти один с весьма немногими; к концу жизни он решительно примыкает уже к строгой партии католицизма. Повторяем: одна только Испания обозначала ясно свои отношения к современным движениям.

В Англии молодой король, увлеченный личной страстью, разрывал союз с папой. Но это было делом одной прихоти, увлечения: трудно было сказать, чем кончится своенравная попытка Генриха VIII, хотевшего занять неудержимое среднее место между протестантами и католиками.

При Франце I Франция не разрывала союза с папством, но, оказывая все внешние признаки почтения к нему и покорности, она в то же время ласкала протестантов и льстила им; она

смотрела на них более как на политическую, чем на религиозную, партию. Мало того, Франц соединился с самым опасным врагом христианской Европы, турецким султаном Солиманом I.

Мы сказали выше, что вскоре после Камбрейского мира (1529 г.) Карл V прибыл в Италию; он провел здесь несколько лет. Государь, дотоле почти праздный, мало подававший поводов к разговору о себе, правивший чрез своих наместников, выигрывавший победы посредством своих полководцев, он выступает теперь на политическое поприще и с первых шагов обличает искусного, хитрого и смелого государя. Он искусно воспользовался положением папы и умел отделить в нем главу церкви от итальянского князя: главе католицизма он обещал свое содействие, итальянскому князю, члену фамилии Медичисов, доставил он Флоренцию. Но между папой и им возник вопрос, который в свою очередь поставил папу в весьма затруднительное положение, это был вопрос о разводе Генриха VIII с Екатериной Арагонской. Папа, как видно из всех документов, сохранных нам, готов был согласиться на требование Генриха VIII, ибо предвидел, что при упорстве и страстном характере последнего ему трудно будет удержать порыв свой, но он не мог уступить этим соображениям вследствие влияния Карла V: Карл был племянником Екатерины и смотрел на это дело не только как на дело семейное, но как на дело, важное для всего католического мира. Потому политика Климента VII в этом деле ознаменована каким-то нерешительным характером от 1530-го до 1534-го года, когда обнаружился окончательный разрыв.

В самом деле, Карл V хотел доставить католическим началам всю славу и перевес услуг перед протестантством, еще не ознаменовавшим себя подвигами в пользу европейских государств. В конце XV столетия Южная Европа страдала много от магометанских корсаров. В начале XVI столетия на северных берегах Африки основываются магометанские княжества, собранные из разбойников, торгующих добычей, отнятой у христиан, особенно рабами; на рынках восточных стали являться в огромном количестве люди, забранные пиратами в Испании, с берегов Южной Франции и Южной Италии. Особенно между этими пиратами славился Барбаросса, как говорили, — итальянский ренегат, которому турецкий султан не раз вверял флот свой. В 1535 г. Карл обратил свое оружие против Туниса. Это был блестящий, с целью общей пользы предпринятый поход. Император подал в сражении пример личного мужества: Тунис был взят, 20 тысяч христиан были освобождены из тяжкого рабства.

По возвращении оттуда Карл начал готовиться к новой войне с Францией; поводом было следующее. Франц объявил снова притязания на герцогство Милан, которым овладел он еще в начале своего царствования и который вырвала у него только неудача вследствие противодействия Карла; Карл отдал герцогство Францу II Сфорца: этот умер бездетным. Тогда Франц снова потребовал себе Милан. Карл хотел его удержать за собой как выморочное лено империи. В ожидании борьбы, неминуемо имевшей последовать, Франц вошел в сношение с турецким султаном. Это время было эпохой самого высокого развития турецкого могущества в Европе; янычары составляли еще лучшую пехоту; турецкая конница еще не утратила своей славы; на престоле сидел один из величайших султанов. Такое положение Турции имело великое значение при тогдашнем состоянии Европы. Солиман был самый даровитый из преемников Магомеда II. Правда, что, несмотря на то, при нем начинается ослабление турецкого могущества. Янычары при нем приобрели право вступать в брак и потеряли свой прежний фанатический характер; великие визири получили при нем большее значение; сам султан подал первый пример не личного предводительства войском: это все должно было оказать великое влияние на расстройство турецкого

Государства. Но в эту эпоху, о которой идет речь, в 1535 году никто не мог заметить этого влияния, и союз Франца с Турцией был бедственным для Европы.

В начале 1536 года император торжественно в Риме, в присутствии папы и кардиналов, изложил причины, побуждавшие его к войне против врага христианства, каким оказал себя Франц, соединившийся с Турцией. Летом того же года, 25 июля, Карл перешел реку Вари вступил в Прованс. Он вел многочисленную, одну из лучших армий XVI столетия; надежды его были великие, он надеялся на завоевание самой Франции. Франц понял грозившую ему опасность и прибегнул к страшному средству. Прованс был совершенно разорен самими французами; самая столица его Экс была сожжена, поля опустошены, все запасы повсюду истреблены. Императорская армия, вступив в этот цветущий край, где она надеялась встретить полное продовольствие, нашла страшную пустыню. Город Марсель оказал имперским войскам вторичное сопротивление. Между тем французская армия стояла в укрепленном лагере близ Авиньона под начальством коннетабля Монморанси и смотрела на трудные и бесплодные движения Карлова войска. Голод и болезни заставили, наконец, Карла отступить. 25 сентября он повел назад свою армию, в которой убывло более половины. Но война тянулась еще до 1538 года. Турки прямо помогали Франции. Барбаросса с турецким флотом явился у Южной Франции и заодно с французской эскадрой грабил берега Южной Италии. Ропот был всеобщий; даже враги Карла V стыдились политики Франца.

Напрасно государственные люди, стоявшие во главе французской политики, старались оправдать ее действия. В этом отношении замечательна речь французского посла в Венеции, епископа Монлюка. Он играл тогда одну из главнейших ролей в государстве по своему уму и образованности; но он не был воспитанник и представитель той школы государственных людей, которая образовалась тогда в Европе под влиянием Макиавелли. Оправдывая действия своего государя перед венецианским сенатом, он сказал между прочим: «Если бы мне надо было погубить врага, я бы соединился хоть с дьяволом, не только что с турками» (впоследствии этот самый Монлюк увидел неосторожность Францевой политики и порицал ее).

В 38 году Франц заключил с Карлом в Ницце десятилетнее перемирие. К этому Перемирию его более всего побудил ропот, поднявшийся против него по случаю связи его с Турцией. Но и здесь при этом перемирии Франц поступил неосторожно. Он находился в это время под влиянием Монморанси; Монморанси убедил его, что гораздо полезнее войны с императором будет для него подавление возникавшей во Франции протестантской ереси, уничтожение местных провинциальных привилегий, стеснявших королевскую власть, и, наконец, большее подчинение многочисленного, строптивого дворянства. Франц примирился с Карлом, лично виделся с ним и в пылу увлечения открыл ему замыслы своих прежних союзников — турецкого султана и немецких протестантских князей. Мирные сношения между этими государями продолжались около трех лет. Карл V до того доверился Францу, что в начале 1540 г. отправился через Францию в Нидерланды.

В большей части учебников мы непременно найдем рассказы об этом факте и выражение удивления к поступку Карла, оказавшего этой поездкой необычайную доверенность к Францу: событие, которое вовсе не было бы удивительно в наше время, когда государи так обыкновенно и часто ездят по чужим владениям. Удивление же к поступку Карла показывает ясно, как в то время шатки были понятия о правах и безопасности. Этот поступок удивил тогда всю Европу; не было числа анекдотам и подробным рассказам о странном доверии Карла и высоком рыцарском характере Франца. Придворный шут Франца Трибулэ поставил даже императора за этот поступок во главе европейских глупцов. «Но если я точно пройду безопасно?» — спросил его Карл. «Тогда я заменю ваше имя именем короля», — отвечал Трибулэ. Впрочем, можно думать, что сам Франц был не очень тверд в своем великодушии и при большом пребывании Карла в Париже, может быть, не устоял бы против искушения. Но Карл хорошо понимал дело: он скоро уехал в Нидерланды и на возврате оттуда проехал другой дорогой.

Живя в Париже, Карл на словах обещал отдать Милан второму сыну Франца, герцогу Орлеанскому; но, возвратясь, он отдал его своему сыну Филиппу. Отсюда снова возникли раздоры. Между тем в 1541 году Карл предпринял второй поход в Африку против

Алжира, главного гнезда пиратов, откуда выходил и Барбаросса со своими судами; но экспедиция была неудачна, корабли были истреблены и рассеяны бурей, войска были разбиты. Франц не стыдился открыто обнаружить свою радость при этом печальном для всей Европы событии; вообще оба государя не щадили друг друга в своих отзывах, несмотря на частые свидания: Франц не усумнился даже обвинять Карла в отравлении дофина — события, еще весьма сомнительном; со своей стороны Карл не оставался у него в долгу. В 1542 г. началась снова война между ними. На этот раз формальная справедливость была на стороне Франца; французский посол при турецком дворе Антонио Ронкони на возвратном пути во Францию с депешами был убит и ограблен в маленьком герцогстве по повелению правителя Милана: так глубоко учение Макиавелли пустило свои корни в политические привычки. Франц объявил войну Карлу V. Немецкие протестанты, дотоле помогавшие Францу, теперь отказались помогать ему: они помнили его коварную откровенность при заключении Ниццкого перемирия. Франц выставил пять армий; Барбаросса явился снова у берегов Южной Франции, остановился в Тулоне, выстроил здесь мечеть и продавал на рынке христиан, захваченных в Италии и Испании. В довершение смут и Генрих VIII соединился с Карлом. Война шла нерешительно в 1543 году; в 1544-м она снова приняла решительный оборот. Кроме Пьемонта, где Франц при содействии турок действовал довольно успешно, пока не вызвал оттуда принца Энгиенского, на всех других пунктах французы были разбиты; Генрих осаждал Булонь; Карл вошел в самую Францию и овладел городами Эпернэ, Шато-Тьери; только сопротивление города St. Dizier замедлило его вторжение в середину Франции; он был уже на 48 часов пути от Парижа. Можно сказать, что Франция только потому осталась в руках Франца, что Генрих замедлил с осадой Булони и Карл, вследствие этого замедления должен был отступить; блестящая победа, одержанная прежде графом Энгиенским при Черизоли (11 апреля 1544 г.), над испанским полководцем дель Гуасто осталась без влияния на дела. Франц принужден был заключить последний мир свой с Карлом в Крепи (18 сентября 1544 г.), он отказался от притязаний на итальянские владения и от своих владений в Бургундии; одна статья только была выгодна для него в этом договоре; Герцог Орлеанский, второй сын короля, был помолвлен с дочерью Карла, который обещан ему в приданое герцогство Миланское: но скорая смерть его сделала напрасным и это условие. Так кончились после пятидесятилетних усилий попытки Франции на Италию. Франция не вынесла из них приращения своим силам: но эти войны имели другое, высшее значение.

Лекция 25 (21 Января)

Мы представили обзор войн Карла V с Францем I. Мы видели, что Франция не извлекла никаких внешних выгод из долгой и напряженной борьбы за итальянские владения: но выгоды эти были другие, нежели те, за которые пошел Карл VIII в поход 1494 г.; об их влиянии мы скажем впоследствии. Теперь перейдем к внутренней истории Германии, к движению в ней реформационных идей в промежуток войн между императором и королем французским.

Мы видели, что мир Нюрнбергский положил конец явной открытой вражде обеих сторон. Но отдельные факты показывают, как он был непрочен. В следующий же год за его годом, в год 1533-й, Германия уже потрясена была междоусобной войной по поводу возвращения в свое герцогство изгнанного герцога Вюртембергского. Еще в начале Реформации, именно в 1519 г., герцог Ульрих Вюртембергский, человек весьма горячего, строгого и сурового характера, собственной рукой убивший рыцаря Гуттена, угрожавший жизни собственной супруге, был изгнан из своего герцогства восставшими подданными и членами Швабского союза,

недовольными его действиями. В это время он познакомился с новым учением и принял его горячо к сердцу; он жил сначала в Швейцарии, потом переехал к знаменитому лингвисту Филиппу Гессенскому. Филипп, самый даровитый из протестантских князей этой эпохи, понял всю важность князя-протестанта во главе Вюртембергского герцогства. С другой стороны, с этими религиозными видами соединились политические расчеты: когда герцог был изгнан из Вюртемберга, Швабский союз передал все бремя управления его владениями Габсбургскому дому. Фердинанд смотрел на них уже как на свои собственные. Внезапно ворвался Филипп Гессенский с швейцарскими наемниками и со своими ландскнехтами в Вюртемберг; австрийское войско было разбито при Лауфене, дальнейшее сопротивление оказалось невозможным, и в 1534 г. принужден был Каданским договором (в Богемии) согласиться на восстановление герцога Ульриха. Этот факт показал смелость и энергию протестантских князей: они начинают уже наступательное движение, они помогают один другому в деле нового учения. Но это новое учение начинало внушать сильные опасения не одним католикам. Когда новые идеи являются в обществе, они тотчас подвергаются искажению в умах людей горячих и мало просвещенных. С проповедью Лютера соединилась проповедь других проповедников, принадлежавших к многочисленным сектам, дотоле бесплодно протестовавшим против католической церкви. К числу таких сект относились анабаптисты, по мнению которых крещение, принятое в детстве, без участия воли и разума человека, не было действительно. Они усилились сначала в Саксонии: участь Фомы Мюнцера заставила саксонских анабаптистов разойтись в разные стороны Германии, но, проходя ее, они продолжали проповедовать свое учение. Их преследовали не одни католики, но и лютеране, и швейцарские реформаторы. В 1533 - 1534 году они нашли богатое поприще для своей деятельности в городе Мюнстере в Вестфалии. Город Мюнстер был прежде городом строго католическим и таким продолжался до XVIII века, так что здесь католическое духовенство пользовалось большими, даже чрезмерными правами. Он принадлежал епископу: когда первые движения оказались в Германии, граждане, тяготившиеся господством епископа, пристали к протестантам не столько по убеждению, сколько для того, чтобы ослабить это духовное владычество. После многих борений, о которых мы не можем говорить здесь в подробности, епископ должен был согласиться на допущение в город протестантских проповедников. В числе их был некто Ротман, человек замечательный в тогдашнем движении, с весьма хорошими формами, умевший привлечь к себе доверие, осторожный, красноречивый, но в мнениях своих анабаптист. Он до того подействовал на народ, что епископ был удален и граждане предприняли преобразование своего общественного быта. Но в то же время явились в город люди, более смелые и крайние в своих стремлениях, ставшие во главе движения. Это были: сначала Иоанн Маттис (Matthys), нидерландский хлебник из Гарлема, потом Иоанн Бокгольд (Bockhold или Bockelsohn), портной из Лейдена. Последний, как видно из дошедших до нас известий, не лишен был даже поэтического таланта, человек с весьма горячей фантазией, смелым характером, но почти без всякого образования. Они-то смутили жителей города новыми, неслыханными дотоле учениями: они проповедовали многоженство, основываясь на ложном понимании некоторых текстов Ветхого завета, уничтожение частной собственности и восстановление нового Израильского царства. Избраны были пророки, отправляемые ими для проповедей на все пространства Германии. Потом они начали совершенные преобразования городского совета. Дело шло уже не об утверждении протестантства в Мюнстере, а совсем об иных целях: не мюнстерские граждане уже управляли движением, а толпа пришельцев из Нидерландов. Дело такое не могло не обратить на себя внимания. Епископ Мюнстерский, курфирст Кёльнский с гессенскими войсками подступили к городу. Но в городе были богатые запасы, жители не думали сдаваться и оставались в надежде на сверхестественную помощь; после убийства Маттиса место его занял Иоанн Лейденский. И тогда обнаружилось страшное явление: Бокгольд принял титул царя нового Израиля; он назначил 12 апостолов, прикосновением руки давал дар пророчества. Каждый день он сидел на площади Мюнстера на престоле Давидовом и судил бедных граждан.

Некто Книппердоллинг, вследствие увлечения или просто от страха сделавшийся кровожадным, был сделан бюргермейстером, первым министром царя израильского. И в то же время исполнял при нем должность палача. Казни совершались ежедневно; они, сверх того, сопровождались страшными оргиями: у царя нового

Израиля был огромный гарем, неверных жен он наказывал смертью, как за преступления противорелигиозные. Учение анабаптистов проникло и произвело тревогу в прирейнских селениях. Это заставило употребить против него все усилия: Мюнстер взят приступом (1535 г.); Ротман погиб в сражении; Иоанн Лейденский был взят и предан страшной казни. В Мюнстере самые следы Реформации были уничтожены, и он остался, как сказано, надолго строго католическим городом.

Зато рассеянные остатки анабаптистов продолжали в тишине свои движения. В 1560 г. некто Мено дал новую форму анабаптизму; он отделил отсюда все примеси политические, все, что касалось светского общества, и основал известную секту меннонитов, известную и в Европе, и в Америке; ныне сохранилась только догматическая часть этого учения: ему преданы большей частью люди низших классов, не думающие о преобразовании государства ремесленники, земледельцы.

Эти уклонения не мешали, однако же, правильному развитию лютеранизма. Надо было дать новому учению какие-либо канонические книги, на которые бы могли ссылаться его приверженцы. На основании аугсбургских решений составлены были протестантами символические книги их учения. Можно сказать, что с этой минуты внутреннее движение протестантизма замкнулось: протестанты, нападавшие на католические догматы, сами поставили также догматы своего учения; через составления символических книг протестантизм сам вышел из того неопределенного отрицания, в котором прежде стал он к старому вероисповеданию. Папа Павел III (Фарнезе, 1534—1549, строгий ревнитель католицизма, определил, что он решился, наконец, собрать всемирный собор для окончания раздоров церкви. Но в самом акте, которым он возвещал свое намерение, были высказаны им угрозы, оскорбительные для протестантов; он говорил здесь, что созывает собор для «уничтожения возникшей ереси». В ответ ему Лютер написал Смалькальденские статьи, резкий протест, где высказаны им условия, на которых католицизм мог бы, по его понятиям, соединиться с протестантизмом. Но ясно было, что этих условий нельзя было принять: принять их католицизму — значит, отказаться от самого себя и потерять все свое значение. Между тем князья, протестантские и католические, продолжали не доверять одни другим. В 1538 г. при посредничестве императорского вице-канцлера Гельда (Held) католические князья заключили в Нюрнберге оборонительный и наступательный союз в противодействие Шмалькальденскому; только вмешательство Карла V остановило тогда оружие обеих партий. Но оставляя в стороне подробности, мы можем вынести вкратце следующий итог всего этого движения: в результате оказалось, что движение доселе кончилось в пользу протестантизма. В 1539 г. умер Георг Саксонский, строгий, деятельный и умный защитник католицизма; занявший его место брат Генрих был слабее его и притом уже наклонен к протестантизму, сын его же Мориц Саксонский явно и решительно стал на стороне последнего. Этому князю суждено было играть впоследствии важную роль. Другой князь Иоахим II, курфюрст Бранденбургский, в 1539 г. перешел также к протестантизму, принял причастие под обоими видами, но сохранил в своих землях новое учение с остатками многих католических форм. То же самое сделал около того же времени, именно в начале 1540 г., курфюрст Фридрих II Пфальцский. Имперские города один за другим переходили на сторону протестантов. Наконец, герцог Брауншвейгский Генрих, беспокойный, фанатичный ревнитель католицизма, силою был изгнан из своих владений протестантами. Он сам поднял полемику: Лютер отвечал ему, как следовало ожидать и как он всегда делал, в резких и грубых выражениях, обозначив это в самом заглавии возражения: Wider den Hanswurst. Генрих Брауншвейгский был разбит, изгнан и при попытке возвратиться был

взят в плен ландграфом Гессенским. Таким образом, до 1544 и 1545 гг. Реформация постоянно шла вперед; она укрепилась не только в умах, но и получила политическое значение; сильные князья Германии были на ее стороне и теснили князей католических. И в самом деле, в ней было что-то искушительное даже для духовных владетелей: брак и наследственность тех владений, которыми они пользовались дотоле пожизненно. Архиепископ Герман Кёльнский разрешил проповедь протестантизма в своих владениях и имел намерение сам вступить в брак, несмотря на сопротивление тамошнего духовенства и университета.

Архиепископ Альбрехт Майнцский также не противодействовал новому учению; имея много долгов, он предложил капитулу Магдебургскому и Гальберштадтскому свободу в отправлении протестантского богослужения, если они заплатят его долги,- факт хорошо характеризующий тогдашние времена и понятия.

Пора было положить конец этому брожению, этому неопределенному порядку вещей. До какой степени не утвердились еще тогда понятия о законности, можно видеть из примера ландграфа Филиппа Гессенского, человека, впрочем, умного и талантливого. Он женат был разом на двух супругах и с согласия Лютера, оправдавшего это текстом. Еще в 1541 г. император приглашал немецких протестантов и католических князей съехаться в Регенсбург для мирных переговоров: Лютер не поехал, ибо видел здесь западню со стороны католиков; он неохотно согласился даже на поездку Меланхтона. Со стороны католической присутствовал здесь кардинал Контарини, один из самых изящных, благородных прелатов католицизма, как справедливо отзывался о нем Ranke. Он был чужд того строгого, крайнего направления, которое начинало брать верх в Италии; он понимал необходимость внутреннего преобразования в области католицизма. Кардинал приехал с готовностью на уступки; действительно, между ним и Меланхтоном решены были некоторые пункты, они согласились во многом; спорные пункты они согласились предоставить решению собора. Но такое примирение партий было невозможно. Папа отказал кардиналу в признании сделанных им уступок. Лютер негодовал на Меланхтона, говоря, что он был обманут и увлечен в сети дьяволом. Регенсбургский сейм обличил только бесплодность усилий той умеренной партии, во главе которой хотел стать Карл V. В 1544 г., окончив войны с Францем миром в Крепи, он начал готовиться к решению раздоров в Германии; он вошел в переговоры с папой, чтобы собрать собор в Триденте. Вообще с самого Начала заметно было, что папы не очень охотно поддаются на созвание соборов; они видели хорошо, что при каждом их власть более или менее проиграна. Но собор, собиравшийся в Триденте из католического духовенства, не мог иметь успешного влияния на протестантов, которые наперед объявили, что не согласятся на его решения. Император также знал хорошо, что при данных условиях собор не кончится ничем: он готовил войска в Нидерландах, в Тироле, в Италии. Папа ссудил императора большой суммой денег для успеха этого крестового похода против протестантизма. До 1546 г. война не начиналась: между тем в этот год умер Лютер, не предвидевший ее начала. Конечно, немногие исторические личности оказали такое влияние на судьбу человечества, как Лютер, разорвавший единство западной церкви. Мы увидим, насколько достоин он славы, которой пользовался и пользуется.

Лекция 26 (24 Января)

Мы сказали о смерти Лютера, происшедшей в то время, когда протестантизму грозила величайшая опасность. Нам предстоит теперь определить вкратце значение Лютера, указать, насколько справедливы, с одной стороны, возводимые на него обвинения, с другой стороны, то безусловное уважение, которым он пользовался и долго еще будет пользоваться. На Лютера падали обвинения не со стороны одних католиков: и между приверженцами нового учения он нашел многих и самых горячих противников. Обвинения этих последних были не лишены некоторой основательности, по крайней мере с логической точки зрения. Лютера упрекали в

непоследовательности: в самом деле, посягнув на религиозную реформу, Лютер думал заключить свои действия в сфере только догматической; для него очищение догмата составляло главную, можно сказать, исключительную задачу. Он не понял того, что, касаясь великого здания католицизма, он в то же время касался всего средневекового государства. Еще в начале его деятельности от него уже отделились некоторые из его сподвижников, между прочим, Карлштадт, привлеченный им вначале к протестантству, впоследствии пошедший далее. Лютер разорвал великое единство католической Европы, но он не удовлетворил вполне тревожным ожиданиям людей своего времени: в конце XV и начале XVI столетия мы видели какую-то поэтическую настроенность умов, какое-то ожидание лучших судеб для человечества, и когда выступил Лютер, от него ждали осуществления всех этих надежд, к его деятельности примкнули все эти ожидания. Но деятельность Лютера была только отрицательная: он разорвал Европу на две половины, он посеял в ней семя раздора и на этом одном успокоился. Конечно, его реформа имела впоследствии влияние, какого он не предполагал, но можно с достоверностью сказать, что если бы сам Лютер знал об этих последствиях, он бы отрекся от них. В 1530-х годах он попытался уже замкнуть внутреннее движение протестантизма составлением символических книг: ему казалось, что задача реформы уже исполнена, что все нужное для этого сделано. Но другие полагали, что ничего еще не сделано и что дело только начинается. Таким образом, он не удовлетворил требованиям более последовательных умов и вместе с тем оскорбил католическую партию. Тем не менее его реформа относится к числу событий величайших: результаты ее были обильны, хотя не соответствовали первоначальным целям реформатора.

Когда умер Лютер, место его заступил Меланхтон. Еще менее Лютера имел он призвание стоять во главе реформационной партии, особенно в ту тяжкую минуту, которая наступила для протестантизма в 1546-году. Мир в Крепи развязал Карлу руки: он мог теперь посвятить исключительное внимание делам церкви. В декабре 1545 года открылся собор в Триденте; между тем император собирал войска, сносился с папою и готовился вооруженною рукою решить протестантский вопрос в Германии. Немецкие князья сначала не хотели верить этой грозившей им опасности: только тогда, когда не было уже возможности сомневаться, когда было перехвачено письмо императора к католическим кантонам Швейцарии, обличавшее его замыслы, только тогда они начали готовиться к борьбе и издали протест свой. Император со своей стороны не скрывал уже своих намерений, он наложил имперскую опалу на Филиппа Гессенского и курфюрста Саксонского Иоанна Фридриха. Бывшие члены Шмалькальденского союза готовились к войне, и надо сказать, что в эту минуту перевес был все-таки на их стороне: они превышали Карла силами, они даже могли не впустить его в Германию, ибо проходы Тироля были в их руках. Но в Совете Шмалькальденского союза не было согласия. Даже важнейшие союзники, Филипп Гессенский и курфюрст Саксонский, не ладили между собою: последний надеялся, что все можно еще будет кончить мировою сделкою, а ландграф Гессенский требовал быстрого движения, и последствия показали, что он был прав. Один из лучших вождей немецких ландскнехтов Шертлин фон Вуртенбах (Sebastian Schertlin) предложил даже поспешным движением на Регенсбург захватить там императора и соединенных католических князей, и это движение, может быть, имело бы полный успех, если бы приняли предложение опытного вождя; потом он предложил идти на Тироль, чтобы перехватить там шедшие на помощь императору войска из Италии, и на это предложение также не согласились. Карл между тем стоял в Тироле; он дал подойти итальянским войскам, папа прислал ему 10000, из Нидерландов также явились войска, и он начал военные действия. Первоначально выгоды были еще на стороне протестантов; если бы тогда же они дали битву, победа, вероятно, осталась бы еще на их стороне. Но время было пропущено. Император вступил в Швабию; протестантская армия шла рядом с ним и не делала никаких попыток вступить в битву. Император стоял лагерем в Гингене, когда пришло известие, переменявшее ход дела, об отпадении от протестантизма Морица Саксонского. Он был сын Генриха Саксонского и перешел на сторону протестантов. Мориц принадлежал к младшей линии

Саксонского дома; это был ревностный протестант, талантливый, молодой князь, на которого всего более протестанты возлагали свои надежды. Когда его родственник Иоанн Фридрих Саксонский пошел в общем ополчении на императора, он вдруг получил известие, что Мориц от имени императора занял его земли и объявил себя на стороне последнего. Фридрих должен был поспешить в свои владения. Наемные войска скоро разбежались; испуганные города отозвали назад свои дружины; остался один ландграф Гессенский, который, разумеется, не мог держаться один, уехал в свои владения и там готовился к защите.

Карл приступил к подчинению Западной и Южной Германии. Он действовал быстро и решительно. Ульрих Вюртембергский, некогда столь стремительный и деятельный, устарел и, опасаясь новых несчастий, смирился пред императором, заплатив ему огромную сумму и обещая служить ему. Города, на которые наиболее надеялись протестанты, сдавались один за другим, несмотря на то, что у них было множество запасов и огромные средства для обороны. Аугсбург, который был тогда одним из первых городов Германии, обладавший огромными военными запасами и артиллерией, когда Буртенбах предложил защищать его, отвергнул его предложение и согласился на тяжкие условия сдачи императору. Одним словом, Западная и Южная Германия находились под властью Карла. Архиепископ Кельнский, обнаруживший склонность к протестантизму, должен был сложить с себя сан свой и уступить место другому, более надежному защитнику католической церкви. Зато Северная Германия представляла Карлу мало надежд на успех: здесь протестантское ученье крепко пустило свои корни, города готовились к упорной обороне; Иоанн Фридрих был с восторгом принят своими подданными, выгнал Морица и овладел собственными городами последнего, кроме Дрездена и Лейпцига. Гуситы проснулись: в Праге собрались чины и явно выразили намеренье снять венец с Австрийского дома; то же движение оказалось в Лузании, Моравии и Силезии, куда проникло прежде гуситское учение.

Но Карл не терял времени, как это делали протестанты. Весною 1547 года он явился на Эльбе. Курфирст Иоанн Фридрих, человек лично бесстрашный, но плохой полководец, не ждал такого быстрого движения; он стоял у Мюльберга (Mühlberg) с 6000 войска, тогда как у Карла было 27000; войсками последнего начальствовал один из знаменитейших тогда полководцев, герцог Альба. Он под неприятельским огнем перевел войска через Эльбу. Саксонцы разбежались почти без битвы; курфирст оказал личное сопротивление, но был ранен, сбит с коня и взят в плен (24 апреля 1547 г.). Эта неудача ослабила, но не сокрушила сопротивление протестантов. Император произнес над курфирстом смертный приговор — поступок первый в таком роде, невозможный прежде без определения и согласия курфирстов. Иоанн Фридрих услышал об этом приговоре с чрезвычайным равнодушием. По всей вероятности, император не имел прямого намерения его исполнить и хотел только напугать курфирста. Он требовал от последнего приказанья сдаться тем из его городов, которые еще держались: курфирст согласился; во-вторых, он потребовал, чтоб Иоанн Фридрих отказался от курфиршества и передал его Морицу: курфирст согласился и на это требование; но когда император потребовал, чтоб он признал власть и решения Тридентского собора, курфирст отказался решительно. Судьба его была решена: он подвергся вечному заточению. Земли его переданы Морицу, но сыновья его, впрочем, получили часть отцовского наследия в Веймарском герцогстве и Тюрингии. Мориц Саксонский, Иоахим Бранденбургский явились ко двору императора с покорностью.

Оставался только один ландграф Филипп Гессенский. За него ходатаем был зять его Мориц. Он заключил с императором такое условие: было положено, что Филипп явится ко двору Карла и изъявит полную покорность и готовность исполнять требования Карла; с своей стороны, Карл обещался не наказывать его ни смертью, ни конфискацией, ни заточеньем. Филипп прибыл в Галле, где находился император; он явился с многочисленной свитой, спокойный, веселый, уверенный в безопасности. Он вошел в залу с улыбкою на устах (18 июня). На коленях он

просил императора о прощении; но улыбка не раз появлялась на его лице, и стоявшие близко слышали слова Карла: «Я отучу тебя смеяться». В тот же вечер ландграф за обедом у герцога Альбы был арестован. Карл не мог устоять против искушения наказать двух главных противников Филиппа и курфирста Саксонского. На возражения Иоахима Морица он отвечал, что не обещался наказывать ландграфа вечным заточением, но что император имеет право сократить или увеличить срок заточения: Филипп был отправлен в Нидерланды, где его содержали очень строго.

Теперь Морицу Саксонскому пришлось пожинать плоды своей измены: тесть его находился в плену, протестантская партия находилась в изнеможении. Только некоторые города, и в том числе особенно Магдебург, подавали героический пример. Магдебург принял до 400 протестантских священников, бежавших из своих паств, в обещал помощь каждому, кто пострадает за новое ученье. Карл обращался с Германией, как с испанской провинцией; он ввел в нее огромное количество испанских и итальянских войск, собирал огромные суммы с немецких городов. Никогда не был он могущественнее.

Но это могущество было так велико, что возбудило опасение папы. Мы имеем положительные известия, что папа был огорчен такою решительною победою над протестантами, ибо ему теперь угрожал не менее опасный перевес императора. Действительно, папа отозвал свои войска и перестал давать деньги Карлу. Собор Тридентский, собранный для решения тогдашних вопросов, не мог внушить доверия протестантам: он состоял из лиц принадлежащих к орденам, известным своею ненавистью к протестантству. В первых же решениях собора обнаружились его отношения к последнему: перевод вульгаты был признан каноническим текстом; все те учения католицизма, на которые протестанты наиболее нападали, признаны в прежней силе и даже еще в большей; предание поставлено наряду со Священным писанием. Карл был недоволен этими решениями: он требовал, чтобы по крайней мере они хранились в тайне, ибо их гласность отнимала последнюю надежду на примирение с протестантством. Папа перевел собор в Болонью: император запретил своим духовным представителям переезжать туда; таким образом, собор разделился. Глазам Европы представилось зрелище: императора, торжествующего над протестантами, и папы, недовольного этим торжеством.

Но у Карла теперь с большею силою возобновились надежды, которые имел он прежде; он хотел создать умеренную среднюю партию и стать с нею выше папы и реформаторов. С этою целью он созвал в Аугсбурге (в сентябре 1547 г.) с обеих сторон богословов, известных своею умеренностью. Со стороны католиков явился здесь главным Юлий Пфлуг, Наумбургский епископ, человек с большим запасом знаний и самый умеренный между католиками; со стороны протестантов браденбургский богослов Агрикола. Они-то составили постановления Аугсбургского интерима, которые должны были иметь окончательную силу до постановлений собора. Эти постановления состояли в следующем: власть папы значительно ограничена; духовные получили позволение вступать в брак; причастие для мирян установлено под обоими видами; зато удержали свою власть епископы и все обряды службы католической. Относительно важнейших догматов, имевших решиться на соборе, в интерим вставлены неясные места, допускавшие возможность различных толкований: ясно, что этим постановлениям сообщена была сила неполная и нерешительная.

Ясно было, что император стал главою этой новой церкви. Папа отрекся от решений этого сейма; Баварские и другие строго католические герцоги также отвергли его положения. В протестантах он возбудил также негодование: в большей части Северной Германии они не были приняты; Магдебург отказался признать его; Мориц Саксонский колебался, будучи связан словом, данным чинам, не принимать никаких нововведений. Он созвал в Лейпциге знаменитых богословов: главою был Меланхтон (1548 г.). Мы видели предшествовавшую деятельность

Меланхтона: это был человек высокой учености; недаром получивший название наставника Германии. Но он был слабого и уступчивого характера, и когда не стало крепкого и неукротимого Лютера, Меланхтон явился неспособным занимать его место по этой слабости и уступчивости. Есть замечательное письмо, оставшееся после него, в котором видны даже следы раскаяния его в прежних поступках. Лейпцигским интеримом он навлек негодования протестантов; он отверг некоторые статьи Аугсбургского интерима, но признал много статей, весьма к нему близких. Меланхтон признал здесь власть папы, «буде она направляться будет ко благу церкви, а не ко вреду ее». Положения этого сейма изданы под названием Лейпцигского интерима; он был принят большею частью протестантов, хотя не возбудил также доверия. Карл думал положить конец сопротивлению Германии взятием самого упорного города Магдебурга. Он выбрал исполнителем своей воли Морица. Недоставало только этого, чтоб окончательно погубить Морица в общем мнении и отнять у него возможность играть роль, сообразную с его талантами и средствами. Характер его подвергся различной оценке со стороны ученых. Одни в нем видели глубокого, дальновидного политика, который сознательно поступал так, видя с самого начала невозможность сопротивляться Карлу и выжидая благоприятных обстоятельств; другие видели в нем честолюбца, даровитого и бессовестного. Но характер его всего лучше объясняется тогдашним временем, теми политическими понятиями, которые тогда господствовали. Он был, бесспорно, не только талантливый, но гениальный человек, лишенный, впрочем, понятия о политической чести. Он сначала, конечно, не имел другой цели, как овладеть землями Иоанна Фридриха, и для достижения этой цели перешел на сторону императора. Приписывать ему уже тогда намерение оставить впоследствии императора нельзя. Но когда обстоятельства приняли другой оборот, тогда в нем проснулись другие надежды. В 1548 г. он был уже противником императора втайне, но мог еще обмануть его. Карл во всем доверял ему. «Где немцу обмануть испанца или итальянца», — говорил он. Оказалось, что немец действительно обманул их.

Лекция 27 (26 Января)

Мы видели, в каком отношении находился Мориц Саксонский к Карлу V. Карл не хотел верить дошедшим до него слухам об измене Морица и его замыслах и продолжал заниматься возвратившимся в Тридент собором. Мы видели, вследствие какой причины собор разделился. Можно сказать, что упорство Павла III и подозрительность спасли протестантов от величайшей опасности. Если б собор не разделился именно в ту решительную эпоху, когда император, окончив Шмалькальденскую войну, стоял во главе Германии, то, конечно, решения Тридентского собора могли бы получить совсем иной вес. Разделение собора заставило императора принять иное средство, именно Аугсбургский интерим. После Павла III Юлий III, его преемник, согласился с императором и сам приказал духовным лицам воротиться из Болоньи в Тридент; император находился в окрестности города, следил за действиями собора и ожидал его успешного окончания. Между тем Мориц продолжал осаду Магдебурга. Он с намерением тянул осаду: видно было, что он не хотел взять этого города, последнего оплота протестантов; ему нужно было войти в сношения с другими предводителями протестантского движения для того, чтобы дать время соединиться войскам воедино. Весной 1552 года он мог приступить к исполнению замыслов. Главными союзниками его являлись Альбрехт Бранденбург-Кульмбахский и ландграф Гессенский, сын плененного. Недовольные силами, собравшимися в Германии, они вступили в сношение с Францией. Альбрехт ездил под чужим именем в Париж и вел переговоры с Генрихом II; там находился и Шертлин фон Буртенбах, вступивший во французскую службу: Генрих II обещал помощь.

Таково было положение дел в начале 1552 года. Карл ждал в Тридент протестантских богословов. Меланхтон по поручению Морица отправился было туда, но замедлил на дороге и остался в Нюрнберге. Курфирст Саксонский требовал между тем от собора невозможных

уступок; ему хотелось только выиграть время. В апреле он снял осаду Магдебурга и с 25000 бросился в Южную Германию, где соединился с ним Альбрехт и ландграф Гессенский; вся армия составляла более 50000. Карл не имел таких сил для сопротивления. Можно наверное сказать, что если бы не бунт ландскнехтов, задержавших Морица и при котором он сам едва не потерял жизни, то сам Карл был бы взят в плен: он находился в Инсбруке и получил известие о неприятеле за сорок восемь часов до его приближения; император был болен, время было дурное; ночью, при сильном дожде Карл был на носилках вынесен из Инсбрука.

Этим ударом сокрушились все его надежды, все результаты Смалькальденского похода погибли. Император получил неизлечимую рану: еще прежде он страдал гипохондрией, теперь она развилась в нем в сильнейшей степени. Он проводил целые дни один, в комнате, обитой черным сукном и освещенной факелом, по целым часам молился и с неудовольствием подписывал доклады. Но на мир с Морицом он не хотел соглашаться; он видел здесь окончательное унижение императорского достоинства, но средств сопротивляться не было. Прелаты Тридентского собора разбежались. Фердинанд, брат Карла, настоятельно требовал мира, говоря, что при таком разделении сил в Германии ему нельзя отстаивать собственные владения против турок. В Пассау заключено было перемирие, условия которого состояли из 10 статей. Главные положения его были следующие: положено было протестантам и католикам пользоваться равными религиозными правами до окончательных постановлений собора. Мы постоянно встречаем такого рода отсрочки, хотя на самом деле участники этого перемирия вовсе не верили в прочность решения собора; это была только одна употребительная фраза. Мориц обещал распустить свою армию, но так, чтобы наемники его не переходили в службу французского короля. Протестанты получили одинаковое право голоса с католиками в высшем имперском судилище Reichscammergericht. Неудачи Смалькальденской войны были таким образом вознаграждены главным виновником этих неудач. Но такие поступки, какие совершал Мориц в 1546 и 1547 году не остаются безнаказанными. Он не внушал к себе более нравственного доверия; до самого конца своей деятельной и блестящей жизни он остался предметом подозрений и ненависти между католиками и протестантами.

Со своей стороны король французский Генрих II сдержал свое обещание. Он выступил против Карла и овладел Камбре, Мецом, Тулем и Верденом: это были чрезвычайно важные места для Германии по своему положению между французскими и императорскими владениями. Протестантские князья, уступив их на время французскому королю, не думали отдавать их ему в вечную собственность: но они тем не менее поступили в эту собственность, что составило величайшую утрату для Германии. Стоит обратить внимание на тот язык, которым говорил французский король с протестантами. Генрих обратился к ним с прокламацией, написанной языком, напоминающим язык членов французского конвента в 18 столетии. Даже фригийские шапки и колпаки явились на его манифесте; он является здесь защитником свободы религиозной, тогда как у себя был ее гонителем. Один из писателей тогдашней эпохи Тавань говорит, что у себя король гнал протестантов не за религию их, а вследствие политического опасения: он не хотел, чтобы в его владениях кто-либо играл ту роль, которую он сам играл в Германии.

Несмотря на нравственный недуг и физическую болезнь, Карл выступил в том же 1552 году против французов. Даже с маркграфом Альбрехтом Бранденбург-Кульмбахским, энергическим, воинственным князем, дотоле решительным врагом своим, Карл заключил перемирие против французов. Началась осада Меца; но обстоятельства ее были неблагоприятны: она начата была во время стужи; в городе с гарнизоном был Франц Гиз, впоследствии знаменитый. Потери императорской армии были значительны; войско упало духом, несмотря на личное предводительство императора; когда он хотел вести его на приступ, оно не пошло; глубоко оскорбленный император говорил: «Не осталось более мужей в Европе, поколение выродилось». И в самом деле он смотрел на всех сподвижников с мрачным недоверием. Даже

междоусобные распри протестантских князей не вызвали его к новой деятельности. Эта распря завязалась между Морицем Саксонским и Альбрехтом Бранденбург-Кульмбахским. Альбрехт, как мы сказали уже, был один из самых воинственных протестантских князей. Новейшие историки немецкие приносят его обыкновенно в жертву Морицу, превосходившему его талантами и честолюбием. Но Альбрехт был также не лишен значительных качеств и патриотизма; ревностный протестант и личный враг Карла, он подал ему помощь против французов. Когда влияние Морица сделалось господствующим, он встал против него: вообще он был выражением того недоверия, которое существовало к Морицу в Германии. В 1552 году не император, а Мориц стоял во главе Германии. Можно смело сказать, что он замыслил быть протестантским королем Германии, мысль, которая впоследствии занимала Густава Адольфа. Но для этого ему прежде должно было устранить такого смелого и беспокойного противника, каким явился Альбрехт. Для этого Мориц соединился с Генрихом Брауншвейгским, дотоле общим врагом протестантов. При Сиверсгаузене (1553) сошлись войска. Мориц остался победителем, но умер два дня спустя от полученной раны на 32 году от рождения. Он умер, твердо унося с собой великие планы и великую будущность, которая могла бы при нем наступить для Германии. Разбитый Альбрехт претерпел еще раз поражение и кончил жизнь 57 лет изгнанником во Франции.

Таким образом, Мориц не дождался заключения Аугсбургского мира, который на время замкнул распри между протестантами и католиками. В 1555 г. император не принимал участия в переговорах; главным образом участвовал здесь Фердинанд. На этом сейме, в Аугсбурге, несмотря на протестации папского легата, князья решились постановить мир, не дожидаясь решений собора. Но здесь встретились еще большие затруднения, особенно касательно двух пунктов, именно: во-первых, в вопросе о духовных князьях и, во-вторых, в вопросе о праве подданных переменять религию без согласия князя. Что касается до первого вопроса, то он представлял значительные трудности, и в его решении формальная справедливость была на стороне католиков. Протестанты требовали, чтобы епископ или какой-либо духовный князь при личном своем переходе к протестантству, мог к нему обращать и свои земли; католики отвечали, что духовные князья владеют землями только пожизненно, владения их принадлежат их духовному сану и собственно составляют имущество церкви, а церковь не может отчуждать собственных своих владений. При посредстве Фердинанда дело решено следующим образом: каждый католический прелат получал право переходить к протестантству, не лишаясь чрез то своих владений, не теряя, впрочем, своего достоинства и чести; дело, впрочем, здесь шло не о чести — это была только оговорка, названная *reservatio ecclesiastica*. Эти статьи Аугсбургского мира не имели обратной силы, и секуляризованные прежде княжества остались во власти своих протестантских князей, например Пруссии.

Потом возник спор о том, имеют ли право подданные переходить к другому вероисповеданию помимо воли своего князя. Вопрос этот решен таким образом: католики и протестанты, жившие в землях владетеля другого исповедания, еще до Аугсбургского сейма сохраняли право жить здесь; но подданные протестантского князя, перешедшие к католицизму, обязывались оставить его земли. Если мы рассмотрим все постановления этого мира, то увидим одно, что под словом религиозная свобода не должно здесь разумеать многого, что религиозной свободой могли пользоваться собственно только князья; для подданных же их существовали значительные ограничения этого права. Во всяком случае мир этот принят с радостью, ибо он положил конец смутам. Каждая сторона хотела собраться с силами, чувствуя, что в настоящую минуту ей невозможно достигнуть перевеса.

В том же году император сложил с себя корону. В Брюсселе совершился торжественный обряд; Карл вышел из покоев, опираясь на принца Оранского, впоследствии противника испанской монархии, но теперь пользовавшегося большим доверием императора. Он объявил, что передает Нидерланды и Испанию сыну своему Филиппу. Он думал передать ему и

императорский титул, но этому воспротивились Фердинанд и немецкие князья, которых Филипп оттолкнул своим обращением во время пребывания в Германии и для которых он всегда оставался иностранцем. Императорский титул перешел к Фердинанду. Таким образом Габсбургский дом разделился на две великие линии: испанскую, во главе которой стал теперь Филипп, получивший Испанию, Нидерланды, итальянские владения и новые земли, и австрийскую, в числе которой к Фердинанду перешли родовые владения Австрийского дома. Карл отправился в Испанию, несмотря на протест Павла IV (Карафы), который вступил после Марцелла III. Павел IV был представителем строгой католической партии; еще кардиналом он приобрел известность жестокими мерами против защитников нового учения в Италии, он подал мысль об инквизиции. Теперь он был оскорблен поступком Карла, слагавшего свои обязанности без ведома папы. Император провел остаток жизни своей в Эстремадуре, в монастыре святого Юста. В первые дни он поднялся духом и был весел; потом его стала мучить совесть; ему казалось, что он не исполнил своего назначения, что он недостаточно помог церкви и не положил конец губительному расколу. Замечательны относящиеся к этому времени письма об нем его духовника. Из них заметно у Карла еще более мрачное состояние духа, чем прежде. Можно бы было подумать, что умственные способности Карла повредились: он велел при жизни своей совершить свои похороны и сам отпевал себя. Но, несмотря на такого рода настроенность, он жалел в монастыре о том могуществе, которое выпустил из рук, потому что сын поступал с ним не всегда почтительно. Он умер в 1558 году — человек замечательный по уму и талантам, но с другой стороны, обязанный частью своей великой славы тем обстоятельствам, в которых он жил и действовал. Но для Германии он не оставил ничего, чем она могла бы помянуть его с приязнью: он остался для нее иностранцем; голоса, раздававшиеся здесь против него в молодости, не подействовали на него. Историк может здесь предложить вопрос: какая бы будущность ожидала Германию, если б в 20-х годах стоял во главе ее истинный германец?

Нам остается теперь бросить взгляд на распространение нового учения в других странах Европы.

Мы видели, что Реформация была результатом движения умов не в одной только Германии, но во всей Европе. Она оказалась и во Франции; отсюда-то раздалась первые требования преобразования: Парижский университет вытребовал те два первые великие собора, которые ознаменовали начало XVI столетия. Но идеи реформационные не получили во Франции той силы, как в Германии. В Германии вопрос религиозной реформы был связан с вопросом национальным, свержением несносного латинского ига. Во Франции этого не могло быть: между французами и итальянцами не было такого противоречия; романские племена скорее могли сойтись в требованиях и заключить между собой сделку. Вот почему в начале XVI столетия Реформация принимается только немногими народами; потом она получает уже характер политического вопроса. Франц сначала равнодушно смотрит на Реформацию у себя: последователи ее были большею частью люди ученые, безвредные. Но скоро он начал опасаться протестантов. В 1540 г. совершилось страшное дело во Франции. Здесь оставались начатки альбигенской ереси; в графстве Венсенском жили потомки вальденцев: это было кроткое народонаселение, обратившее страну своими трудами в цветущее положение; на них-то обратились католики. Барон d'Orpede, правитель Прованса, выжег 22 деревни, населенные вальденцами, и истребил жителей. Даже католики, более просвещенные, были недовольны этим варварским делом. Франц лично не принимал в нем участия, но не противился ему; при нем уже были некоторые протестанты казнены, другие должны были бежать. При сыне его Генрихе II казни умножились; между жертвами пал член парламента Anne Dubaury.

Франция ожидала реформатора, более соответствовавшего ее потребностям, нежели каков был для нея Лютер: таков был Кальвин. Он родился в начале XVI столетия в Пикардии, около 1510 года. Нельзя не заметить, что отсюда вышло много людей, игравших важную роль в

истории; это были люди большею частью отвлеченной, строгой, неумолимой диалектики. Отсюда вышли начальники «Горы» в первую французскую революцию; вообще между ними и Кальвином было много сходного.

Лучшее сочинение о Кальвине: Henry, Johann Calvins Leben und Schriften, 1835 года.

Лекция 28 (28 Января)

Мы остановились на распространении Реформации в Швейцарии и Франции. Мы указали на биографию Кальвина, составленную Henry; остается упомянуть еще об одном сочинении, которое пользуется незаслуженной, впрочем, славой: *Histoire de la Reforme de la Ligue, Sarefigue*; вышедшее в нескольких изданиях, оно приводится в очень хороших учебных книгах как лучшее сочинение об этом предмете. Тем не менее это сочинение наполнено не только грубыми, но даже нечестными ошибками. Капфиг не раз позволял себе искажать истину; он до сих пор не ответил на требования критиков показать им те акты, на которые он ссылается. В других местах он без всяких оснований отвергает существование таких актов, которых подлинность несомненна. Так, например, известно письмо виконта д'Ортез к Карлу IX по случаю Варфоломеевской ночи; Капфиг утверждает, что это письмо не существует, между тем, как оно напечатано целиком в современном памятнике *Histoire universelle par d'Aubigne*. Между тем, сочинения этого автора пользуются и именно у нас репутацией, которой они не стоят ни по учености своей, ни по направлению.

Нам уже известна судьба Цвингли, первого смелого проповедника реформы в Швейцарии. По смерти его в битве при Каппеле можно было подумать, что торжество Реформации кончилось в Швейцарии, но, кроме Цвингли, здесь много уже было деятелей в пользу реформы. Это были — француз Фарель, Ламберт и другие проповедники протестантского учения, независимые от реформы Лютера, с которым они во многом расходились. Но самым замечательным между ними явился Кальвин. Мы сказали, что он родился в городе Нойоне в Пикардии в 1509 г. и что отсюда вышло много людей, замечательных необычайной смелостью и непреклонной жесткой диалектикой. Высшее образование получил Кальвин в Париже, потом в Орлеане, где слушал лекции права и богословия. Наибольшее влияние имел на него немец Вольмар, преподаватель греческого языка; он познакомил его с учением немецких реформаторов; будучи назначен отцом своим в духовное звание и имея даже уже в виду место, он, несмотря на то, тотчас по смерти отца своего отказался от назначаемой ему обязанности и попеременно занимался то правом, то богословием. В 1529 г. он обратил на себя внимание неосторожной смелостью, с какой проповедовал в Париже новые учения. Через несколько времени он должен был бежать из Парижа, ибо ему приписывали сочинения речи, произнесенной Михаилом Каппом, в которой Сорбонна нашла много противного католицизму. Он тайно вышел из города, скрывался несколько времени в средней полосе Франции и оттуда отправился в Италию. Здесь он провел несколько времени в Ферраре при Ренате, дочери Людвига XII, принцессе, наклонной к новому учению; сестра короля (Франца I) Маргарита Наваррская также не отказала ему в своем участии. В 1535 году, в промежуток этих путешествий, он напечатал в Швейцарии первое знаменитое сочинение свое *Institutio christianae religionis*, где вкратце изложил свое учение. Между тем, он здесь оправдывает протестантов в преступных намерениях, в которых обвиняли их: он говорит, что в них нет ничего опасного и что единственное желание их восстановить чистоту церкви. Но здесь же встречается жесткое учение об предопределении; вот как решает он этот вопрос: изначала века бог разделил род человеческий на две половины; одни предопределены к вечному блаженству, другие к вечным страданиям; он говорит, что никакие усилия человека не могут его избавить от этого предопределения, что свобода человека искажена вследствие грехопадения. Нетрудно понять, как такое решение убивает всякую надежду и веру в себя и в человечество. Но помимо такого

рода решений все-таки это сочинение написано превосходно и посвящено Кальвином Францу. Со стороны логической оно далеко превосходит все подобные сочинения Лютера и других реформаторов. Он сам перевел его на французский язык и надобно сказать вообще, что его сочинения, писанные на французском языке, принадлежат к первоклассным сочинениям тогдашней эпохи. Спустя несколько времени он призван был в Женеvu для преподавания греческого языка, 1536 - 1538 г. Здесь он нашел плодотворную почву для своей деятельности. Можно сказать, что предшествовавшая история Женеvy приготовила все для успехов реформатского учения. Будучи имперским городом, она находилась под властью епископа. Постоянными врагами ее были соседние герцоги Савойские, хотевшие присоединить ее к своим владениям. Борьба Женеvy с Савойскими герцогами, на стороне которых нередко находился и сам епископ, представляет драматическую, превосходно характеризующую городские отношения века картину. Уже в начале XVI столетия эта борьба принимает ожесточенный характер. Является несколько граждан, заплативших жизнью за попытку против Савойи; таковы были, между прочим, каноник Бонивар и друг его Бертелье. Последний, чтобы отклонить подозрения, стал во главе молодежи, слыл за разгульного и беспечного; его приверженцев называли *libertins*, но сам он был великим гражданином: он силился снять с Женеvy опеку епископа и устранить притязания Савойского герцога. Бертелье заплатил жизнью за это покушение; но основанная им партия, направление, им данное, осталось. И нельзя сказать, чтобы направление, жившее в его последователях, служило в пользу города: молодые люди, они приняли только дурную, внешнюю сторону его примера. Нравственность пришла в значительный упадок. Власть епископа отрицалась, но не по одному только религиозному убеждению: вообще вражда между духовной и светской властью имела тогда самую большую силу. Когда Кальвин прибыл в Женеvu, ему было только 27 лет; но он поразил всех строгим характером своего учения и своей непреклонной личностью. Он требовал исправления нравов, самой строгой жизни; он налагал запрещения на самые невинные удовольствия. Женеvцы не могли вынести этой строгости: в 1538 году Кальвин должен был обратиться в Страсбург, где продолжал распространять свое учение. Через 3 года Женева его призвала обратно: с этого времени он становится постоянно во главе ее. В деле реформы Женева сделалась для юго-западной Европы тем же, чем Виттенберг для Германии. Но никогда Лютер не имел там такой силы, как здесь Кальвин: во Франции его называли реформаторским папою (*le pape des reformes*). Некогда в молодости под влиянием классических сочинений написал он *De Clementia*, где проповедовал всеобщую терпимость. Но здесь, в Женеve, деятельность его отличалась другим, более суровым характером. Он образовал здесь консисториум из протестантских пасторов, которым поручил надзор за нравственностью граждан. Этот консисториум имел право различных наказаний; но эти наказания еще не удовлетворяли судилища, во главе коего стоял и которым руководил Кальвин. В 1547 г. протестанты подали католикам страшный пример: некто Жан Грюе был казнен за еретические мнения и за то, что дурно говорил о Кальвине: *pour avoir mal parle de Monsieur Calvin*. Католики могли тогда по праву сказать протестантам: зачем вы упрекаете нас в стеснении религиозной свободы, когда сами казните тех, кто ею пользуется? Через 6 лет совершилось дело, пришедшее еще в большую известность: это была казнь одного испанского врача Михайла Серведы (*Servede*). Он издал несколько богословских сочинений, между прочим, одно (1531) — *De trinitatis erroribus*. Конечно, в этом сочинении было много резкого до дерзости; но можно бы смело спросить Кальвина: на каком основании он, разрушивший единство католического мира, произнес приговор над противником последнего? С точки зрения католицизма поступок Кальвина, конечно, мог быть оправдан, но с протестантской точки зрения никоим образом. Серведа ехал в это время в Германию и на пути остановился в Женеve: его задержали, предали суду и приговорили к сожжению на костре: он был сожжен. Виновником его сожжения был Кальвин, как его ни оправдывали в том. До 1564 г. правил Кальвин неограниченно в Женеve: он правил столько же умами, сколько городом. Его влияние основывалось преимущественно на нравственной силе его характера; он сам подавал пример другим строгостью над самим собой. Бескорыстный, неутомимый деятель, суровый к самому себе, он внушал если не любовь и симпатию, то доверие и уважение. В последние годы

его жизни присоединился к его последователям Феодор Бэза, французский дворянин, получивший отличное образование, смолоду живший в высшем обществе, любивший наслаждения, но потом горячо принявший учение Кальвина и бывший по смерти последнего в 1564 - 1605 гг. вождем кальвинистской церкви. Он был гораздо мягче Кальвина и снисходительнее.

В той форме, какую Кальвин дал своему учению, оно распространилось во Францию. Условий для его распространения здесь было много, между прочим, во-первых, самый язык, на котором писаны сочинения Кальвина; французские дворяне могли читать в своих замках учения новых проповедников; во-вторых, то средство, которое находилось между учением Кальвина и его последователей и характером вообще романских народов. Несмотря на грубые формы и недостатки сочинения Лютера, в них нельзя отвергать природного немцам какого-то добродушия: но Кальвин обращался к одной сухой и суровой логике; все, что было теплого в католическом учении, все то отверг он. Сначала он в вопросе о причастии принимал какое-то среднее толкование между учением Цвингли и Лютера: Цвингли принимал причастие только в значении воспоминания Христа, Лютер принимал его безусловно и вполне; но под конец Кальвин перешел совершенно на сторону рационального направления Цвингли. Одним словом все поэтическое содержание католицизма было им отвергнуто. И этим-то он подействовал на умы народов романских. Учение Кальвина распространялось с необычайной быстротой. Сначала оно перешло во Францию, где в продолжении 100 лет боролось с католицизмом, потом в Шотландию, откуда стремилось перейти в Англию. В Германии кальвинизм проник в западные области. В 1559 г. Фридрих III Пфальцский издал гейдельбергский катехизис, основанный на началах учения Кальвина; наконец, это учение принято в Бранденбурге; в наше время оно распространилось сильно в Америке. Кальвин сделал шаг далее Лютера: он не ограничился одной реформой церкви, но посягнул и на гражданские отношения. Управление церковью вверил он собору из пресвитеров, старшин из духовенства. Мы увидим, какую роль играла в конце 16 столетия эта пресвитерианская церковь, основателем коей был Кальвин. Большая часть его приверженцев, вся его церковь отличалась той же суровостью духа, как он сам. В других сторонах Германии между лютеранами и кальвинистами шла упорная борьба, например в Саксонии. Наконец, сам Меланхтон поколебался было на сторону Кальвина. В 1586 погиб канцлер саксонский Крель, который хотел дать здесь перевес кальвинизму; он был судим, 20 лет содержался в крепости и казнен. Мы видим отсюда, до какой степени в недрах самого протестантизма развилась борьба. Одним словом, те надежды, с которыми западные народы встретили учение Реформации в начале XVI столетия, не оправдались к концу его. Единство было разорвано, но ничем удовлетворительно не было заменено. Европа пришла в какое-то странное брожение, которое не могло успокоиться и в течение следующих столетий.

Перейдем теперь к истории отделения Англии от папского престола. Нам известно уже, из каких чисто мирских, личных побуждений Генрих VIII начал распрю свою с папой. Вольсей, дотоле ближайший советник короля, поддерживавший развод его с Екатериной Арагонской, впал в немилость, стараясь помешать его браку с Анной Болен. Не дожидаясь папского разрешения, может быть ободряемый из Рима тайными намеками, что если он настойчиво пожелает развода, то папа признает его, с другой стороны, ободряемый купленными за деньги мнениями европейских университетов, оправдывавших его развод, Генрих в 1538 году женился на Анне Болен (прим. Здесь неточность: Генрих VIII женился на Анне Болейн не в 1538 г., а 25 января 1533 г. (см. «The Cambridge Modern History», v. II. Cambridge, 1903, p. 439)). Но согласия папского на этот поступок не было. Мы говорили об отношениях Карла к Клименту VII, которыми были связаны руки папе. Противиться же Генриху было некому: Вольсей умер; большая часть людей, имевших дотоле влияние на короля, были устранены от двора. Архиепископом Кентерберийским назначен был доктор Кранмер без утверждения папского. Он учился в Германии и глубоко проникнут был протестантизмом, но скрывал это от короля, умный ученый, умевший ладить со своенравным королем. Он смотрел на свое возвышение как

на средство способствовать распространению протестантизма. В 1534 г. король потребовал себе присяги и верности как главе церкви. Парламент подтвердил требование короля; но нашлись смелые, глубокого убеждения люди, которые не хотели дать этой присяги.

В числе их был Фишер, епископ Рочестерский, муж великой учености и добродетели, некогда бывший любимцем и учителем Генриха; ему было уже за 70 лет; это был эллинист и гуманист в полном смысле, но преданный католицизму прелат. Сюда же принадлежал Фома Мор, автор знаменитой Утопии, в которой он излагал идеальное понятие об государстве, друг Эразма и всех европейских гуманистов, навлекший на себя прежде справедливое обвинение — он был канцлером после Вольсея — в жестоком гонении протестантизма. Он не отказался даже в присяге королю как главе английской церкви, но решительно объявил себя против развода: он говорил, что Генрих не богослов и потому сам не может произносить такого рода решений. Они оба были казнены. Король в одно и то же время держал меч с двумя остриями: одно он обращал против католиков, другое против протестантов. Он помнил название защитника католической веры, данное ему некогда папой, и строго наказывал за всякое отступление от католического догмата: он говорил только, что каждому государю в своей стране прилично стоять во главе церкви.

В действиях его было вообще мало последовательности. Таким образом, часто одно и то же постановление он отменял и снова приводил в действие. Так несколько раз разрешал он чтение английского перевода Библии и снова запрещал: потом он позволил это чтение, но только в церкви, а не у частных людей. Шесть статей, изданных им, содержали вкратце учение англиканской церкви. Сущность всех католических догматов не была здесь изменена; вся обрядовая часть сохранена. Но в то же время, уничтожая монастыри, король позволял выходившим из них вступать в брак. Одним словом, в этой реформе было что-то нестройное, нерешительное, только туманившее понятия народа и готовившее его к кровавым переворотам, которые и имели место в XVII веке. Конфискация монастырских имений могла иметь огромные результаты для блага конституции; но они остались бесплодны, вследствие неосмотрительности Генриха. Духовенство было очень богато: ему принадлежала по крайней мере третья часть, если не более, земель королевства. Монахи и монахини были изгнаны из монастырей; правительство обязалось платить им за то небольшую пожизненную пенсию, но и та потом не была уплачиваема. Ослушники, протестовавшие против этого, предавались смерти. В руках правительства скопилось, таким образом, множество владений, которые могли бы поставить короля вне зависимости от парламента, ибо известно, что парламент в Англии ограничивает власть короля распоряжением касательно налогов. Генрих видел, что при его средствах парламент никогда не осмеливается противиться его воле, и не позаботился о своих преемниках, чтобы им доставить ту же выгоду: монастырские земли розданы были любимцам или расточены самым бесполезным образом. Из этих имуществ даже мало обращено было в пользу школ: они им продавались с аукционного торга и обогащали среднее сословие или раздавались любимцам короля. Главным виновником всех этих действий был преемник Мора в качестве канцлера — Томас Кромвель. Но сверх того личные страсти короля не могли также иметь благотворного влияния на народную нравственность, не могли усилить уважение к нему.

Лекция 29 (31 Января)

Мы видели, из каких побуждений возникла английская Реформация. Нельзя сказать, чтобы личная жизнь короля, виновника этой Реформации, давала ей большое нравственное значение в глазах народа. Достаточно упомянуть о семейных отношениях короля: он был шесть раз женат; с двумя женами он развелся — с Екатериной Арагонскою под предлогом родства, с Анной Клевскою под предлогом неодолимого отвращения; Анна Болен и Екатерина Говард умерли на эшафоте вследствие судебного приговора, обвиненные в неверности королю, хотя эти

обвинения, по крайней мере относительно Анны Болен, решительно не доказаны, несмотря на все усилия католической партии бросить на несчастную королеву тень подозрения; Жанна Сеймур умерла родами; Екатерина Парр обязана своим спасением счастливому случаю: уже было отдано приказание судить ее, когда она ловкою хитростью отклонила его исполнение.

Мы видели, с какой расточительностью король истратил доставшиеся ему земли после конфискации монастырских имений. Ни одна голова в Англии не была тверда на плечах; король казнил за послушание его воли не только самих виновных, но и родственников их: 70-летняя мать кардинала Поля, удалившегося в Рим, чтоб сохранить свои католические убеждения, заплатила жизнью за побег своего сына. Почти каждая знатная фамилия принесла кого-нибудь из своих членов в жертву подозрительности короля. Протестанты гибли как еретики, католики как ослушники.

Таково было это тяжелое царствование Генриха VIII. Посмотрим теперь на его результаты и следствия, надлежащим образом понятые и оцененные немногими историками. Известно, что Англия с давнего времени пользовалась политическими правами, из которых развилась ее нынешняя конституция. В Великом совете феодальных баронов, которым окружил себя Вильгельм Завоеватель, можно искать начала парламента. Великая хартия, исторгнутая мятежными баронами у Иоанна Безземельного, положила основание политической свободе Англии. Но каждый шаг на этом пути был ознаменован новыми трудностями. К началу XV столетия можно было выразить права английского народа, выигранные им дотоле, в следующих формах: король не имеет права без согласия парламента налагать новые налоги; не имеет права издавать новых законов; наконец, в администрации должен соотноситься с существующими законами. Один из самых глубокомысленных писателей XV века, известный нам Филипп де Комминь ставил английские учреждения выше учреждений всех современных ему государств. Но здесь не должно слишком себя обманывать; в государственных учреждениях Англии XV века не должно искать, как это делают некоторые английские историки, оправдания теорий, возникающих в наше время. Эти коренные законы, ограничивавшие власть короля, не были, однако ж, ненарушаемы; у короля были средства искусно обходить их. Так, например, что касается до сбора новых податей, то самые могущественные короли из дома Плантагенетов, Эдуард II и III, делали тщетные попытки, чтоб оградить себя с этой стороны. Но были такого рода способы успеть в этом деле: король просил добровольных даров, иногда просил денег взаймы; разумеется, первого рода просьбы очень походили на приказ, а в требовании займа был намек, что он никогда не будет уплачен. Тем не менее, буква закона оставалась неприкосновенною, и ею дорожил народ, тем более, что правительство прибегало к упомянутым мерам в крайности. Другое ограничение власти короля в отношении законодательном обходилось таким образом: король пользовался неограниченным правом помилования нарушителей закона; если какой-либо закон не находил одобрения у короля, то он прощал его нарушителей. Повторяем: и такого рода случай встречался довольно редко, но все же он бывал. Наконец, что касается до самой администрации, то здесь чаще всего встречалось нарушение положенного. Таким образом, несмотря на определение Великой хартии и последующие подобного же рода положения, по которым ни один английский гражданин не мог быть произвольно арестован, личность граждан все-таки не была обеспечена, даже личность пэров Англии. Равным образом пытка, отвергаемая английскими и вообще всеми германскими законами, этот страшный дар, принесенный византийским правом Западной Европе, хотя была всегда явно воспрещаемая законом, но орудия пытки сохранялись в Лондонской башне и не раз употреблялись в дело. Глядя на подобного рода случаи, многие приходили к тому заключению, что конституция английского народа была только на словах. Но в такое время, о котором идет у нас дело, народы спорят не за отвлеченные начала, а за явные факты и результаты; потому отдельные нарушения того или другого закона проходят незамеченными в народе. Мы видим зато, что при каждой попытке коснуться прав народа, восстают сильные оппозиции; граждане поднимаются с оружием в руках. Тогда такое явление было возможнее, чем в новое время; если

бы теперь произошло что-либо подобное в Англии, то одна неделя междоусобной войны имела бы более значения, чем например война Алой и Белой розы: эта война отозвалась бы тотчас и в Китае, и в Америке, она остановила бы кредит; теперь в одном Лондоне гораздо более богатств, чем в целой тогдашней Англии. Следовательно, междоусобная война влекла тогда только к кровопролитию, но у народа, еще неторгового и небогатого, не могла оставить других потрясений. Вот почему Генрих VIII, безнаказанно посылавший на казнь отдельные лица, не касался коренных положений английского народа; он мог конфисковать и растратить монастырские имения, но когда потребовал один раз шестой части годовых доходов, тогда в народе началось восстание. Несмотря на свой непреклонный и своенравный характер, король должен был уступить мятежу и издать даже оправдательный манифест, в котором оправдывал предложенную меру. Вообще династия Тюдоров, из которой вышли самые могущественные из государей Англии, те, которые с наибольшей свободой располагали средствами своего народа, часто вводила в заблуждение многих историков, полагавших, что при ней парламент потерял всякое значение и власть, а народ все свои права. Но если государи этой династии не вступали в неприязненные отношения к парламенту, то это объясняется совсем другим, это были государи с значительными дарованиями и энергиею; они избегали столкновений с парламентом потому, что никогда не требовали излишних налогов и ограничивали свои издержки сообразно с этой мыслью. Зато они получали возможность редко собирать парламент, а парламент, видя их умеренность, оказывал всегда большую готовность подчиняться королевской воле. Величайшая перемена, происшедшая в Англии при Генрихе VIII, перемена, которая оправдывает мнение, что народ остался при прежних своих правах, это введение новых религиозных форм. И это дело объясняется следующим образом: во-первых, в Англии, столько же, как в Германии, и, конечно, гораздо более, чем в романских землях, ощутительна была потребность церковного преобразования. В XIV столетии здесь развивалась могущественная секта лоллардов, находившаяся в связи и имевшая влияние на гуситов. Во все продолжение XV столетия из Англии раздаются горькие жалобы на римское духовенство; здесь, как и в Германии, вопрос религиозный сливался с национальным. Когда Генрих VIII разорвал связь с Римом, на его стороне явилась многочисленная партия, не одобрявшая личных поступков короля, но готовая помогать ему во всем, что касалось церковного преобразования. В Англии образовались тогда две партии, чисто протестантская и католическая. Король собственно не принадлежал ни к той, ни к другой: сохраняя в чистоте католические догматы, он требовал себе церковного первенства, и всего авторитета, которым пользовался папа. Но в этом явлении лежало уже нарушение католического догмата. При жизни своей Генрих успел во многих из своих намерений: он употреблял враждебные партии при дворе для достижения своих стремлений. Тайные католики, ибо они не смели высказывать своего направления, часто доносили королю на протестантов, тайные протестанты доносили на католиков: и те и другие надеялись, что некогда король перейдет на их сторону. Но возрастала преимущественно партия протестантов: главою их был упомянутый Кранмер. Он получил богословское образование в Германии, но догматические убеждения его принадлежали к женеvской школе; он даже был женат в Германии, но в Англии хранил в глубокой тайне свои убеждения. В продолжение 15 лет он занимал Кентерберийскую кафедру и действовал осторожно и хитро в пользу нового учения, скрывая от короля значение и смысл своей деятельности наружным согласием с ним. Это был человек, который был нужен Генриху VIII: он именно мог стать во главе того странного здания, которое носит название англиканской церкви. Он был одинаково богослов и государственный человек: как богослов он развивал догматы с логической последовательностью Кальвина; как государственный человек он уступал в своем учении старым религиозным формам, которым считал нужным уступить. Мы увидим еще впоследствии это соглашение старого и нового в англиканской церкви.

В начале 1547 года скончался Генрих. Он оставил десятилетнего сына Эдуарда VI от Анны Сеймур и двух дочерей — Марию от Екатерины Арагонской и Елизавету от Анны Болен. И та, и другая объявлены были королем незаконными, первая потому, что зачата была до брака,

последняя вследствие сомнения короля в верности супруги. Таким образом, они не имели права на престол. Но пред смертью король переменял свое решение: он предоставил престол сыну, но в случае его смерти престол должен был отойти к Марии, а потом к Елизавете. Только в случае уже смерти Елизаветы престол переходил к младшей сестре короля Марии, которая была за Людвигом XII, потом за Суффолком, и от которой оставалась внучка Анна Грей. Преемнику Генриха было только десять лет. Покойный король учредил Верховный совет для управления государством во время малолетства короля. Главными лицами здесь были — канцлер Wriothesley и дядя короля граф Гертфорт (Hertfort). Эти два лица находились во враждебных отношениях один к другому. Первый поддерживал католицизм, последний был приверженцем протестантского учения. Перевес оказался на стороне последнего; он был провозглашен опекуном королевства и возведен в звание герцога Сомерсетского. Канцлер должен был отказаться от своих намерений; тогда дело Реформации пошло иначе: Кранмер снял свою личину, партии обозначились яснее. Король воспитывался под надзором строгих протестантских учителей; ему рано внушили уважение к новым и ненависть к старым учениям. Но он владел престолом только шесть лет (1547 - 1553). Из оставшегося дневника его, равно как из всех преданий, можно судить, что он обладал замечательными качествами и обещал многое. Но, разумеется, все сделанное в шесть лет его правления не могло принадлежать ему (он умер 17 лет). Прежде всего Кранмер приступил к отменению тех положений Генриха VIII, которые мешали распространению и утверждению в Англии протестантизма. Несколько парламентов, созданных один за другим, отменили, во-первых, 6 статей, изданных Генрихом; потом были разрешены брак для духовенства, причастие под двумя видами, чтение всеми Священного писания на родном языке; издано было собрание проповедей, составленных Кранмером, которые каждый священник в Англии должен был, по крайней мере, 4 раза в год читать своим прихожанам, если не мог сам составлять проповедей в этом духе; составлен катехизис по образцу Лютерова. Народ горячо принимал это учение. Но двойственный характер Кранмера как государственного мужа и богослова обнаружился во всем: мы увидим впоследствии, что англиканская церковь, которую можно назвать не столько делом Елизаветы, сколько делом Кранмера, была делом взаимных уступок — правительства, поддерживавшего католицизм, и народа, наклонного к новому учению. Главою церкви остался король: он заступил место папы. Но, допуская это первенство, английские богословы различно толковали эту статью: одни давали королю полное значение папы, другие давали ему незначительную роль — ограждение церкви: учение доселе неясное. Догматы были большею частью приняты протестантские; обряды и богослужение остались католические. Но и в последнем отношении совершено было значительное отступление: многие молитвы и обряды были приняты в англиканскую литургию от католицизма, но они были переведены на английский язык. Наконец, форма епископата была сохранена: Кранмер имел здесь в виду приобретение большего значения для королевской власти, ибо король назначал епископов (совсем обратное явление имело место в Шотландии).

Укажем вкратце на последующие события. Эдуард VI царствовал до 1553 года. Сначала правление находилось в руках Гертфорта, герцога Сомерсета, который ревностно поддерживал протестантское учение, но навлек ненависть народа уступками Франции. Он был свергнут, место его занял Варвик, герцог Нортумберлендский, деятельный, честолюбивый, но безнравственный вельможа. Сомерсет попытался снова овладеть властью, но погиб в своей попытке и был казнен. Варвик простирает свои планы далее регентства: он хотел возвести на престол собственную линию. С этой целью он женил сына своего Гильфорда Дудлея на Иоанне Грей и заставил короля сделать завещание, в котором он, обходя сестер своих, завещал престол Анне Грей. Ненависть народа была причиной того, что большая часть Англии стала за Марию, сестру короля. Эта принцесса, воспитанная своей печальной матерью Екатериной Арагонской, с ранних лет получила меланхолическое направление характера. Внушенные матерью католические верования усилились в ней до фанатизма вследствие гонений. Когда умер Эдуард VI, ей было уже 37 лет; взгляд ее на жизнь определился; она не обладала ни великим умом, ни знаниями; народ стоял за нее лишь только из ненависти к Варвику, а не из личного уважения к

ней и к законности. Герцог Нортумберлендский, пытавшийся оружием защищать права Анны Грей, был оставлен всеми, предан суду и казнен. Та же участь постигла и семнадцатилетнюю Грей, женщину, оставившую поэтическое воспоминание: она была глубоко образованна; в то время образование женщин было гораздо значительнее; она знала не только оба языка классические, но читала Библию в подлиннике; неохотно приняла она то положение, которое дал ей свекор и за которое она заплатила своей жизнью. Вслед затем начались гонения на приверженцев ее партии. Мария скрывала еще свои католические намерения; она запрещала только в спорах оскорблять папистов. Но она скоро вступила в переговоры с родственником своим Карлом V и с папою: она требовала от них советов для восстановления в Англии католицизма. Кранмер был предан суду; другие епископы тех же мнений были отрешены от должностей. Враги протестантизма при короле — Гардинер, епископы Винчестерский и Боннер, епископ Лондонский — получили теперь наибольшее влияние на дела. В то же время королева заботилась о браке: она просила Карла указать ей достойного жениха, Карл указал на Филиппа Испанского. Трудно было найти принца, внушавшего более недоверия английскому народу. Гонение на протестантов усилилось; сама Елизавета, дочь Анны Болен, посажена была в Лондонскую башню за то, что протестанты смотрели на нее с надеждою. Она была обязана своим спасением Филиппу Испанскому; причина была проста; он хотел заискать ее расположение, опасаясь, с одной стороны, смерти Марии, женщины болезненной, с другой стороны, боясь того, что по смерти Марии королевой будет Мария Шотландская, которая соединила бы в одно Англию, Шотландию и Францию.

Лекция 30 (7 Февраля)

Мы остановились на начале царствования королевы Марии, дочери Генриха VIII. Мы видели, что она вступила на престол неожиданно, наследовав его после смерти семнадцатилетнего брата. При жизни отца она была объявлена им незаконной дочерью и воспитывалась вдали от двора. Когда умер Эдуард VI, ей было уже 37 лет от роду. В народе она не пользовалась любовью, и, надобно сказать, не имела тех качеств, которые могли бы привлекать к ней сердца подданных; строгая, суровая, преданная влиянию католического духовенства, ее окружавшего. Ее явным намерением было восстановление в Англии католицизма. Но первыми актами своего правления она, по-видимому, старалась только успокоить своих подданных: она запретила только употреблять в разговорах оскорбительные названия папистов или еретиков. Противник ее, герцог Нортумберлендский, погиб на эшафоте; та же участь постигла и несчастную Иоанну Грей, виновную только в том, что она была близка к престолу по праву рождения, и на нее хотел надеть венец честолюбивый ее свекор. Но уже в начале 1554 года действия Марии становятся решительные: она хочет вступить в брак и объявляет женихом своим Филиппа Испанского; несмотря на сопротивление, впрочем, очень робкое, парламента и Гардинера, заступившего место Кранмера, Филипп был помолвлен. Образ мысли его был известен. Тогда же оказались явны сношения королевы с папским престолом: папа прислал в Англию легата, близкого к Марии и ее родственника, пользовавшегося большою славою, кардинала Регинальда Поля, одного из последних потомков дома Плантагенетов, оставившего Англию в правление Генриха и теперь возвратившегося для посредничества между папой и английским правительством. Главную трудность представлял тогда вопрос о церковных имуществах: по совету Поля и Гардинера, королева должна была уступить в этом случае; она объявила, что желает только восстановить чистоту учения, но не отбирать земли, конфискованные ее отцом. В самом деле этого нельзя было сделать без огромного переворота в государстве: имения были розданы покойным королем и успели перейти чрез многие руки, так что возвращение церковных имуществ соответствовало бы конфискации частной собственности. Королева, как сказано, отказалась от этого притязания, несмотря на то, что папа Павел IV сильно настаивал на нем. Далее запрещены были браки духовенства, потом протестантская форма причастия, наконец торжественным актом парламента Англия объявлена была снова католической

державой. Конечно, в эту минуту парламент не был выразителем народных требований: никогда народ не был так враждебен католицизму; католицизм являлся ему чем-то грозным и мстительным вследствие тогдашних требований и мер правительства. Все нововведения Генриха были уничтожены, их приверженцы подавлены; между ними пострадал и Кранмер. Он искусно прикрывал свои протестантские виды при Генрихе; при Эдуарде он их высказал резко; он оказал себя прямым протестантом, но в то же время протестантом умеренным; он был реформатор-политик, хотевший согласить религиозную реформу с выгодами светской власти. Теперь его потребовали к суду за его убеждения и действия: королева, кроме религиозных отношений, помнила ту роль, которую играл он в деле развода ее матери с Генрихом. Нельзя сказать, чтобы поведение Кранмера в то время, как он находился под судом и в Лондонской башне, внушало к нему уважение: он робел, отказывался от своих прежних поступков. У католических историков, например Лингарда, конечно, мы находим много преувеличенного о поведении его в это время; но и на основании протестантских источников можно с достоверностью заключить, что Кранмер не был из числа людей крепких и стойких. Несмотря, однако же, на свою уступчивость, он был приговорен к смерти; но в виду ее он оказал свое мужество: он прежде всего опустил в огонь свою руку, виновную в отречении.

Вслед за тем начался ряд других казней. Особой комиссии поручено было исследование религиозных преступлений: ей могло быть много дела в такую эпоху, когда ни между мирянами, ни даже между духовными не было, можно сказать, ни одного, кому не пришлось бы хотя раз переменить свои мнения вследствие политических обстоятельств. Во главе нового судилища стоял Гардинер, несколько епископов и несколько светских лордов, строгих католиков. Они приговорили к смерти, кроме Кранмера, епископа Латимера, человека больших талантов; в 4 года 290 человек приговорены были к смерти, в том числе 40 детей. Конечно, в этом случае нельзя полагаться на верность цифр, приводимых протестантами и католическим историком Лингардом; но все-таки на основании достоверных источников число жертв простирается до 290 человек. К чести Гардинера нужно сказать, что он недолго оставался во главе этого страшного судилища; место его занял лондонский епископ Боннер, некогда приверженец протестантизма, теперь из страха или расчетов сделавшийся страшным его гонителем. Сама Елизавета, дочь Генриха, едва избавилась от смерти; ее обвинили в приверженности к новому учению и в политических замыслах; она была спасена только заступничеством Филиппа, жениха Марии, который не предвидел в ней опасного врага себе. Вообще это царствование Марии оставило после себя тяжелые следы в воспоминаниях английского народа.

Но кроме этих внутренних смут, Англия постигнута была внешними неудачами. Без всяких собственных интересов Англия приняла участие в войне Испании и Франции, результатом которой была потеря ею последнего крепкого места на французской почве — Кале. Когда королева получила известие об его взятии, это на нее сильно подействовало, тем более, что в это время расстраивала ее явная холодность к ней Филиппа. В 1558 году Мария умерла, оставив престол Елизавете, дочери Генриха VIII и Анны Болен; мы увидим впоследствии ее блестящее царствование.

Теперь для окончания обзора остается нам сказать несколько слов о состоянии Шотландии в описываемое нами время. Мы видели, что во всех государствах Европы, в течение XVI столетия совершались великие перевороты, ознаменованные победою монархической власти над феодализмом, но в Шотландии это движение совершалось медленно и нерешительно. Здесь власть короля должна была бороться со множеством мелких интересов, ей враждебных. Бедное, но воинственное суровое дворянство сильно противилось тем изменениям, которые совершались в пользу порядка и государственного единства. Города, которые в других странах Западной Европы стояли на стороне королевской власти, не могли сообщить ей этого могущества в Шотландии, по своей бедности и незначительности: печальное царствование

Иакова II и III служат тому явным доказательством. Яков IV, блестящий, талантливый, погиб с цветом народонаселения в битве при Флоддене в 1513 году. Сын его Иаков V царствовал недолго. По смерти его осталась правительницей супруга его Маргарита, иностранка, француженка из фамилии Гизов. Ей предстояла борьба уже не с одним многочисленным дворянством, но с новыми идеями, врывавшимися отовсюду в Шотландию. Реформа Генриха VIII не нашла здесь сочувствия, но возбудила даже против себя живое негодование. Но в то же время сюда проникали те смелые и частью невежественные проповедники, которые образовали секты, оторвавшиеся от прежнего учения. До 1546 г. это движение шло в нижних слоях общества, оправдываемое глубоким невежеством и безнравственностью католического духовенства в Шотландии. Представителем этого движения явился некто Иоанн Нокс, ученик Кальвина, превосходивший учителя в энергии и жестокости. Наследницей престола после матери была Мария Стюарт (прим. Здесь неточность: мать шотландской королевы Марии Стюарт, Мария Гиз, была регентшей Шотландии в период пребывания ее дочери во Франции (см. J. L i n g a r d. Op. cit., vol. VII, p.271)). Дяди, которые готовили ей великую будущность во Франции, выписали ее туда для воспитания; Генрих II помолвил ее со своим сыном Францем II. Королева, мать ее, между тем, не в состоянии была бороться с партиями и движением Реформации: в таком состоянии находилась Шотландия в это время, к которому мы еще вернемся.

Скандинавский полуостров. Из исторических сочинений об нем в этот период замечательны: Geier, история [Швеции], которая принадлежит к собранию истории европейских государств Геерена и Укерта; Ranke в истории Реформации; статья Бартольди в историческом альманахе Raymera: Yorg Wullenweber.

Для истории Реформации в Дании нет хороших монографий: датская история Дальмана доведена только до Реформации. См. отдел о Реформации в краткой истории Дании Аллена.

Известно, что в конце XIV столетия три скандинавские государства были связаны Кальмарским союзом. Но эта связь была не крепка; в XV столетии Швеция пользовалась полной независимостью от Дании. В продолжение 20 лет с лишком Карл Кнутсон носил даже название короля шведского. Потом во главе народа стояли большей частью правители из фамилии Стуров. Они опирались преимущественно на низшие слои народа и находились в постоянной оппозиции с богатым, преданным датскому правительству духовенством. С другой стороны, Дания не могла посягать на Швецию вследствие внутренних смут и характера своих королей, не отличавшихся деятельностью и энергией. В XVI столетии с этой стороны произошли большие перемены: в 1513 г. на престол датский вступил молодой государь, уже заявивший в некоторых событиях свое великое честолюбие, большую жестокость и значительные дарования, прозванный северным Нероном. Это был Христиан II. Насколько справедливы падающие на него обвинения, мы увидим впоследствии. Но наперед должен сказать, что этот эпитет дан ему в истории враждебной партией, что с неоспоримой жесткостью в характере, в уме его соединялись великие планы и идеи. Прежде всего он обратил свое внимание на восстановление Кальмарского союза. От Стенана Стуре потребовал он покорности. В 1518 г. он явился с своим флотом под Стокгольмом, заманил несколько особ из высшего дворянства шведского к себе на корабль под видом переговоров, взял в плен и увез в Данию: в числе этих пленников находился юноша Густав Ваза, потомок одной из важнейших фамилий. Через 2 года Христиан ворвался в Швецию с войском, разбил Стенана Стуре, умершего от ран, но обещал не касаться прав шведского народа; он восстановил здесь только в звании Упсальского епископа Густава Тролле возвратился скоро в Копенгаген, и не прежде как в ноябре следующего года, явился снова в Стокгольм. Никто не знал цели его прибытия; он объявил, что явился для венчания шведской короной. Обряд венчания произошел в тех формах, которые внушили народу недоверие и опасение: в числе сановников, присутствовавших при торжестве, не было ни одного из шведов. Потом по обычаю он возвел нескольких дворян в рыцарство, между ними опять не было ни

одного шведа. Наконец, он объявил прямо, что, завоевав это королевство мечом, он намерен мечом и управлять им. Тролле, архиепископ Упсальский, примас королевства, первый подал повод к жестокостям со стороны короля: он потребовал вознаграждения за нанесенные ему прежде бесчестия отрешением от сана, он потребовал наказания своих противников. Следствие над ними продолжалось недолго, найден был акт, которым низлагался архиепископ; все лица, подписавшиеся к нему, несколько епископов и важных сановников, были взяты под стражу; на основании собственного их признания в подписи произнесен смертный приговор: 8 ноября 1520 года осталось памятью для народа, названное днем кровавой бани, безвинно, без суда все эти лица были казнены; даже между зрителями их казни те, которые обнаружили к ним участие слезами или словом, были предаваемы смерти. Датские солдаты и королевские наемники грабили дома городских жителей под тем предлогом, что последние состоят в шведской партии и не питают любви

и уважения к датскому королю и правительству. Бесспорно, Христиану нечего было опасаться со стороны шведов: народ в датских областях равнодушно слышал о казни людей, принадлежавших к высшему обществу, от него далекому. Но в это дело вмешалась Ганза. Известна великая ее роль в эпоху средних веков. Этот союз торговых городов получил сверх того огромное политическое значение: не довольствуясь обыкновенными выгодами, он потребовал монополии в тех государствах, где вел свою торговлю. Часто его требования не были исполняемы, но часто вполне осуществлялись: на Скандинавском полуострове вся торговля была в руках ганзейских городов, у них повсюду были здесь свои фактории и конторы; чужие корабли не смели приставать сюда для сбыта и покупки; народ был поставлен в необходимость покупать дорого, продавать дешево. Правительство, издавна связанное этими отношениями и постоянно бывшее у Ганзы в долгу, не могло противиться ее действиям. Первый, кто подумал об освобождении народа от этой тягости, был Христиан II, и это навлекло на него еще более бедствий, чем самые его жестокости. Любек, стоявший во главе союзных городов, был встревожен намерениями короля и должен был принять все меры, чтобы им воспротивиться, тем более, что Ганза доживала уже свои последние годы; в ней поднялось опасное соперничество: особенно страшны были ей нидерландские города, Антверпен и другие, которым Христиан II хотел доставить перевес на рынках скандинавских. Эти-то торговые интересы заставили Любек принять такое деятельное участие в судьбе Густава Вазы. Густав успел бежать из Дании и нашел убежище в Любеке. Требование Христианом его выдачи не было исполнено; Густав снабжен был деньгами для начала своих предприятий, а обнадежен деятельною помощью в случае восстания в Швеции и отправился искать там осуществления своих надежд. Известны всем его приключения в этот период жизни: он подвергался величайшим опасностям; за голову его положена была цена; несколько раз изменяли ему друзья его молодости; наконец, народ не хотел часто слушать его речей, столь опасных в то время. В Далекарлии, где народонаселение отличалось ненавистью к датчанам, он провел несколько времени, работая в рудниках и на поле, и все-таки не находил много себе приверженцев. Только неосторожность Шлаггока (Schlagbok), наместника в Стокгольме, довела его до предположенной цели. Тяжкие налоги возмутили эту часть Швеции; но Густав отправился уже отсюда в Норвегию. Тогда за ним послали, чтобы воротить его; он стал во главе 200 человек, на которых мог рассчитывать, слишком малая помощь, если вспомнить, что Христиан располагал силами трех королевств. Не столько жестокости последнего, сколько притеснительные меры его чиновников оскорбили и возмутили шведский народ. Особенно ненавистно народу стало духовенство, стоявшее постоянно на стороне датского правительства и притеснявшее соотечественников: этим объясняется и успешный ход Реформации в Швеции. В 1521 г. Густав собрал уже значительное число крестьян под оружие; дворянство не стало на его стороне, но не оказывало содействия и датской партии. В конце этого года, одержав две значительные победы над датчанами, он осадил Стокгольм. Осада продолжалась около 2 лет — 1521 - 1523. Значительное число шведского дворянства стало между тем на стороне Густава; они тогда еще предлагали провозгласить его королем; Густав отказался, ибо ему не было тогда соперников,

власть короля была слишком незначительна, опасность, с нею сопряженная, слишком велика. Но лучшими союзниками его были любчане и ганзейцы вообще: они помогали ему деньгами, артиллерией, немецкими наемниками.

Они были душою заговора против Христиана и в Дании. Король был суровый и вместе с тем опрометчивый человек, при все своем уме и великих планах. В Дании он стремился ослабить аристократию и вместе с нею богатое духовенство, составлявшее постоянно оппозиционное, враждебное монархической власти сословие. С этой целью он начал покровительствовать Реформации, вошел в сношения с Лютером, издал несколько постановлений в таком духе и готовил великие перевороты в Дании, между тем, как поддерживал хорошие отношения с Карлом V и получил от того даже обещание не мешать завоеванию Любека. Но Любек помогал Густаву Вазе и в то же время поддерживал оппозицию в Дании. В 1523 году некоторые избранные члены дворянства и духовенства в Дании открыто объявили королю от лица прочих, что они не хотят ему повиноваться. Большая часть документов, относящихся к этому времени, составлена была врагами Христиана II и потому трудно решить, каким он показал себя в этих обстоятельствах. Вообще он был человек не робкий, но теперь, как видно, растерялся и потерял голову: вместо того, чтобы вызвать датские войска из Швеции и действовать решительно, он поспешно сел со своим семейством на корабль и бежал в Нидерланды. На престол был возведен дядя его Фридрих I, герцог Шлезвиг-Голштинский.

Лекция 31 (9 Февраля)

Мы остановились на низложении Христиана II. Народные песни, доселе уцелевшие в устах датского народа, свидетельствуют о той любви, которой он был предметом между низшими классами. Немногие из государей принимали такие деятельные меры для облегчения участи этих классов: и если Христиан II навлек ненависть, то со стороны дворянства и высшего сословия. Уже в 1519 г. он вступил в сношения с Лютером, предлагая ему переселиться в Копенгаген; но эта попытка не удалась, хотя требования реформ были ощутительны на скандинавском севере. Нигде, может быть, духовенство не отличалось такой грубостью и таким невежеством, как здесь. Епископы часто не назначали местных священников по церквам, собирая сами приходские доходы и поручая исполнение службы людям полуграмотным, которых они держали на скудном жаловании; случалось, что на 18 приходов приходилось только по 2 священника. Место Христиана II занял дядя его Фридрих I, герцог Голштинский. Вступая на датский престол, он принужден был подписать договор с высшими классами, по которому королевская власть подвергалась совершенному ограничению. Во-первых, этим договором он сообщил дворянству еще более прав, чем прежде, относительно крестьян; между прочим, он сообщил им право наказывать смертью крестьян своих; далее — право собирать с них налоги, которых часть дотоле шла в казну. Духовенство также получило значительные привилегии: король обязался преследовать ереси и казнить еретиков лишением собственности и жизни. Потом положено было, чтобы епископы не посвящались лица низших сословий и чтобы доступ к этому сану имели одни только дворяне.

Но новый король принял правление при довольно смутных обстоятельствах: в низших слоях народонаселения оставалось много приверженцев прежнего короля. Смелый моряк Норби овладел некоторыми приморскими городами и, подняв на судах флаг Христиана II, отважно вел войну с Данией, Швецией, Любеком; толпы крестьян стекались под его знамена; овладевая приморскими пунктами, он заключал выгодные сделки. Но успехи его были непродолжительны; скоро он принужден был бежать в Россию, где пробыл два года, и умер, осаждая Флоренцию в войске Карла V. Таких смельчаков было немало: Христиан умел во многих снискать себе приверженцев.

Со своей стороны, Фридрих, видя все великое значение этого народного расположения, старался также возбудить сочувствие и любовь в какой-либо части народонаселения. Скоро он понял, что лучшего средства для достижения этой цели нельзя найти, как покровительство Реформации: тогда, наперекор подписанному им акту, он начал оказывать это покровительство. Несколько монахов, оставивших монастыри свои из приверженности к протестантскому учению, особенно некто Таузен, сделались первыми проповедниками Реформации в Дании. Перевод Св. писания на датский язык, сделанный Михельзеном, бывшим копенгагенским бюргермейотером, покинувшим родину вместе с Христианом II, и напечатанный им в Голландии, откуда быстро распространился, этот перевод значительно способствовал распространению нового учения до такой степени, что в некоторых больших городах епископы и духовные лица католические стали подвергаться публичным оскорблениям. В 1527 году Фридрих I уже мог созвать сейм в Одензе, где положено было предоставить полную свободу вероисповедания всем жителям датского королевства.

В этом же году, памятном для скандинавского севера, окончательно утвердилась Реформация и в Швеции. Здесь меры правительства были гораздо решительнее. В 1523 году сейм, собранный в Стренгнесе (Strengnaes), признал Густава Вазу королем. Он нашел королевство истощенное, разорванное партиями; духовенство было против него, ибо постоянно находилось на стороне датского правительства; дворянство было также более склонно к Дании, чем к королю, вышедшему из среднего и требовавшему себе глубокой покорности. С другой стороны, значительная опасность грозила и со стороны Дании: Фридрих все еще настаивал на подтверждении остававшегося в памяти Кальмарского союза. Густав должен был для безопасности королевства держать многочисленных немецких наемников, денежные же средства королевства были весьма незначительны. При этих обстоятельствах он обратил внимание на огромные земли, которыми владело католическое духовенство в Швеции. В 1527 г. в Вестеросе (Westeraes) собран был сейм чинов светских. Король изложил им положение государства обедневшего, опасности внешние и внутренние, скудность средств к их устранению и указал как на единственное средство поправить дела на имения духовенства. Он прибавил при этом, что так как эти имения достались духовенству большей частью от дворянства, то духовенство обязано возвратить их, за что правительство со своей стороны обязуется вознаградить его назначением жалования. Духовенство сильно протестовало против этого; Иенсен, гофмаршал королевства, находился во главе дворянской партии, стоявшей также на стороне духовенства, не из сочувствия к нему, но из противления королевской власти. Тогда Густав решительно отказался от престола, говоря, что при таком расстроенном состоянии государства он не может им править. Но его сторону приняла часть городов и вслед затем некоторая часть дворянства; сейм принял предложение, духовенство должно было согласиться. Тайно поданный протест нисколько не помог делу духовенства. Тогда в негодовании своем духовенство, наконец, объявило, что принимает требования короля, но что при угрожающей ему бедности оно уже теперь не может более посещать сеймы и просит уволить его от этих посещений. Король, конечно, был очень рад на это согласиться. Духовенство потом пыталось не раз возвратить это неосторожно высказанное предложение, лишавшее его навсегда влияния на дела государственные, но было уже поздно. Результатом этой меры было возвращение в казну значительных имуществ церковных; дворянство здесь также выиграло. Но король хорошо понимал, что укрепить этот порядок вещей можно только протестантизмом: вот почему он так покровительствовал начальникам протестантизма в Швеции, Андерсону и двум братьям Петерсонам, из которых один был назначен канцлером, другой архиепископом Упсальским.

Таково было положение дел в Швеции. Между тем, сверженный король Христиан II оказал замечательные попытки возвратить утраченный престол свой. Он уже раз набрал для этой цели немецких ландскнехтов, но не довел их до границы Ютландии вследствие недостатка денег. В 1531 г. обстоятельства были ему благоприятнее: с флотом из судов, принадлежавшим нидерландским городам, которым он обещал льготы и права Ганзейского союза, пристал

Христиан к Норвегии и сделал высадку в Опсло (Opslo). Здесь он был отлично принят; высшее духовенство и горожане отправили в датское королевство бумагу, в которой извещали, что они признали королем своего прежнего законного властителя. Христиан в этом случае не касался религиозных вопросов, и надо сказать вообще, что эти вопросы в продолжение всей его жизни были для него только делом политическим, но не делом личного убеждения. Потому в свите его мы видим бежавших из Дании протестантов и в то же время архиепископа Тролле, бывшего ревностного защитника католицизма. Напротив, можно подумать, что католическая партия, со своей стороны, надеялась на помощь Христиана. Но успех его был непродолжителен, ибо у него было много врагов: Фридрих I вместе с датским дворянством, Густав Ваза и весь Ганзейский союз. После некоторых, неважных, впрочем, сшибок с королевскими войсками в Норвегии Христиан предложил начальнику Фридрихова флота, епископу Одензейскому Кнуду Гильденштерн (Gyldenstern) быть посредником в свидании его с дядей для переговоров о разделе земель, им принадлежащих. Он просил свободного пропуска и честного слова в безопасности; епископ, надеясь на Фридриха, дал слово; Христиан II перешел на корабль, отправился в Копенгаген и здесь был арестован. Впоследствии Фридрих оправдывал этот поступок государственной необходимостью, произволом Гильденштерна в данном слове и, наконец, тем, что он сам прежде дал слово дворянству задержать опасного врага.

Участь Христиана была самая печальная: на острове Алзене, в замке Зондербург, провел он 17 лет в заточении, в комнате, похожей на клетку; единственные люди, с которыми имел он здесь сообщение, были его карла и старый отставной солдат. Отсюда он впоследствии (при Христиане III) переведен был в замок Каллундборг, где участь его была несколько облегчена, и где он провел еще 10 лет; он умер на 77 году, после 27-летнего заточения. В памяти народа, как сказано, он сохранился совсем с иным значением, чем в истории; народ долго вспоминал о нем с признательностью. Но в истории, естественно, он должен был остаться с другим именем; его историками были, во-первых, датский архиепископ... гордый, упорный аристократ, ненавидевший Христиана и рассказавший его историю согласно с своими видами, потом шведские историки, явно враждебные ему. Зато одного нельзя было истребить в Дании — это тех отличных школ, которые завел Христиан II в городах. Его другие меры в реформе и торговых планах не удались: но зато он сделал чрезвычайно много для народного образования.

В 1532 году был взят пленником Христиан II; через год умер его дядя, так вероломно с ним поступивший. Тогда естественно возник вопрос о том, кому быть королем. Духовенство требовало меньшего сына Фридриха Иоанна, 12 лет, на том основании, что он родился в Дании и говорил по-датски. Другая партия была на стороне Христиана, герцога Голштинского и Шлезвигского, старшего сына Фридриха, умного правителя, покровительствовавшего протестантам; конечно, большинство на его стороне соблазнялось примером Швеции в конфискации духовных имений. Обе стороны были равносильны; положено было отсрочить решение до, Иванова дня 1534 года. Но в это время представителем от Любека явился в Копенгаген бюргермейстер Георг Вулленвебер. Это был человек незнатного происхождения, не принадлежавший к городским патрициям и возвысившийся вследствие больших талантов, значительного дара красноречия и любви к нему цехов. Друг его был Мейер, сначала просто кузнец, потом наемный солдат в имперской датской службе. Возвратясь на родину, он обратил на себя внимание одной богатой вдовы и занял важное торговое место. В руках этих двух людей в 1534 г. соединялось управление всеми силами Любека и, следовательно, Ганзейского союза, ибо Любек стоял тогда во главе последнего. Им пришел в голову план смелый, план неосуществившийся, но тем не менее гениальный: восстановить Ганзу с прежней силой и еще с большим значением на других, новых основах, Ганзу, которой грозила тогда уже сильная опасность со стороны городов нидерландских и для которой запирались уже рынки скандинавских государств.

Вулленвебер с этими видами отправился прежде к Христиану Голштинскому и предложил ему содействие Любека в достижении престола, если только он обяжется дать Ганзе все привилегии и новые льготы: Христиан отказал. Тогда Вулленвебер явился на сейм в Данию; он обещал пособие обеим сторонам: и духовенству, и дворянству, если в условиях при избрании нового короля помещены будут статьи, клонящиеся к выгодам Ганзы: но и эта попытка не удалась. Тогда он обратился к жителям больших городов, и здесь его дело сначала увенчалось успехом. Это дело шло уже не об избрании короля, а об изменении целого политического порядка. Он предлагал возвратить Христиана II или в другом случае ввести устройство свободных городов, учредить федеративную республику в Дании, Швеции и Норвегии. Когда об этом узнали Ваза, датское дворянство и духовенство, они тотчас соединились; теперь было уже не до споров о том, кому быть королем: общий выбор пал на Христиана. Борьба приняла страшный характер. Флотом любекским начальствовал Марк Мейер, пехотой - граф Христиан Ольденбургский. Этот последний был достойный сподвижник Мейера и Вулленвебера; он носил графский титул, но у него собственно не было ни клочка земли; он был ревностный протестант, отличный воин и гордился тем, что читал в подлиннике Гомера. Первые успехи их были значительны. Датский флот был разбит, шведские суда должны были скрыться в свои гавани; острова были заняты, Копенгаген добровольно отворил ворота. Но в это время начался раздор между Христианом Ольденбургским и вождями Любека: он хотел воспользоваться обстоятельствами для своих личных выгод и сам сесть на престол датский. Узнав о его намерениях, Вулленвебер обратился к другому немецкому князю на его место Альбрехту Мекленбургскому, но было уже поздно. Христиан III, между тем, уже усилился, обложил Любек своими судами, отрезал припасы и заставил партию, враждебную Вулленвеберу, согласиться на невыгодные для города условия: они должны были согласиться оставить в покое собственные герцогские владения, что дало Христиану возможность отправить все свои войска в Данию. В 1535 г. любчане потерпели несколько поражений; в 1536 г. Христиан III вступил победителем в Копенгаген, который упорно защищался. Смелые планы предводителей Любека не удались; но до какой степени они казались возможными и опасными, это видно из той ненависти, с какой преследовали их враги их: Вулленвебер был самым незаконным образом захвачен герцогом Генрихом Брауншвейгским; его бесчеловечно подвергли пытке в течение нескольких месяцев, потом казнили как изменника; но здесь с полным правом можно бы было спросить: да кому же изменил он? Правда, это был последний представитель умиравшей Ганзы, но тем не менее человек великих качеств. Мейер умер также мучительной смертью в Дании. Судьба Любека и Ганзы была решена; через несколько лет все привилегии последней были отняты; Нидерланды пересиливали ее своей торговлей.

При Христиане III Реформация утвердилась и в Дании. Пользуясь кратковременным междуцарствием, епископы успели было составить и издать несколько положений, стеснительных для протестантов. Но в 1536 году все епископы датские взяты были под стражу и поневоле должны были дать подписку, что они не будут препятствовать протестантству. Дания окончательно признана была протестантской державой. Нельзя сказать, чтобы в первое время она много этим выиграла: унижительная зависимость протестантских пасторов от дворянства мешала им сделать что-либо полезное для народа; дворяне нередко вешали своих пасторов, не давая никому отчета. Одним словом, из всего того переворота вынесла новые права и силы только аристократия, подавившая низшее сословие и ограничившая власть короля. В 1559 году умер Христиан III. При сыне его и преемнике Фридрихе II положение Дании мало изменилось; в деятельности этого государя замечательны только покровительство его просвещению и война его с Швецией за право носить в гербе своем 3 короны, напоминавшие соединение 3 королевств под одной державой.

Лекция 32 (14 Февраля)

Мы говорили о ходе Реформации в государствах скандинавской Европы. Мы видели, как с реформационными идеями соединились и здесь расчеты чисто политические, расчеты светской власти; мы видели, как династия Густава Вазы и новая датская династия могли утверждаться только с утверждением Реформации, ибо обеим династиям и новому порядку, которые они вводили, противопоставляло себя и было враждебно католичество. Главные события, относящиеся к этому делу, мы уже видели. Мы видели, что в 1536 году после победы над последними усилиями Ганзы Христиан III утвердил окончательно в своем государстве Реформацию. Еще прежде это было сделано Густавом в Швеции. Густав умер в 1560 году, оставив в народе память государя умного, сделавшего очень много для блага Швеции, хотя современники и не без основания упрекали его в коварстве и жестокости. Но пред смертью своею он сделал одно, повредившее много его государству: основываясь на средневековых началах и понятиях, он разделил земли государства сыновьям своим — Иоанну, Магнусу и Карлу: престол шведский получил старший сын Эрих (XIV). Отношения меньших братьев к Эриху были неопределенны; они пользовались правами самостоятельных властителей в своих землях, хотя в то же время считались подданными Эриха. Это показало, что Густав, преследуя при жизни новые цели, не совсем еще отделался от средневековых понятий и действовал в их духе в предсмертных распоряжениях. Эрих XIV был государь великих дарований и обширной образованности, но он рано застигнут был какой-то нравственной болезнью. Еще при жизни отца, во время своего пребывания в Кальмаре, он приводил Швецию в соблазн своими кровавыми пирами, с которых гости уходили часто без глаза и т. п. Вступив на престол, он предался вполне влечению страстей своих, оскорбил шведскую аристократию желанием вступить в брак с дочерью солдата, собственной рукою убил одного из членов знаменитой фамилии Стуров и т.д. Можно без преувеличения предполагать, что король страдал временными припадками сумасшествия, несмотря на то, что он все-таки обладал большими талантами и был сам писателем. К довершению бедствий братья восстали против него; пользуясь его слабостями, они с намерением выставляли их народу на показ; дело кончилось тем, что брат его Иоанн, взбунтовавшийся некогда и великодушно им прощенный, лишил теперь его престола и сел на его место (1568); Эрих посажен был в темницу, где умер или, лучше, отравлен после жестокого обхождения с ним. Однако правление нового короля не было славно и благотворно для государства. Иоанн III (1568 - 1592) под влиянием супруги своей Екатерины Ягеллон поддался католическому влиянию и обратил свои старания на восстановление прежней религии. Это поставило его в дурные отношения к народу. Обстоятельства сделались еще запутаннее, когда сын короля, Сигизмунд (III в Польше), был выбран на польский престол (1587): интересы королевской фамилии резко отделились от интересов народных.

Нам известно, что именно пред исходом средних веков Польша стояла на высшей степени своего могущества. Великая и Малая Польша, Литва составляли воинственное государство, оплот Западной Европы против турок. Но, взглядываясь пристальнее, мы видим, что внутренние условия государства не соответствовали внешнему его могуществу. В сущности настоящей наследственности престола в Польше не было: это начало постепенно слабело с ходом ее истории. Это доказывается тем, что каждый государь пред смертью своей старался об утверждении преемника, делал для этого уступки дворянству и передавал, таким образом, своему сыну власть значительно ослабленную против прежнего; ослабление королевской власти идет постоянно с каждым отдельным царствованием. В 1572 году умер последний из Ягеллонов, Сигизмунд Август. Сейм составил из дворян, единственного сословия, имевшего в государстве власть, и избрал королем герцога Анжуйского Генриха (брата Карла IX Французского). Трудно было тогда найти государство, которое было бы в таком запутанном положении, как Польша. Среднего сословия, на которое опиралась монархия в других государствах Западной Европы, не было; было только дворянство и низший класс народонаселения. Между высшим и низшим дворянством мы видим постоянную затаенную ненависть и, надо сказать, что учреждения польские часто давали возможность им спорить

между собой ко вреду государства. Несчастное *liberum veto*, бывшее правом народа, делало невозможным всякое правильное развитие. У короля оставались только следующие права: он был начальником армии, верховным судьей и раздавал должности в государстве. Средства к влиянию, стало быть, все-таки у него были, но он должен был постоянно бороться с сеймом. В XV столетии, именно с 1468 г., сеймы переменили свой прежний характер и сделались для королевской власти еще опаснее. Дотоле на сеймы съезжалось все дворянство; теперь общие съезды сменились съездами выбранных дворянством нунциев, т.е. системой представительства. Может быть, в этом учреждении была задняя мысль Казимира — устранить влияние дворянства, но результаты вышли совсем другие. Прежде дворян приезжало на сеймы только некоторая часть, других могли удержать разные причины; но нунции являлись постоянно с поручениями от своих избирателей. Прежде решениями некоторых из них мог воспользоваться король в свою пользу, но теперь нунции, отъезжая от своих доверителей, получали от них строгие инструкции и упорно хранили на сеймах их интересы, ибо иначе их по возвращении могла ожидать плохая участь, как это нередко получалось. Следовательно, королевская власть в такого рода сеймах нашла себе еще большее сопротивление. Центральной власти был враждебен еще один обычай: это польская конфедерация, вредная государственному развитию. Конфедерация эта не есть нечто, исключительно принадлежавшее Польше: на Пиренейском полуострове она едва не уничтожила также государства. Собственно это было право вооруженного восстания подданных против верховной власти: иначе нельзя перевести смысл этого учреждения. Когда подданные находили, что король действует не в духе законов, то они отстраняли его влияние и начинали сами править. Но чем же определялась эта законность или незаконность действий короля? Ничем иным, как личным произволом. Наконец, реформационные идеи проникли в Польшу и здесь, можно сказать, были прямо вредны государству: в таком государстве, которое держится исключительно господством дворянства, нельзя допустить религиозного разномыслия. И это разномыслие сказалось в Польше в высшей степени; польские вельможи гордились, что у них рядом и вместе живут самые разномыслящие сектанты: это была правда, но государство от этого страдало. Терпимость религиозная может существовать только в том государстве, где есть центральная могущественная власть, которая может устранить злоупотребления. Выбор нового короля в Польше при таких обстоятельствах не был удачен. Генрих Анжуйский царствовал недолго и бесславно, к стыду польского народа, его выбравшего, и Франции, откуда его выбрали: через два года, узнав о смерти своего брата во Франции, он постыдно бежал туда. Преемником его был великий муж, памятный и в нашей истории, Стефан Баторий (1576 - 1586). Но, когда государственные учреждения где-либо носят зародыш разложения, тогда отдельные личности властителей не в состоянии бывают сдерживать этого разложения. Стефан Баторий, бывший с такой энергией за Лифляндию, в чем он, впрочем, успел на время при своих талантах, видел, однако, своими глазами и не мог не допустить некоторых уступок в значении королевской власти: именно при нем король перестал быть верховным судьей. С другой стороны, определено было, чтобы король назначал двух гетманов — для литовского и польского войска; но в то же время, имея право определять их, король не смел отрешать их; войсковое жалование назначалось также только по определению сейма. Он умер, не успев привести в исполнение своих планов касательно Швеции. А, между тем, вопрос, занимавший тогда Швецию, Россию и Польшу, был чрезвычайно важен. Когда Прусский орден перестал существовать и последний гроссмейстер его сделался наследственным герцогом, орден Ливонских меченосцев остался на Севере один представителем вымиравшего средневекового рыцарства. Он не был в состоянии один бороться с Россией. Уже по примеру прусского гроссмейстера Вальтер фон Плеттенберг хотел провозгласить себя герцогом, но попытка его не удалась. Между тем, соседние державы устремили тотчас внимание свое на этот край, важный по своему положению; орден, отрезанный от Германии, мог теперь сделаться легкой добычей. Страна эта играла теперь для северных государств ту же роль, какую играло некогда Миланское герцогство для западных государств: это было яблоко раздора. Не имея возможности входить в подробности, укажем только на результаты этой борьбы. Польша успела овладеть Ливонией, Курляндия досталась в наследственность герцогу Готгарту Кетлеру. Стефан

Баторий думал овладеть и Эстляндией, и Курляндией, но он умер среди приготовлений. Эстляндия осталась за Швецией. Партия, самая могущественная в Польше, возвела на престол сына шведского короля Иоанна, Сигизмунда (III, 1587 г.) в той надежде, что теперь войны за шведские области сделаются бесполезными, и цель Стефана Батория будет достигнута мирно. Но это были неверные расчеты. Швеция и Польша ревниво смотрели на короля; каждый народ смотрел на сторону другого как на придаточную провинцию. С другой стороны, избранный государь был слабый, воспитанный иезуитами. В 1600 г. шведские чины, принудившие Сигизмунда выехать навсегда из Швеции, поставили на его место брата покойного короля Иоанна, Карла Зюдерманландского (IX). Положено было следующее: отселе королем мог быть только лютеранин, он должен был жениться на лютеранке и не мог выезжать из своих владений; последнее постановление ясно указывало на отношения к Польше.

Теперь нам остается сказать несколько слов о реакции в самом недре католицизма. Когда вековое какое-либо учреждение подвергается опасности от влияния новых идей, оно нескоро падает и уступает свое место; если в нем было прежде какое-либо жизненное начало, оно юнеет для борьбы с новыми началами. Эта сила отпора против реформы обнаружилась в католицизме в половине XVI столетия. Любопытнее всего история Италии в это время. Не должно думать, чтобы реформационное движение ограничивалось одной Германией; мы видели его и во Франции; в Италию оно проникло еще глубже, хотя по натуре своей она не склонна к тому, что мы собственно называем Реформацией. Этот ученый и даровитый народ не мог отказаться от попытки обновить старое учение. И это не были одни юноши, легко увлекающиеся всем новым: между кардиналами были люди, которые если не явно стояли на стороне Лютера, то признавали необходимость реформы в недрах самого католицизма. Достаточно указать на кардинала Контарини, кардинала Регинальда Поля: одним словом, этому направлению подчинились образованнейшие между кардиналами. В Неаполе вышла книга под названием — благоденствия Христа, где автор касается вопроса о благодати и близко подходит к мысли блаженного Августина. Она написана была популярно; долго неизвестен был автор, потом узнали, что был испанец Вальдец (Valdez), секретарь посольства в Неаполе, написавший эту книгу сам или по крайней мере под его влиянием она была написана монахом одного из неаполитанских монастырей. Моденский епископ Мороне напечатал его на свой счет. По донесениям впоследствии инквизиторов, оказалось, что в Италии в это время 3000 учителей были заражены новым учением. Это учение соединялось здесь с философскими понятиями: многие образованные люди читали по-гречески отцов восточной церкви и понимали Реформацию гораздо чище и, можно сказать, не так грубо, как лютеране. Но это явление не могло быть прочно. Католицизм имел в Италии свое основание и корень: папы и кардиналы хорошо понимали, что если новое учение утвердится и в Италии, то дело католицизма будет окончательно проиграно. Известно, что с Климентом VII кончился ряд тех просвещенных блестящих дарованиями пап, которые стояли дотоле во главе католицизма. Последовавшие преемники папского престола были большею частью суровые ревнители старого учения, которые видели в науке врага своего. В 1542 г. два кардинала, Карафа и Бургос, оба доминиканцы, предложили папе восстановить в Италии инквизицию. Инквизиция существовала уже давно; она возникла еще в XIII столетии в Южной Галлии, против альбигенской ереси; но в Италии, благодаря образованным нравам, она не принималась сильно и число жертв ее не было так значительно, как, например, в Испании. Папа согласился на это требование (Павел III). Усердие Караффы было так велико, что он уступил собственный дом свой для помещения инквизиции и на свой счет купил орудия, необходимые для действия, цепи и т.п. Членами инквизиции назначены были первоначально шесть кардиналов, самых строгих ревнителей старого учения; им предписано не обращать внимания ни на положения лиц в обществе, ни на какие другие обстоятельства. Перед новым судилищем не раз приходилось оправдываться самим кардиналам, хотя, разумеется, это делалось тайно. Кардинал Поль, один из самых ревностных защитников католицизма, должен был отдать отчет в своих поступках перед инквизицией. Судились не только дела, но убеждения и образ мыслей. У одного современного

итальянского писателя находим следующее выражение: «В наше время истинному христианину не удастся спокойно умереть на своей постели, ему предстоит прежде непременно побывать в инквизиции». Последствия всего этого скоро обнаружились: школы были закрыты, учителя отставлены; насколько они действительно были протестантами, это трудно решить — значительная часть духовных лиц принуждена была бежать; академии некоторые закрылись; какой-то ужас овладел Италией. Великолепное движение просвещения, которое видим мы в Италии в XV столетии, замкнулось. Католицизм овладел Италией: но Италия дорого заплатила за его победу. В 1550-ых годах издан указатель запрещенных инквизицией книг: здесь в первом ряду являются сочинения кардиналов и вообще многих высших лиц римской иерархии. Но не одними этими средствами действовал католицизм. В то самое время, когда Лютер и другие реформаторы нападали на монашество, монашество старалось возникнуть к новой жизни — возникают новые ордена: Орденеатинцев, составленный из лиц высшего общества, послуживший рассадником епископов; Орден капуцинов, более близкий к народу своим образом жизни, оказавший некогда папам великие услуги, но потом, загрузелый и одичалый, сделался в полной форме представителем католического монашества. Но гораздо важнее по своей деятельности и по огромному влиянию был Орден иезуитов. Нам нет времени входить здесь в большие подробности об его основании и значении; тем более, что это дело более или менее всем почти известно. Лучшими сочинениями для руководства в этом случае могут служить: 1. Отдел в истории пап Ranke и *Geschichte der Jesuiten*, Кортюма. Наделавшие в свое время много шуму лекции Кинэ и Мишле о том же предмете не заслуживают такого внимания: это памфлеты в ученом смысле, не имеющие большого значения. Гораздо важнее их по фактам даже книга Вольфа, написанная в конце прошлого и вышла в начале нашего столетия.

Но, чтобы иметь понятие об инквизиции, лучше всего читать об ее учреждениях: отсюда пахнет на нас самый дух этих учреждений.

Лекция 33 (16 Февраля)

Основателем Иезуитского ордена был, как известно Дон Иниго, или Игнатий Лойола, сын одного дворянина в испанской провинции Гвипускоа. Он родился в 1491 году и получил обыкновенное образование тогдашних дворян в Испании, то есть читал много рыцарских романов, настроивших в эту сторону его воображение. Молодость свою он провел в военной службе, где ему предстояло блистательное поприще, ибо он был храбрым офицером, и притом значительные связи и другие благоприятные обстоятельства содействовали его скорому повышению. В 1521 году, при осаде французами Пампелоны, он был тяжело ранен в ногу. Болезнь была очень продолжительна. Неловкий хирург дурно выпрямил кость, так что, когда Лойола выздоровел, он заметил, что нога его была крива. Это произвело на него такое неприятное впечатление, что он снова велел сломать себе ногу, чтобы справиться ее надлежащим образом. Во время этой второй болезни, скучая долгою праздностью, он просил книг: ему дали *Flores Sanctorum*. Это были легенды о святых (рассказанные с простотой средневековых летописей). Это чтение произвело на непривычного к таким занятиям Лойолу чрезвычайно сильное впечатление: воображение его распалилось; все свои рыцарские понятия он перенес в эту новую, открывшуюся ему область. Такие явления были нередки в средние века, а Лойола был сын своего века. Тогда он вообразил себя рыцарем деви Марии. Понятия о том, как он должен служить ей, еще не установились; многие принимали это настроение его духа за признак сумасшествия. Он бросил военную службу и совершал разные обеты в честь избранной им для служения.

В 1523 г. он отправился в Палестину, отправился с тем, чтобы разнести повсюду поклонение святой деви. На пути ему нужно было одолевать большие препятствия. Но, когда он прибыл на Восток, его поразило собственное его невежество: он не мог отвечать на догматические вопросы

магометан в спорах; перевес в этих спорах,— разумеется, они велись посредством переводчиков, ибо Лойола знал только по-испански,— оставался не на его стороне. Он возвращался в отечество с этим сознанием бессилия: тогда он начал учиться в испанских университетах в Алькале, Саламанке; ему следовало начинать, можно сказать, с азбуки; прежде всего ему надо было учиться по-латыни. С целью окончательного образования он отправился в Париж: тогда ему было уже около 40 лет. Упорным трудом преодолел он все эти трудности. Но, учась в Париже, он высматривал людей одного образа мысли с ним. Он нашел таких троих: один из них принадлежал также к высшей испанской фамилии. В 1534 году их было уже 6: они решились составить новый орден. Но мысль об этом ордене носилась в умах их еще смутно; они не смели еще просить папу об осуществлении своих неопределенных надежд. Предварительно они хотели отправиться в Палестину, чтобы там прежде положить начало своих подвигов. Но обстоятельства помешали: они не нашли в Венеции корабля для отплытия, ибо в это время была война с турками. В 1540 году, 27 сентября, папа Павел III утвердил основание нового ордена, главой которого явился Игнатий Лойола. Орден сначала был еще весьма немногочислен. Он отличался от предыдущих орденов тем, что к трем обыкновенным обетам в нем присоединился 4-й: безусловное повиновение папской власти. В самом начале он высказал намерение служить везде и всевозможными средствами к утверждению католицизма и папской власти. Верный своим воинственным воспоминаниям, Игнатий дал ордену название *Jesu Christi militia*. Он умер в 1556 году. Из ближайших преемников его самые замечательные были — Лойнец и Аквавива. Оба они были генералами Иезуитского ордена. При них окончательно образовались положения ордена, которые и изданы в 2 фолиантах под заглавием *Institutum societatis Jesu*. Мы упомянули уже Характер этих положений. Они были не раз предметом похвал даже со стороны самых ожесточенных врагов этого ордена. Между прочим, французские философы XVIII столетия, в том числе д'Аламберт, называли их одним из самых замечательных памятников человеческой мудрости. Если действительно под этой мудростью мы можем разуместь только умение употреблять человека для каких угодно целей, то это будет правда. Но если вникнуть глубже, если спросить, что в них заключалось для истинного понимания и поддержания нравственного достоинства человека, для определения его назначения на земле, одним словом, что касается подобных великих вопросов, то в этом отношении положения иезуитов произведут самое невыгодное и тяжелое впечатление на читающего. Не имея возможности входить здесь в подробности, укажем только на некоторые из этих положений. Во-первых, орден подчиняется генералу, избираемому членами; генерал обладает неограниченною властью — это монархическое начало в высшей степени своего развития. Не только внешние поступки подвергаются его надзору, но дела совести и убеждений. Каждый год члены ордена приносят общую исповедь, и результаты ее должны быть доведены до сведения генерала. Но генерал в свою очередь подчиняется надзору: несколько членов, пользующихся особенным доверием ордена, приставлены к нему, чтобы постоянно наблюдать за ним и предостерегать его в случае каких-либо колебаний с его стороны. Орден разделен на провинции, в каждой провинции есть свой наместник, пользующийся огромными правами, в своей провинции занимающий место генерала с такою же почти, как и тот, неограниченной властью. Лица ордена разделены на многие ступени по степени достоинства. Число членов настоящего братства, профессов, весьма незначительно: число испытываемых огромно. Надо много лет искуса, чтобы удостоиться принятия в орден. Во время этого искуса надо отказаться от всех мирских связей, от семейства, друзей, имущества; это имущество переходит не к родственникам вступающего в орден, а к ордену. Беспреданно повторяемая исповедь, в которой испытываемый должен высказывать самые тайные мысли и мелкие желания, дает возможность постоянно руководить ею для цели ордена. После нескольких лет такой жизни неминуемо, сознательно или бессознательно, переходит член к тем нравственным убеждениям, которые требуются со стороны ордена. Цель ордена высказывается прямо: сокрушить волю человека, дабы он был мертв, как жезл, как труп. Лицу с его личными побуждениями нет места в ордене: человек существует для ордена. Можно сказать, что орден, таким образом, обоготворил самого себя. Сперва он служил католицизму, но потом сделался сам себе законом и целью. С необычайной верностью взгляда угадали

основатели ордена, мы говорим основатели, ибо основателем нельзя считать одного Лойолу, слишком восторженного и фанатического, чтобы придти к глубокому пониманию человеческой натуры, основатели ордена угадали потребности современного общества и то положение, которое орден должен был занять в нем. Они отказались от всех внешних форм и признаков монашеской жизни; у них не было особенных одежд, не было монастырей. В числе членов ордена было много мирских братии, которые не произносили даже обета целомудрия и могли вступать в брак: они были связаны только обетом покорности. В эпоху Реформации, когда духовные потребности человека были так сильно раздражены, они избрали три главных средства для достижения цели своей деятельности: 1. Исповедь. Они старались занимать места духовных отцов при главных дворах европейских; таинства в руках их было часто страшным орудием. Они мастерски умели проникнуть в совесть человеческую и заставить звучать в ней те струны, которые были им нужны и выгодны. Самолюбие, страсти, прежние преступления — все послужило им средством. Нравственные преступления не считались тяжкими, когда вели к цели, все разрешалось для последней. Потому в конце XVI столетия орден пользовался уже огромным влиянием своих отдельных членов при дворах европейских. Он обладал знанием всех государственных тайн. То, что знал один член ордена, то знал генерал и прочие члены.

Далее заметили иезуиты (2), до какой степени действовала сильно на умы протестантская проповедь: тогда они явились проповедниками. Самые замечательные из католических проповедников в XVI столетии принадлежали к их числу. Еще (3) самое важное средство к их влиянию было воспитание юношества. Мы уже заметили, как была важна заслуга реформаторов в этом отношении. Лютер, Меланхтон, каковы бы ни были недостатки их в других отношениях, хорошо понимали все значение образованности. Конфискованные у католического духовенства имущества должны были служить, по их мнению, преимущественно к заведению новых школ. Правда, корыстные расчеты немецких князей часто мешали им здесь: но тем не менее все-таки заслуга Реформации в этом отношении была весьма значительна. Чтобы убедиться в этом, стоит только сравнить прежние учебники с учебниками Меланхтона и последующими; здесь мы увидим, как резко новое воспитание оторвалось от средневекового. Иезуиты заметили это: они решили противопоставить воспитанию протестантскому воспитание своего ордена. Тогда во всех провинциях они завели школы, привлекая в них, во-первых, отличным преподаванием, по крайней мере в формальном отношении; преподавание древних языков шло здесь не хуже, чем где-либо; многие науки шли даже лучше. Сверх того иезуиты сами помогали бедным родителям учеников, а юношей они обнадеживали верными успехами в жизни под их покровительством. Всякий даровитый юноша, выходивший из этих школ, был привлекаем в их ряды, если же нет, то он оставался по крайней мере навсегда расположенным к ордену, оставался светским его союзником. С своей стороны орден помогал ему своим мирским влиянием. В высших учебных заведениях действовали также иезуиты. Воспитывая дворянство, они превосходно умели приноровиться к его потребностям: это не было воспитание монашеское, отрешенное от практических целей; и иезуиты не хотели этого, они воспитывали деятельных людей, но старались и умели обратить их деятельность к своим целям. Зато те же правила, которые господствовали в устройстве ордена, прилагались и к воспитанию. Можно сказать, что воля человека была постоянным предметом враждебных притеснений ордена: он старался сокрушить ее. Он старался только развить те способности в человеке, которые мог употребить в дело, и ослабить по возможности характер. Тот же строжайший надзор, как в самом ордене, имел место и при воспитании. С каким-то преступным коварством наставники пользовались доверенностью и взаимным дружеством учеников; если один из них узнавал какую-либо тайну от другого, он обязан был под опасением строжайшего наказания передать ее наставнику, хотя, конечно, эти тайны были мелкие и большей частью нравственные: но орден хотел знать каждого отдельного своего ученика. Этим и объясняется то могущество, с каким до сих пор живет орден иезуитов: он образовывал сам себя. Но в XVI столетии деятельность обнаружилась его страшным и опасным образом для Реформации: иезуиты выступили смелыми, ловкими и умными противниками протестантизма. Без сомнения, инквизиция не много бы сделала против нового

движения со своими суровыми средствами. Деятельность иезуитов в этом отношении оказалась гораздо значительнее. Доселе протестанты обвиняли католиков в невежестве, указывая на темные стороны католической иерархии: теперь из среды католицизма выступил орден образованный, деятельный, который со своей стороны мог обличить протестантов часто в невежестве, который равносильно боролся с ними на поприще науки и одолевал их в сфере политической.

Эта новая деятельность католицизма обнаружилась на соборе Тридентском. Собор этот, трижды собиравшийся, оказал также важное влияние на судьбу католицизма, обратив на себя внимание современников. Мы имеем два замечательных сочинения об этом соборе, заключающие в себе все главные, необходимые сведения для его истории: это сочинения — фра Паоло Sarpi и иезуита Pallavicini. Сарпи — родом венецианец, монах, у которого было много независимых от средневековой католической догматики убеждений, написавший историю Тридентского собора в таком духе, который заставил некоторых думать, что она написана протестантом. Но, по достоверным сведениям, оказывается, что он был истинный католик и что протестантский элемент был в нем результатом глубокой опытности и, может быть, отголоском общих венецианских убеждений. В Венеции мы видим постоянно одно господствующее начало: готовность принять все католические догматы и глубокую ненависть к папам; то же самое направление вполне отразилось и в сочинении Сарпи. Он остался до конца монахом, совершал таинство католической церкви, следовательно, его убеждения против католицизма были более политические. Но книга его много произвела шуму и немало содействовала протестантам к отвержению приговоров Тридентского собора. Ему отвечал Палавичини книгой, бесспорно, ученой, но носившей в себе все направление ордена, к которому принадлежал автор. Он часто в своей книге, не называя Сарпи по имени, входит в разбор его мнений и старается их опровергнуть, не всегда беспристрастно. Это два голоса, раздающиеся из недр самого католицизма и показывающие ясно, до какой степени там еще колебались и не установились мнения. Для того чтобы ближе познакомиться с их полемикой, можно пользоваться сочинением Ришара: Sarpi und Pallavicini, изданном в 1542 году. Акты Тридентского собора, кроме других изданий, изданы по-немецки в 1545 году; здесь помещены протоколы отдельных заседаний и небольшие акты, заключающие в себе все нужное, чтобы иметь ясное понятие о соборе.

Мы говорили уже, при каких отношениях собирався Тридентский собор; папа, убеждаемый примерами предшествовавших соборов, опасался его; протестанты, сначала желавшие его, скоро поняли, что им нельзя ждать со стороны его справедливости к своим мнениям. Следовательно, его хотел только один Карл V, надеявшийся с его помощью образовать новую умеренную партию. В 1545 году папа повестил собираться собору; в 1547 году после 8 заседаний он перенесен был в Болонью, и мы знаем причину этого — разрыв между папой и императором. После двух заседаний в Болонье, в 1548 году, собор разошелся. Папа Юлий III в 1551 году снова созвал собор: движение Морица воспрепятствовало его действиям в 1552 году. Наконец, после 10 лет перерыва, в 1562 г. папа Пий IV созвал собор снова. Всех заседаний было 25. В них окончательно были определены католические догматы и введены новые необходимые реформы: католицизм возобновился и принял ту форму, в какой существует доселе. Между католицизмом до Тридентского его бора и после него много различия. Здесь выразилось влияние протестантизма, но оно выразилось не в реформах католицизма, а только в упорном сопротивлении его и более резком выражении прежних начал. Так, предание получило здесь равное значение со Священным писанием. Латинский перевод последнего объявлен каноническим текстом. Прежние учения о таинствах утверждены. Все нововведения, на которых настаивали протестанты, преданы проклятию, нельзя сказать, впрочем, чтобы единогласно. Особенно в начале собора некоторые сановники духовные сильно восставали против иных определений, например, безбрачия духовенства. Престарелый епископ Диодорий, известный своей испытанной нравственностью, требовал допущения брака, но такие требования не могли осуществиться. Если мы обратим внимание на состав собора, мы увидим ясно эту

невозможность: не только немецкие епископы, но испанские и французские жаловались на преобладание на соборе итальянской партии; оказалось, что на соборе было 2/3 итальянских духовных лиц; 2 только немецких епископа приходилось на 200 членов; французское влияние было также устранено. До какой степени папская воля влияла на решение вопросов, видно из того, что часто откладывалось решение важного вопроса дотоле, пока приедет курьер из Италии с готовым решением от папы. Собор кончился в декабре 1563 г., результаты его были чрезвычайно значительны; постепенно приняли его решения Испания, Италия, Польша, Бельгия протестовала, во Франции признана только догматическая часть; все, относившееся к распоряжениям касательно духовенства, отвергнуто. В землях протестантских решения собора, разумеется, не имели никакого значения. Главными виновниками скорого окончания собора в последнее время, советниками и орудиями папской воли в его решениях были и иезуиты: голоса их на соборе имели весьма важное значение.

Лекция 34 (18 Февраля)

Мы видели, какое значение имел Тридентский собор для возрождавшегося католицизма в его борьбе с протестантизмом. Догматы католические получили здесь окончательное освящение. В 1566 г. был издан на основании положений собора катехизис, явно вызванный подобными явлениями в протестантской духовной литературе. Чрез несколько лет учреждена была в Риме особая конгрегация, которой поручено было объяснение и толкование положений Тридентского собора. Мы видели, что эти положения, однако, были приняты не всеми государствами Европы. Некоторые государства приняли их только частью, например, Франция, отринувшая в них все, что не касалось догматов; Нидерланды протестовали против большей части положений; в протестантских землях они, разумеется, не имели никакой силы. Но результаты Тридентского собора, выразившиеся в его положениях, приняли тотчас же и политический характер, что виднее всего из царствования Филиппа II в Испании. Известно, какое могущественное государство оставил Карл V своему сыну, это была, во-первых, Испания; далее бургундское наследие состояло из Нидерландов, нынешней Голландии и Бельгии, Франш-Конте и части нынешней Франции, Фландрии; сюда присоединялась часть Артуа, Милан, Неаполь, Сицилия; сверх того обширные владения, завоеванные в новой земле смелыми вождями — Пизарро и Кортесом; то есть Мексика, Перу и другие испанские владения в Америке, объемом своим далеко превосходившие саму Испанию. Но не одним объемом земель и количеством народонаселения в них был силен Филипп II: ему принадлежали лучшие земли тогдашней Европы. Сама Испания находилась еще на высокой степени благосостояния; современные свидетельства показывают, что одна Андалузия заключала в себе более 3000000 жителей; вся эта часть Испании была превосходно возделана, здесь процветало земледелие и садоводство. Таково же было и королевство Валенция. Пустыни нынешней Кастилии были превосходно возделаны. Испания могла прокормить не только свое народонаселение, но отпускала за границу на огромные суммы хлеб, особенно вино и шерсть. Ее мануфактурная промышленность ставила ее наряду с первыми промышленными народами того времени: в Европе славилась испанское оружие, толедские клинки, сукна, шелковые изделия. В одной Севилье жило более 130000 ткачей; в Сеговии их было 32000. Можно наверное сказать, что тогдашнее народонаселение Испании превосходило в 1,5 или даже 2 раза нынешнее и в 10 раз было выше нынешнего своею производительностью. Итальянские владения Филиппа II, королевство обеих Сицилии и Миланское государство еще не сошли на ту низкую степень просвещения и общественного благосостояния, на которой мы видим их в XVII столетии; здесь были также богатые и торговые земли. Но перлом в венце Испанского короля были его нидерландские владения. Здесь, при устьях Рейна, Шелды, Мааса, возникли те торговые города, которые с начала XVI столетия делаются главными в Европе по своей торговле. Антверпен занимал тогда первое место между рынками Европы; сюда привозились товары с далекого Востока, из Индии, не говоря уже о мануфактурной промышленности Нидерландов. Конечно, ни одна провинция

тогдашней Испании не давала такого дохода, как Нидерланды. Но во внутреннем своем состоянии все эти области чрезвычайно разнились между собою правами, преданиями, отношением к центральной власти. Могущество Карла V относительно их основывалось на том, что он умел превосходно ладить с отдельными национальностями, соединенными под его скипетром. Государственный совет, игравший при нем такую важную роль, состоял из представителей всех этих национальностей. Карл окружен был не одними испанцами: не говоря уже об итальянцах, так часто предводительствовавших его войсками, Пескара и других; мы впоследствии видим при нем нидерландских сановников, графа Горна (Ноогп), Эгмонта, Вильгельма, принца Оранского, и т. д. Мы увидим далее, каковы были отношения и к другим, отдельным областям. Но эти отношения скоро переменялись, когда место его занял Филипп. Филипп был испанец и то не в обширном смысле: он был кастильянец. Кастилья была любимой его областью, она была для него государством, и он управлял государством, как Кастильею; для нее он жертвовал всем. Вскоре по вступлении своем на престол он без больших побудительных причин начал войну с Генрихом II Французским; эта война, прославленная двумя победами над французами, которыми Филипп был обязан своим полководцам, при St. Quentin и при Gravelingen, кончилась, однако, миром в 1559 году при Chateau Cambresis, который не принес Испании никаких выгод: по этому миру обе страны воротили одна другой все завоеванное. Но результаты этой войны были важны и в другом отношении: они дали случай королю испанскому привести в исполнение относительно Нидерландов те меры, на которые не решался его отец при всей своей гениальности. Отношения Филиппа к Нидерландам составляют одну из важнейших эпох того времени и принадлежат к числу событий, бросивших влияние на всю тогдашнюю историю. Мы остановимся на них.

Известно, что нидерландские области принадлежали Габсбургскому дому вследствие бракосочетания Марии Бургундской с Максимилианом Австрийским. Этих областей было 17, они составляли так называемые Нидерландские провинции. Это были богатые, по преимуществу торговые и промышленные земли. Каждая из этих областей составляла относительно внутреннего управления отдельное целое, имела свои права, льготы и предания. В делах, касавшихся до целого края, собирались чины отдельных областей и составляли Генеральные штаты. Эти чины состояли из духовенства, дворянства и городского сословия. Без согласия чинов король или герцог не мог ни налагать новых налогов, ни собирать податей. Без согласия каждой отдельной провинции он не мог выдавать обязательных для всех положений. К каждой отдельной провинции он стоял в каком-либо особом положении; права его в каждой отдельной провинции были неравны и имели много разнообразных отношений. Карл V умел превосходно ладить со скупыми и расчетливыми жителями этих областей. Они не жалели для него денег, потому что он не трогал прав их. Правда, здесь были исключения, например в деле Карла с Гентом, и нужно вообще сказать, что правительству трудно было избежать неприятных отношений к народонаселению; но, как бы то ни было, Карл V все-таки умел здесь ладить, получал отсюда большие деньги, содержал на них войско и во время Реформации мог здесь беспрепятственно казнить еретиков. Но уже в последнее время его правления обнаружилось здесь некоторые начала оппозиционного движения: Реформация сильно проникала сюда, хотя нидерландцы издревле отличались ревностью к католицизму, о чем свидетельствовали их превосходные католические храмы. Но особенное положение этих земель, в которые по торговым и промышленным расчетам стекалось много иностранцев, географическое положение между Францией и Германией, где оказалось тогда реформационное движение, все это должно было забросить и сюда семена нового учения. Может быть, это учение нашло себе готовую почву в тех многочисленных ересях, о которых так часто упоминают средневековые памятники нидерландской истории. Движение это долго укрывалось от Карла, пока не выступило с явной смелостью, когда с церковных кафедр начались открытые выходки против католицизма. Император, не связанный здесь, как в Германии, жестоко стал наказывать еретиков: вследствие этих гонений в некоторых местах уже слышался ропот. Война Филиппа с Францией в первые годы его правления сделала необходимым содержание в Нидерландах испанских войск. Но по

положению король испанский не имел права держать здесь войска; только охранение нидерландских границ со стороны Франции давало ему на это еще некоторое право. Когда же война с Францией была кончена, жители областей начали требовать, чтобы войска испанские были выведены. Филипп начал отказываться. В сущности это войско было так мало, что оно было вовсе не опасно для жителей: в нем находилось только около 3000 испанцев; но король настаивал на своем намерении. В 1559 году он уехал из Нидерландов и в течение 39 лет своего правления не выезжал более из Испании, можно сказать, из Мадрида. С именем Филиппа соединяется такая известность и слава, такие воспоминания, что эта личность получает для нас особенное значение. Но в исследования о нем проникло много ошибок: на него пало слишком много обвинений; ныне нетрудно найти ключ к уразумению его поступков. Он был отнюдь не такой свирепый, кровожадный государь, каким обыкновенно представляли его в истории. Это был человек с умом твердым, но узким и ограниченным; рано составив себе известные понятия о своем положении и обязанностях, понятия довольно тесные, он не изменял им ни в каких обстоятельствах; необычайно деятельный, но не всегда плодотворно, со всеми предрассудками испанского дворянина, с затаенным презрением к другим национальностям. Тот государственный совет, который при отце его имел такое великое влияние на правление государством, особенно вначале, был тотчас им преобразован: в его члены преимущественно поступали кастильские дворяне. Вообще целью короля было как можно более ввести однообразия во владениях и истребить местные особенности и права. С этим в уме его соединялись идеи порядка, но не совсем правильно понятые; оттого часто его меры были ложно перетолкованы. Но факты не дают, собственно, повода к такого рода обвинениям. В разных архивах испанских хранится несколько тысяч бумаг, исписанных рукою Филиппа. Он правил государством из своего кабинета, с утра до ночи занятый работою. Он редко видался с министрами; каждый из них представлял ему доклады: король читал и отмечал их своею рукою, иногда наложенная им резолюция выходила обширнее самого доклада. Трудно дознаться, каким образом он успевал все это переделать; но он не только знал в подробности администрацию, он знал даже личности своего государства. Часто какой-нибудь сановник просил его о назначении на место совершенно ничтожного и темного лица; король отвечал, что это лицо не может занять известного места; он успел уже лично о нем справиться в прежних бумагах. Одним словом, это был человек подробностей, но у него не было высших государственных идей; превосходный труженик, он не был, однако, в уровень со своим положением. Но его выражение, что в подвластных ему землях не заходит никогда солнце, было вполне справедливо: он был могущественнейший из государей, от него могла быть недалекою мечта о всемирной монархии. В его руках были богатые земли; новый мир снабжал его сокровищами; у него была лучшая армия и лучшие полководцы тогдашнего времени. Между тем мы увидим, какие результаты имело его царствование. Два ложных убеждения преимущественно погубили Филиппа: с одной стороны, исключительный, узкий католицизм испанский, заставлявший его смотреть на протестантов с горячим желанием истребить их с лица земли; он истощил все силы Испании в этой бесплодной борьбе; с другой стороны, его погубило намерение — уничтожить все особенности в своих областях и провести в них один общий уровень. Исходя из этих убеждений он часто бывал жесток, хотя положительной и постоянной жесткости и незаметно в его характере; исполнители его воли были часто гораздо жесточе его; притом он недаром был испанец и воспитанник того века, в котором Макиавелли был ручной книгой всех государственных мужей. Первое неприятное столкновение Филиппа с подданными, возникшее в Нидерландах, началось там по поводу выведения оттуда войск, потом по поводу налогов, в которых отказали ему чины, наконец, по поводу введения в этих областях нового разделения на епархии. Доселе в Нидерландах было только 4 епархии: одни из них зависели от архиепископа Реймского, следовательно, от Франции, другие от архиепископа Кельнского, следовательно, от Германии. Король под тем предлогом, чтобы устранить влияние иноземного духовенства, разделил Нидерланды на 18 епархий — мера резкая и крутая, которая должна была вызвать энергическое сопротивление: во-первых, со стороны прежних епископов, которые потеряли таким образом большие доходы, во-вторых, со стороны дворянства и городского сословия, ибо

они поняли, что теперь число голосов на стороне короля будет гораздо значительнее, так как духовные лица, им избираемые, должны были оставаться постоянно на его стороне. Наконец, протестантская партия видела здесь намерение короля подчинить ее большему и строжайшему надзору. Вместе с делением на новые епархии, во главе которых было поставлено три епископа, разнесся слух, что Филипп хочет ввести в Нидерландах инквизицию. Инквизиция была исключительно кастильским учреждением, в духе Фердинанда Католика. В самой Испании она была не везде принята: так, Арагония не приняла ее; в Милане по поводу ее введения возник сильный бунт. В Нидерландах было против нее общее негодование, не с одной стороны протестантов, но и со стороны католиков: и католики хорошо понимали, что здесь идет дело главным образом не о религиозных верованиях, а о политических интересах. Король в этом случае должен был уступить общему негодованию, не отказавшись, однако, совсем от своей мысли. Правление в Нидерландах он вверил сестре своей Маргарите, герцогине Пармской, женщине умной, образованной, но преданной учению Макиавелли. Филипп не доверял, однако, и ей: он поставил ей в виде советника и соглядатая ее поступков кардинала Гранвеллу, родом из Франш-Конте, человека образованного и с талантом, но не разбиравшего средств, когда он хотел заслужить милость короля. К общим причинам недовольства против короля присоединились еще частные у нидерландской аристократии. В Нидерландах было могущественное и богатое дворянство, игравшее первостепенную роль при Бургундских герцогах и Карле V: нидерландские советники Карла управляли во время его молодости в самой Испании. Вообще Карл V оказывал большое доверие нидерландцам: недаром, передавая сыну престол, он вышел, опираясь на правое плечо Вильгельма Оранского; тогда же это обстоятельство было перетолковано символическим образом: нидерландцы говорили, что король хотел показать сыну, что нидерландцы составляют его опору и правую руку. Теперь же Филипп постоянно и постепенно замещал места в своем совете испанцами. Таким образом, внутри самих владений короля явились две враждебные партии. В особенности же три человека были недовольны поступками короля: Вильгельм Оранский, Эгмонт и Горн. Они были в числе тех блистательных генералов, которым Карл V обязан был большей частью своих побед. Теперь же они остались с одними почетными титулами, но без практической деятельности и без сильного влияния. Герцог Альба был личный враг их: он поссорился с ними еще тогда, когда они вместе служили в войске покойного короля. Зависть, оскорбленное честолюбие были причинами этого раздора. Жалобы, беспрестанно увеличивавшиеся из Нидерландов на тамошнее правительство, заставили короля согласиться на одну уступку: он в 1564 году вызвал оттуда Гранвеллу. Но после отъезда Гранвеллы дела шли прежним порядком: Маргарита действовала совершенно в его духе. Беспрестанно ездили в Испанию депутаты от нидерландцев и возвращались оттуда с лестными обещаниями со стороны Филиппа: но обещания не исполнялись. Между тем волнение в Нидерландах усиливалось: в низших слоях оно принимало характер религиозный, в высших — политической оппозиции. Так шли дела до 1567 года. Тогда Филипп объявил, что так как Маргарита обременена занятиями, то он считает нужным послать ей советника и помощника: и этим советником и помощником был избран герцог Альба, мюльбергский победитель, хорошо известный вождям нидерландской аристократии. Он явился в Нидерланды не один: с ним шло 10000 испанских ветеранов. Дело было понятно, зачем шел он. Вильгельм Оранский тотчас уехал из Нидерландов; граф Горн и Эгмонт остались, надеясь на свои заслуги: мы увидим последствия.

Лекция 35 (21 Февраля)

Мы видели, в каком состоянии находились испанские Нидерланды перед прибытием сюда Альбы в 1567 году. Меры, принимаемые правительством испанским, производили общее волнение: испанские войска, несмотря на протестацию, находились в Нидерландах; учреждено было несколько новых епархий; при каждом епископе находилось два инквизитора; светской власти приказано было оказывать содействие духовенству в преследовании ереси. Настоящей

инквизиции еще не было, но эти меры намекали уже на близкое ее введение. В 1566 году высшие сословия нидерландские заключили между собою так называемый Компромисс, которым обязывались защищать всеми средствами льготы и права своей родины. С этой целью лица, подписавшиеся в конце договора, в числе 300 отправились к правительнице Маргарите. Один из ее советников, граф de Barlaimant, убеждая ее не бояться пришедших, назвал их de Gueux, это название приняли потом все недовольные, и имя гезов мы увидим в продолжение всей истории нидерландских смут. Осенью того же года началось сильное гонение на иконы со стороны протестантов: более 400 церквей было или разрушено, или пострадало от взволнованной черни; множество памятников искусства погибло. Но в том же году это волнение улеглось благодаря мерам правительства и пособию Вильгельма Оранского, Горна, Эгмонта и, наконец, вообще нидерландских сановников.

При таких обстоятельствах явился в Нидерланды Альба. Ему приказано было служить советом и содействием Маргарите. Замечательно, что в заседании верховного совета, которое имел Филипп по этому поводу в Мадриде и который весь состоял из испанцев, только два лица — великий инквизитор и Альба, убеждали к принятию резких и строгих мер; другие советовали смягчить некоторые постановления: но первое мнение превозмогло. Альба отправился из Испании с 10000 ветеранов, сделал высадку в Генуе и сухим путем через Альпы пошел в Нидерланды. На пути примкнули к нему еще 10000 немецких ландскнехтов. Цели его были ясны для всех дальновидных людей в Нидерландах. Первый, кто понял эту опасность, был осторожный, умный и хитрый принц Оранский. Он объявил, что удаляется из Нидерландов и останется верен королю дотолы, пока правительство не коснется его имени и чести. Горн и Эгмонт отказались отправиться за ним: они гордились своими прежними заслугами и думали в качестве кавалеров ордена Золотого Руна, что их может судить только верховный капитул ордена. Вслед за Вильгельмом отправилось огромное число эмигрантов. Чрез несколько дней по прибытии Альбы Эгмонт, Горн и человек 20 высшего дворянства были арестованы. Давнишняя вражда между испанской и нидерландской аристократией ярко здесь обнаружилась. Правительница

Маргарита протестовала против новых поступков правительства и Альбы: она сложила с себя правление и удалилась в Италию. Несмотря на то, что прежде были ею недовольны, в эту минуту народ мог жалеть о ней: для него наступала теперь эпоха тяжелых испытаний. Общее внимание устремлено было на процесс, зачатый против Эгмонта и Горна. Оба графа сослались на то, что они, как кавалеры упомянутого ордена, могут быть судимы только его членами: но это было не принято на том основании, что государственная измена их, недоказанная, впрочем, лишает их всех прав: они и вместе с ними еще 18 человек были приговорены к смерти и казнены. Эта казнь произвела страшное впечатление в Нидерландах и в целой Европе. Все знали, что Эгмонт был один из знаменитейших вождей Карла V, что преступления за ним не было никакого. Вина его состояла только в том, что он от лица нидерландцев ездил в Мадрид с жалобой на испанское правительство. Впрочем, характер Эгмонта представляют обыкновенно несколько в поэтическом виде: виною этого поэтическое произведение Гете, представившее его юношей, между тем как в эту эпоху ему было уже за 50 лет, он был женат и имел 9 человек детей. Тотчас составлено было Альбою верховное судилище для суда над мятежниками; во главе его стал испанец, доктор прав Варгас (Johann de Vargas), любимец Альбы, который высказал взгляд свой на дела в следующем выражении: «Здесь нет невинных; еретики совершали преступления, католики смотрели на это равнодушно — и те и другие должны быть наказаны». Жертвы этого судилища были бесчисленны. Других приговоров, кроме смертных, почти не было. В короткое время конфискованные имущества составили сумму более 20 миллионов серебром на наши деньги; если принять в расчет тогдашнее отношение металлов, это составит более 50 миллионов серебром. Но Альба недоволен был частными мерами: он казнил, можно сказать, весь народ, обложив его огромными налогами, прибавляя к притеснениям насмешки. Антверпен принужден был внести огромную контрибуцию, которая тут же

употреблена была на постройку крепости с целью враждебной для граждан. В особенности тяжелы и бессмысленны были виды налогов: кроме общей подати, которая состояла из сотой части имущества движимого и недвижимого, положено было при каждой продаже взимать десятую долю движимого и двадцатую долю недвижимого имущества. Католики и протестанты соединились в одном общем чувстве ненависти к притеснителям. Но средств сопротивляться в борьбе не было. Все нидерландские провинции были наводнены испанскими войсками. Казни лучших граждан наводили ужас.

Изгнанники нидерландские, действовавшие отдельно, не внушали пока большого опасения Альбе. Принц Оранский, удаляясь, обещал верность королю только под условием, показанным выше. Он, с другой стороны, до такой степени был убежден в том, что эти меры будут непродолжительны, что оставил старшего сына своего доканчивать курс наук в одном из нидерландских коллегиумов; но сын его был скоро взят и отослан в Испанию; имение его было также отобрано. Тогда он стал в ряды явных врагов Альбы и испанского правительства. Между тем отдельные эмигранты, большею частью из дворян, под начальством морских гезов, опустошали берега. Две более важные попытки ворваться в Нидерланды, произведенные Вильгельмом Оранским и его братом графом Нассауским, кончились неудачно: Альба был превосходный полководец и умел устранить эту опасность; оставалось только море, где нидерландские изгнанники могли грабить суда, они находили убежище в английских гаванях. Но, когда испанское правительство резко протестовало против этого укрывательства, королева Елизавета велела оставить Дуврскую гавань сорока судам, там стоявшим. Эти 40 судов отплыли в Нидерланды, в 1572 году взяли город При (прим. Вероятно, имеется в виду взятие гезами г. Бриля 1 апреля 1572 г.), первый пункт, где они могли утвердиться, и отсюда начали свои дальнейшие действия. Должно быть, Альба сам понял, наконец, свое положение; он был честлюбив и горд в высшей степени, а между тем видел, что ему здесь придется вести войну с мятежами, с общей ненавистью провинций и что ему здесь не предстояло никакого славного и блестящего дела. Кроме того, денег не хватало на требуемые расходы. Тогда он обратился к королю с просьбою уволить его и отправился в Испанию; за ним отправилось несколько членов испанского правительства.

Преемник его, Дон Луи де Реквезенс (1573) был опытнее Альбы. Он превосходил его своею умеренностью и политическим смыслом. Он тотчас по приезде своем объявил амнистию, хотя ограниченную, которой разрешалось всем иноверцам без потери имущества удалиться в соседние земли. Эти меры получили еще большую важность вследствие одержанной им большой победы над двумя братьями принца Вильгельма на Мокрской долине (Mookerheide, 1574 года). Оба принца Нассауские здесь пали; войска их были разбиты. Реквезенс занял войсками большую часть северных областей, где мятеж был сильнее.

Еще до этого Голландия и Зеландия провозгласили наместником испанским принца Оранского, они не восставали явно против испанского короля и хотели только сохранить свои льготы. Вильгельм принял титул от имени короля испанского. Но Мокрскою битвой и занятием некоторых городов кончились успехи Реквезенса: под стенами Лейдена (1574) он потерпел неудачу. Город, плохо укрепленный, решился ему противопоставить крайнее сопротивление. Жители города знали, какой они подвергались участи, если город их будет взят: в их глазах была участь Гарлема, взятого после семимесячной осады, жители коего были повешены и потоплены без различия пола и возраста. Лейденцы говорили, что будут защищаться дотолы, пока останется у них пища, и что в случае крайности они съедят левую свою руку, чтоб драться правою. И точно, сопротивление города было героическое: когда не осталось никаких средств бороться, они прорвали свои плотины и затопили испанский лагерь и себя самих. Город потерпел бесчисленные убытки, которые несомненно могли быть вознаграждены, но испанцы должны были удалиться. Замечательна та награда, которую просил потом Лейден у Вильгельма Оранского. Тот предложил ему на выбор две награды — или совершенное изъятие от податей на

долгое время, или основание протестантского университета в городе: город предпочел последнее. Лейденский университет был дан городу в награду за его героизм и сделался рассадником просвещения и одним из первоклассных университетов в XVI и XVII столетиях.

Скоропостижная смерть Реквезенса в 1576 г. принесла еще большую пользу делу восставших областей. Войско осталось без начальника: оно давно уже бунтовало. Тогдашние войска составлялись большею частью из наемников, отличавшихся храбростью, но почти отсутствием всякого дорядка; генералы, в числе их Альба и Реквезенс, смотрели сквозь пальцы на их грабежи. Уже при последнем возник мятеж за жалованье: теперь он увеличился еще более. Брюссельский верховный совет рыцарства, заменивший на время правителя, принужден был сам обратиться к жителям края и предложить им взяться за оружие, чтоб удержать мятежные войска. Войско взяло Антверпен и Мاستрихт и страшно опустошило их. Антверпен был постигнут страшною участью: пристрастный к испанцам иезуит Страда рассказывает, что испанские солдаты так обогатились грабежом, что делали золотые рукоятки к кинжалам и золотые шлемы. Антверпен с этих пор уже не поправился: его значение торговое и промышленное перешло к Амстердаму, главному городу восставших областей.

Эта общая опасность соединила католиков и протестантов: составилась Гентский договор (гентская пацификация в 1576 г.), в котором 17 областей обещались всеми мерами содействовать к удалению испанских войск и восстановлению местных привилегий; вопросы религиозные имели быть решены впоследствии на сейме. Брабант избрал даже своим правителем Вильгельма Оранского. Но две партии уже заметно и резко определились в самих Нидерландах: одна — национально-протестантская партия, во главе которой стоял принц Вильгельм, требовала полной религиозной свободы и по возможности замышляла о совершенном отделении от Испании; другая — католическая партия, старалась о примирении с Испанией на выгодных для Нидерландов условиях. Филипп II думал положить конец этим смутам, назначив правителем побочного брата своего Дон Жуана Австрийского.

Личность этого замечательного князя останавливает наше внимание. Он был сын Карла V, незаконно прижитый им в Нидерландах. Уже поэтому он мог надеяться на хороший прием в Нидерландах. Самая наружность его напоминала его происхождение — это был белокурый, прекрасный собою юноша, в котором было очень мало испанского. Воспитанный при дворе Филиппа II, который сначала очень любил его, он готовился поступить в духовное звание. В знаменитой трагической истории между Филиппом и сыном его Дон Карлосом Дон Жуан, кажется, играл не совсем честную роль. Всем известна история Дон Карлоса, казненного будто бы по воле отца; но он на самом деле не был казнен, история несправедливо оклеветала здесь Филиппа. Дон Карлос был одарен от природы некоторыми замечательными качествами; но воспитание — а может быть, он был таков и от природы своей — развило в нем дурную сторону: он был вспыльчив до сумасшествия. Еще ребенком он откусил голову белке, укусившей его за палец; приближенные к нему лица подвергались самым жестоким оскорблениям; один раз он с кинжалом бросился на Альбу. В особенности в душе его закралась глубокая ненависть к отцу; он один раз признался на исповеди, что хочет убить отца. Когда Альба назначен был правителем в Нидерланды, его раздражительность дошла до крайних пределов, ибо он сам хотел туда ехать за блестящими подвигами. Наконец, теперь он уже не скрывал ненависти к отцу своему. Дон Жуан, который был одних лет с ним, по-видимому, доносил о всех его поступках отцу, и Филипп был долго ему признателен за это. Дон Карлос был арестован и заключен в одной из отдельных комнат дворца; здесь впал он в горячку с признаками явного сумасшествия. Напрасно Филиппа обвиняют в крайней жестокости к сыну: не раз видели, как он приходил и плакал над ним: Дон Карлос скоро умер. Последующие историки рассказали, что ему в заключении была отрублена голова, но это одни романтические прикрасы. Но после его смерти Дон Жуан пользовался великим доверием Филиппа. Это доказывалось, между прочим, тем, что, когда мавры альгамбрские взбунтовались, Дон Жуан

послан был для их усмирения; в этом деле он показал много такта и умения ладить с восставшим народом. После двухлетней войны он возвратился с громким именем; о поступлении его в духовное звание не было и помину. Скоро ему представился еще более блестящий, подвиг. Турецкое могущество достигло в это время высочайшей степени. Все романские земли ежегодно подвергались набегам турецких корсаров. Наконец, Венеция, папа, Испания выставили против них флот свой. В 1571 году поставленный во главе этого движения Дон Жуан встретился с турецким флотом при Лепанто и разбил его наголову: турки потеряли несколько судов, более 10000 убитыми и множество пленных. Этой Лепантской победой имя Дон Жуана приобрело громкую славу. Но вследствие этого явления возникли новые отношения между им и королем: честолюбивые планы Дон Жуана смутили короля. И в самом деле его воспламеняли самые романтические предприятия: он мечтал выгнать турков из Европы и основать себе независимую империю. Мы увидим, чем это кончилось.

Лекция 36 (23 Февраля)

Мы остановились на изображении судьбы Дон Жуана Австрийского. Нам известно уже, какую славою покрылся побочный брат Филиппа II еще в летах ранней молодости: победа при Лепанто поставила его наряду с знаменитейшими вождями тогдашней Европы. Но воображение молодого князя исполнено было величавых замыслов: он думал об изгнании турок из Европы, соединяя с этим подвигом свои личные виды, намерение основать там собственное, независимое государство. С этой поры начинаются между ним и королем странные отношения: Филипп начинает завидовать славе его и той любви, которую он возбуждал к себе. Может быть, эта зависть заставила его отказаться от дальнейших выгод, которые он мог приобрести из войны с турками. Дон Жуан хотел осуществить давнишнюю мысль Карла V — окончательно разрушить корсарские государства на берегах Африки — Тунис, Алжир. Здесь у него была мысль основать христианское государство и стать во главе его. Но между ним и королем мы видим постоянно внутреннюю вражду, прикрытую внешним уважением, и эта-то вражда мешала всем замыслам Дон Жуана. В 1576 году, измученный уже невозможностью осуществить свои надежды, назначен он был правителем Нидерландов. Он прибыл сюда, покрытый громкою славою; самое происхождение его давало ему здесь большое значение. Но он прибыл при самых неблагоприятных обстоятельствах: мы видели, до какой степени в испанском войске была ослаблена дисциплина — солдаты грабили города: верховный тайный совет Брюсселе призывал граждан к оружию против испанских же воинов. Между всеми лицами, имевшими участие в правлении Нидерландами, католиками и протестантами, преданными и враждебными Испании, состоялся Гентский договор, которым они обязались всеми силами содействовать к удалению испанских войск из Нидерландов и к восстановлению внутреннего благосостояния.

Тогда прибыл сюда Дон Жуан. Чтоб приобрести себе некоторую популярность, он тотчас согласился утвердить Гентский договор, обещая даже быть его защитником, ходатайствовать перед королем о выводе испанских войск, и обещая решить спорные религиозные вопросы на сейме из чинов нидерландских. Но обещания его оказались несбыточными и ложными — король не хотел утвердить их. Давно уже между его близкими людьми были агенты Филиппа, секретари, которым он диктовал самые тайные бумаги, были подосланы Филиппом. И здесь-то мы видим всю талантливость, всю силу личности Дон Жуана: эти подосланные агенты обыкновенно скоро делались горячими его приверженцами и начинали обманывать Филиппа. Такой был преимущественно Эскаведо. Он сопровождал Дон Жуана во всех путешествиях: теперь его тот отправил в Испанию. План Дон Жуана по прибытии в Нидерланды был следующий: он действительно думал вывести отсюда испанские войска, но с этим соединялись у него такие намерения. Известна участь королевы шотландской Марии (Стюарт). На нее с надеждою смотрело католическое дворянство в Англии, считавшее ее притом законной наследницей престола. Она находилась в неволе у Елизаветы: Дон Жуан посредством иезуитов

и других агентов вошел в сношения с нею; условлено было, что в случае ее освобождения, она предложит ему руку и он сделается королем Англии. Эскаведо отправился для переговоров в Испанию. От чинов нидерландских Дон Жуан требовал только судов для вывода испанских войск, состоявших более чем из 30000 ветеранов. Во главе их думал отправиться сам Дон Жуан, сделать высадку в Англии, призвать на свою сторону всех католиков и получить руку Марии и венец королевский. План Дон Жуана отчасти был известен и другим в Испании: вообще народ любил этого князя за его таланты и за его смелый фантастический характер, гармонизировавший с тогдашним направлением умов в Испании. Чтобы избавиться от докуч Эскаведо, хитрого, опасного, Филипп поручил Дон Антонио Перецу убить Эскаведо: Эскаведо был тайно умерщвлен (1578). Родственники его начали процесс, все подозрения были на Переца. Но король тянул процесс, отбирая у Переца понемногу все доказательства собственного участия в преступлении. Замечательно, что Филипп старался посорить своего наместника с подданными нидерландскими и помешать его успеху в покушении на Англию: и эта попытка Дон Жуана не удалась. Дон Жуан хотел принять участие в религиозных войнах Франции, ворваться туда с 6000 и оторвать себе некоторые области в независимое владение: но и этот план не осуществился. Он умер 33 лет (1578), буквально замученный честолюбивыми, великими планами, которых не в силах был осуществить при недостатке благоприятных внешних обстоятельств: таланта и внутренней силы у него достало бы. По вскрытии тела сердце его оказалось совершенно высохшим. Многие приписывали его смерть отравлению со стороны Филиппа: но мы не имеем права возводить на него это новое преступление.

Дело Переца между тем приняло нехороший оборот: носились слухи, что преступление совершено было по высшему приказанию. Процесс тянулся более 10 лет. Филипп держал Переца в постоянном страхе, что он выдаст его суду, отбирая у него доказательства собственного участия: наконец, когда он был уже не нужен ему, он действительно его выдал. Перец выдержал несколько пыток, не назвав имени короля. Наконец, когда он увидел, что король отказался от него, он бежал в Арагонию. Арагонские чины хотели защищать его; тогда Филипп послал туда войско под начальством Альбы; они были разбиты, последний юстиц арагонский Лануза был казнен, и с ним пресеклась его должность, напоминавшая средневековые нравы. Перец, однако, нашел средство убежать и оттуда и провел остаток дней своих во Франции и Италии, бегая от преследования подкупленных Филиппом убийц и разоблачая везде тайны Филипповой политики. Эти показания его составляют самый любопытный документ истории (сведения о всем этом можно найти у Mignet в его Don Antonio Perez. Может быть, нигде так, как здесь, не открывается это преобладание гибельных начал политики Макиавелли; видно, что Перец пропитан ими, и они близко знакомы были Филиппу II.

На место Дон Жуана назначен был сын Маргариты Пармской, герцог Александр Фарнезе Пармский, один из замечательнейших полководцев тогдашнего времени. Вообще все величайшие полководцы в Европе в это время были или испанцы, или находились в испанской службе. Если бы личные таланты могли поправить дело Нидерландов, то, конечно, Александр Фарнезе был бы в уровень с требованиями своего положения. Но обстоятельства были такого рода, что о примирении нечего было и думать. Из 17 областей только 3 изъявляли готовность служить Испании; 14 находились в явном восстании. Войска было потеряно более половины, не только в войне, но от недостатка дисциплины. Кроме того, другие державы в Европе начинали принимать участие в этой распре. Эрцгерцог Матвей Австрийский был призван некоторыми областями в штатгальтеры; другие области, говорившие французским языком, призвали герцога Франца Алонсонского и провозгласили его протектором; между ними с неопределенными правами стоял Вильгельм Оранский. Он был душою всего восстания; к нему стекались толпами на службу освобождения Нидерландов. Франц Алонсонский привел с собою значительную часть католического дворянства, желавшего помириться с испанцами. В 1579 году принц Вильгельм, чтоб дать прочность восстанию областей, побудил северные провинции к заключению Утрехтского договора. Акт этот вначале не имел того значения, которое получил

впоследствии. Это была договорная грамота, в которой 7 областей положили защищаться против испанского правительства; общие дела положено решать сеймом чинов; во главе их поставлен наместник короля Вильгельм Оранский. Впрочем, окончательного разрыва с Испанией еще не было. Но эта грамота, возникшая тогда из временных потребностей, легла впоследствии в основу всего устройства Соединенных Штатов нидерландских; но не таковы были мысли составителей ее вначале. От 1579 - 1581 война шла нерешительно. Главные интересы сосредоточивались на переписке между Филиппом и Вильгельмом Оранским. Филипп издал манифест, в котором пред лицом всей Европы торжественно уличал Вильгельма в измене и со своей точки зрения действительно указывал на некоторые поступки последнего, которые не соответствовали подданству. Вильгельм, со своей стороны, издал оправдание, где, между прочим, излагал теорию монархической власти, как он понимал ее: это замечательнейший акт. В 1581 году он побудил северные области объявить Филиппа лишенным прав и себя правителем независимым от Испании. Мы не можем здесь входить в военные подробности, тем более, что война состояла из мелких ошибок, где хотело выказать себя военное искусство. В Нидерланды ездили тогда учиться военному искусству под начальством нидерландцев и испанцев, и, действительно, здесь были положены начала новой военной науки. Но Матвей Австрийский скоро был отсюда удален, ибо он был человек бездарный, без влияния. Франц Алонсонский также скоро сошел со сцены вследствие открывшегося коварного его намерения овладеть Антверпеном и другими городами; он удалился во Францию, где умер в 1583 году. Единственным вождем остался Вильгельм Оранский. В 1584 г. он также сошел со сцены.

Мы видели, до какой степени учение Макиавелли пустило корни в умах тогдашней Европы. С этим учением теперь соединилось другое, столь же страшное. Не возводя лишних обвинений, можно сказать, что многие из этих гибельных учений пустил в ход Иезуитский орден, между прочим, следующее правило: можно убивать лиц, вредящих благосостоянию религиозному или гражданскому. На эту тему писались в то время целые трактаты, особенно этого рода мнения изложил со страшною откровенностью некто отец Мариани, испанский иезуит, в своем сочинении о воспитании государей. Это учение было принято и Филиппом II. В 1581 году, когда северные нидерландские области отложились от Испании, Филипп обещал 25000 червонных убийце В. Оранского, прощение всех преступлений и возведение в дворянское достоинство. Охотников нашлось много; Вильгельм постоянно находился в опасности, однажды даже был ранен. Наконец, некто Валтазар Жерар родом из Франш-Конте, воспитанник иезуитов, застрелил Вильгельма в Делфте. Он пал в то самое время, когда нужнее всего был для восставших областей. Жерар был схвачен и казнен; но король испанский исполнил свое обещание: имя Валтазара долго вспоминалось в молитвах в Испании; семейство его получило обещанную денежную награду и возведено в дворянское достоинство. Гибельные учения принялись: через несколько времени мы увидим подобную смерть Генриха III, потом Генриха IV. Это был разврат мысли, поддерживаемый учением Макиавелли и Иезуитским орденом.

Место Вильгельма Оранского занял младший сын его Мориц (старший находился в Испании, где и умер). Но он был еще очень молод: к нему приставлен был совет из 18 членов. Ему предоставлено было право собирать и распускать войско; права же верховного управления, заключение союзов и т. д. присвоены были чинами. Но без Вильгельма трудно было вести войну с таким опасным соперником, каков был Фарнезе. Чины обратились к Англии: Елизавета прислала им помощь под предводительством Лейчестера (1585 г.). Он был принят с таким торжеством, что его тотчас назначили штатгальтером, устранив права Морица. Лейчестер думал даже провозгласить себя королем. Он был искусный царедворец, хитрый и ловкий дипломат, но не воин: в 1587 году он был удален. Англия продолжала помогать Нидерландам деньгами; толпы дворян приезжали сюда, чтоб сражаться против испанцев: Филипп давно уже негодовал на эту помощь Англии: он решился сделать последнее усилие. В 1588 г. он снарядил известный непобедимый флот, состоявший из 139 больших кораблей испанских; на них было 2600 пушек и 18000 десантного войска. Герцог Медина-Сидония должен был принять начальство. План Дона

Жуана имел осуществиться после 10 лет, но уже при меньших условиях успеха: Мария была уже казнена. Судьба Непобедимой Армады известна: она была разбита бурей; тяжелые суда не могли действовать с успехом против легких кораблей английских и нидерландских, флот потерпел несколько поражений; Медина-Сидония, собравши его, хотел обогнуть Англию, но был разбит бурей около Шетландских островов: большая часть кораблей и войска погибла. Удар этот был страшен для испанской монархии.

Наконец, вмешательство Филиппа II в дела Франции отвлекло его от Нидерландов; Герцог Фарнезе должен был два раза предпринимать поход во Францию, что отвлекало его силы. В 1592 году он умер. Истощив все усилия, Филипп II видел, что борьба становилась невозможной. Несмотря на свое упрямство, он должен был смириться. Он думал восстановить покорность следующими средствами: он выдал дочь Клару Евгению Изабеллу за эрцгерцога Австрийского Альбрехта и назначил его правителем Нидерландов: таким образом управление ими отошло от Испании. Только в случае бездетности их права снова переходили к Испании. Южные провинции Нидерландов согласились на это условие, северные отказались. Там уже выросло целое поколение, воспитанное в ненависти к Испании. Нидерланды понимали, что война эта приносила им более пользы, нежели вреда. И в самом деле в этой борьбе Нидерланды поднялись и выросли. Филипп был самый могущественный государь в начале своего царствования; но в последние годы XVI столетия его средства были уже почти истощены. Мы привыкли давать много важности испанским доходам из американских рудников — в самом деле они были значительны: но не надо забывать, что большая часть этих доходов вследствие плохого управления шла в частные руки и что собственно Нидерланды давали королевству гораздо более дохода. Это обнаружилось особенно в годы 1558 - 1559: Нидерланды внесли такую сумму, какой не давали американские владения, и такой-то провинции лишилась теперь Испания. Далее известно, что Нидерланды занимали первое место в ганзейской и всемирной торговле городов. Несмотря на войны их с Испанией, последняя должна была на значительные деньги покупать товары на нидерландских же рынках. Королевство должно было беспрестанно прибегать к займам. Политико-экономические науки были тогда еще неизвестны правительствам. Прибегали иногда к самым странным средствам для пополнения недочетов: когда Филипп вступил на престол, государственные правители сделали ему следующее предложение: не платить деньги, занятые его отцом. Потом мексиканское королевство предложило платить войску жалованье фальшивой монетой. Наконец, царствование Филиппа было ознаменовано мерою, которая своею странностью превосходила все указанные: Филипп объявил, что он не сможет платить государственных долгов, следовательно, объявил государство банкротом; но для вознаграждения кредиторов он позволил им не платить своих частных долгов.

Лекция 37 (25 Февраля)

По мере обеднения Испании богатели отложившиеся от нее области, так что и завоевание Португалии (1580 г.) не вознаградило утрат, понесенных Испанией. В конце XV столетия в Португалии совершались те же перевороты, как и в других государствах Европы. При Иоанне II королевская власть стала на прочном и твердом основании, победив оппозиционные элементы. Самой блестящей эпохой было царствование преемника Иоаннова Эммануила Великого. При нем-то явились результаты предшествовавшей деятельности португальских мореплавателей; к этому присоединились смелые подвиги Альмейда и Альбукерка, где португальцы имели дело не только с индийскими войсками, султаном мамелюков, но и венецианцами, которые всеми силами старались отбить португальцев от найденных ими берегов Ост-Индии. Тем не менее португальцам удалось основать значительные фактории и крепости на западном берегу Ост-Индии; они проникли в Персидский залив. Это была героическая эпоха в жизни португальцев. Быстрые успехи развили в целом народе предприимчивость и смелость. Альбукерка хотел

закончить подвиги свои покорением враждебного Аравийского полуострова. Он надеялся, что для завоевания той страны, откуда некогда вышли полчища, завоевавшие полмира, ему достаточно будет 400 португальских воинов. Смерть застигла его, но самая эта смелость показывает, до какой степени в народе раздражена была жажда деятельности.

Но не одна Ост-Индия была театром португальских подвигов. Кабраль, португальский мореплаватель, сбившись с дороги, занесенный ветром, пристал к берегам Бразилии и принял ее во владения португальского короля. Известно, какие результаты для Европы имела торговля португальцев: открытия их вытеснили со всех рынков европейских венециан; торговля пряностями перешла в их руки. Первоначально это сильно обогатило португальцев; в начале XVI столетия нигде не было такой роскоши, такого богатства, как в ней. Не должно забывать, что груз корабля, пришедшего из Индии, давал 100, 200 процентов чистой прибыли. Венецианцы прежде пользовались еще большими барышами: они брали по 400 на 100. Но что выиграла отсюда Португалия? Пряности и индийские произведения оказались такими же ненадежными, можно сказать, вероломными продуктами для Португалии, как золото для Испании. Ни Испания, ни Португалия не умели пользоваться богатствами, которые доставляли им случай и отвага. В двадцатых годах XVI столетия в лиссабонскую гавань входят суда английские, ганзейские, нидерландские, покупают у Португалии товары и перевозят их в Антверпен и на другие европейские рынки, даже на отдаленный север. Этим купцам товары португальцев доставались дешево. Португалия не умела соображать своих потребностей с приходами: она покупала дорого все, что ей нужно было для домашнего употребления. Между тем барыш с индийских товаров был только номинальный: она выменивала свои товары на товары других высокой цены. Результаты всего этого скоро обнаружились. Во второй половине XVI столетия является здесь общее обеднение народа, именно низшего класса; богатства скопляются в руках немногих купцов и аристократии, принимавшей участие в торговых оборотах.

К довершению несчастья к этим крайностям присоединилось то, что при короле Иоанне III, преемнике Эммануила, иезуиты получили в Португалии великое влияние. Они-то завели в Португалии порядок вещей, сообразный с их стремлениями, с целью их ордена; они-то убили в народе ту живость, ту деятельность, которую замечаем мы в конце XV и начале XVI столетия. Ни в одной, может быть, стране иезуиты не были так вредны и губительны, как здесь. При их содействии введена была инквизиция; они овладели воспитанием народным, овладели умом короля. Не довольствуясь влиянием своим в одной Португалии, они рассеялись и в заморских ее владениях. Конечно, они гордились тем, что обратили здесь многих в христианство, но это обращение было чисто внешнее: они искажали часто самое христианство, приравнивая его к понятиям диких племен Бразилии. Иезуиты создали в Южной Америке общество, в котором осуществляли свой идеал гражданского порядка, общество парагвайское.

Внук и преемник Иоанна III Себастьян был воспитан иезуитами. Он был человек даровитый, смелый, обещавший блестящее царствование, но его ум и характер были рано испорчены иезуитами. Он вступил на престол юношей под опекой своего дяди, лишенный всякой самостоятельности, готовое орудие для целей ордена. Но иезуиты ошиблись в своих надеждах. Получив самостоятельность, молодой король начал думать об изгнании турок из Европы. Разумеется, с средствами Португалии это сделать было очень трудно, и подобная мысль обличает в короле отсутствие практического смысла. Приготовляясь к этому делу, он вмешался в распрю мароккского владетеля с дядей, сверженным им с престола, и в 1578 г. выступил на помощь последнему. Армия составлена была из лучших сил Португалии. Это был цвет дворянства и воинственного народонаселения. Неопытность короля и таланты его противника были причиной поражения португальцев при Альказаре-Квирере. Король погиб без вести в этом сражении. Пользуясь этим обстоятельством, явились четыре самозванца: первые три были действительно таковы: но относительно четвертого есть факты, которые придают какой-то

загадочный, таинственный свет этому человеку; он был взят и повешен по приказанию короля. Как бы то ни было, португальский престол достался старому родственнику Себастьяна кардиналу Генриху. Он умер после годового царствования в преклонных летах. Настоящего преемника мужского пола не оставалось. Инфант Дон Антонио де Прато, племянник Иоанна III, предъявлявший права свои, в сущности не был законным наследником, ибо мать его была еврейка, и брак ее с отцом инфанта не был доказан. Но португальское народонаселение держалось его, ибо он был последним представителем национальной династии. Между тем, искателей престола нашлось много: герцог Пармский, Филипп II и некоторые аристократические фамилии, особенно Браганцкая. Выбор народа пал на Антонио, но Филипп не дал усилиться противнику: в 1580 годах армия его под начальством 72-летнего герцога Альбы выступила против португальцев. Дон Антонио с первого раза был разбит. Альба занял почти без сопротивления всю страну, и в Лиссабоне провозгласил королем Филиппа.

Филипп обещал проводить большую часть года в Лиссабоне, обещал не замещать должностей иностранцами, обещал в неприкосновенности сохранять все льготы и права португальцев. В слишком резком нарушении этих прав нельзя упрекнуть Филиппа: но тем не менее присоединение Португалии к Испании было источником окончательного разорения первой. Мы видим, что Португалия располагала еще богатыми средствами, что она могла бы еще занимать почетное место, если не между первыми державами Европы, то по крайней мере между второстепенными. Теперь она была лишена этих средств. Мы сказали, что при самом начале войны Филиппа II против нидерландских областей, когда все условия победы находились еще на стороне первого, эти области жили морскими разбоями: они грабили испанские суда и тем наносили большой вред Испании. Но на этом не остановились нидерландцы: они поняли, что гораздо важнее грабить колонии, откуда Испания получала свои богатства. Уже в 1570-х годах мы видим смелых нидерландских мореплавателей, пристающих к берегам Южной Америки, налагающих контрибуцию на испанские приморские города. Часто врываются они в глубь края и овладевают сокровищами, приготовленными для частных людей Испании. Гольотам, нагруженным золотом, трудно было достигнуть испанских гаваней: на пути их перехватывали нидерландские эскадры. Когда Португалия была присоединена к Испании, ее постигла та же участь, а действия нидерландцев в португальских колониях были еще успешнее: они завели здесь фактории, основали крепости в Индии, отняли у португальцев Бразилию. В 1602 г. уже образовалась в Голландии компания для торговли Ост-Индская: она предшествовала компании английской. Голландцы заняли весь остров Цейлон и острова Молуккские. Торговля пряностями, индийскими произведениями перешла прямо в их руки.

В 1598 г. скончался Филипп II от мучительной болезни, в которой он остался верен своему характеру, твердому и крепкому. Не без страха думал он о будущем своего государства: самые цветущие области отложились. Несмотря на свою непреклонную волю, он начинает терять надежду на возвращение нидерландских областей; покорение Португалии немного увеличило силы Испании, средства ее истощались. К довершению всего он оставлял своему преемнику долг в 600 миллионов червонцев. Государственное банкротство и подделка фальшивой монеты не помогли. Самые войска испанские утратили свою прежнюю славу в битвах с нидерландцами. Наконец, Филипп знал характер своего преемника, Филиппа III. Мы говорили о странном характере первого сына Филиппа, Дона Карлоса, но Филипп III стоял в умственном отношении несравненно ниже последнего. Подозрительный отец держал его вдали от всех дел; он был воспитан под надзором иезуитов. Когда он вступил на престол, он вовсе не знал своего государства; воля была в нем совершенно убита. Современники рассказывают, что, когда

Филипп II предложил сыну своему жениться, он принес ему портреты европейских принцесс; инфант долго смотрел на них и потом попросил отца, чтобы он сам ему выбрал. Сам король,

говорит венецианский посол, смутился, видя в сыне такое отсутствие самостоятельности и воли, которое было отчасти следствием слабоумия, а отчасти — воспитания.

В начале XVII столетия Голландия вовсе не думает о примирении с Испанией; она становится в ряду могущественных держав Европы. Флот ее пристает к берегам Америки и Индии и вывозит оттуда товары. Антверпен утратил свое значение: место его занял Амстердам. В 1609 г. возник здесь Амстердамский банк, установленный богатыми капиталистами и делавший самые обширные обороты. Во главе дел стояли Мориц, сын Вильгельма Оранского, честлюбивый, талантливый юноша, и гениальный полководец и противник его — старик Олденбарневельд, синдик Голландии. Они стояли во главе двух враждебных партий: партии военной и партии чинов или штатов. Военная партия, во главе которой стоял Мориц, требовала продолжения войны, к которой привыкла и которая не истощала края, но давала средства для честлюбивых видов. Барневельд стоял во главе партии республиканской, партии штатов, которая хотела мира с Испанией, хотела развития промышленности и торговли, довольствуясь свержением власти испанской. Эта партия в 1609 г. пересилила, мир с Испанией был заключен на 12 лет. Но между партиями продолжалась темная, глухая борьба, готовая вспыхнуть при первом случае. Случай этот открылся. Догматические вероучения Арминия и Гомара в Лейдене подали повод к явному политическому раздору. Оба они были учениками Кальвина. Но Гомар довел учение Кальвина до крайности: он учил, что еще до рождения человека предопределено ему или вечное блаженство или вечное мучение и что этого предопределения ничто не может изменить. Против него выступил Арминий, смягчивший значительно вероучение Кальвина. Образованные люди разделились на две партии: Мориц стал во главе гомаристов не из убеждения, а только потому, что во главе другой партии стоял его противник. В 1618 г. в Дортрихте был собран собор. Гомаристы пересилили: арминисты признаны были еретиками и должны были бежать. Пасторы, принявшие это учение, были отрешены от должности. Барневельд подвергся обвинению за государственную измену, ему было тогда более 70 лет. Мориц велел сказать ему, что уничтожит обвинение, если тот согласится пристать к нему. Барневельд отказался и был казнен. Это было пятно на совести Морица, тем более, что с судьбою Барневельда связана была судьба человека, оставившего огромное имя потомству, Гугона Гроция. Его приговорили к вечному заточению, но он бежал. В 1619 г. партия военная одержала решительную победу над партией чинов. Результат этой победы не замедлил обнаружиться: чрез два года Голландия объявила 12-летнее перемирие с Испанией рушенным.

(В книге Carefigue о Франции любопытен один отдел, где он излагает содержание современных памятников, хранящихся в Парижской библиотеке (прим. Речь идет о кн.: J. Carefigue. Histoire de la Reforme, de la Ligue, et du Regne de Henri IV. Paris, 1833—1835.)).

Лекция 38 (28 Февраля)

Нам остается рассмотреть историю Франции XVI столетия, начиная со смерти Франца I, именно тот долгий период религиозных войн, который имел значительное влияние на дальнейшие судьбы французского государства. Для руководства мы указали на сочинения Carefigue, конечно, недостаточный, но в некотором отношении любопытный сборник известий.

Франц I умер в 1547 году; он оставлял по себе государство, расстроенное долгими его несчастными войнами, но тем не менее Франция была все-таки многим ему обязана. Во-первых, самое нарушение государственных прав Франции, в котором его обвиняли современники, пошло в пользу общества. Мы видели выше, как не уважал король представлений парламента по поводу конкордата с Львом X: он просто велел парламенту внести этот конкордат в список государственных постановлений. С другой стороны, многие меры его сильно оскорбляли все сословия, так что под конец его царствования Andre de Vironne, сенешал Пуату, мог

справедливо сказать ему: «Государь, вы оттого проигрываете ваши битвы, что в них не участвует лучшая часть ваших сил, сердце вашего дворянства». Это было справедливо; и точно, Франц был нелюбим под конец в народе, он не оправдал прежних ожиданий. Но, тем не менее, все-таки заслуги его остались ощутительны для Франции. Во-первых, в отношениях короля к дворянству произошла решительная перемена. Феодализм исчез, но направление, права дворянства пережили его упадок. Многочисленное дворянство жило в своих замках, смотря с завистью и негодованием на новый порядок вещей, на увеличение власти короля и собираясь к последнему только во время войн. Только во время войны между королем и дворянами завязывалась связь подчиненности. Это военное состояние, выгодное для монархии, Франц I сделал нормальным, постоянным во Франции. В продолжение тридцатилетних войн дворяне научились в лагере исполнять королевские повеления; военная дисциплина приучила их к гражданской покорности. Но перемена отношений не ограничилась этим. Прежде, по окончании войны, дворяне спешили возвратиться в свои одинокие замки и продолжали там прежний образ жизни. Франц I нашел средство приблизить их к себе: его можно назвать основателем французского и вообще европейских монархических дворов. В средние века двор государей только по временам привлекал многочисленные съезды, но обыкновенно король бывал окружен только непосредственными исполнителями своей воли, чиновниками; дворец был пуст, кроме известных торжественных дней. Мы знаем, какую роль играла женщина в феодальном порядке, она была здесь каким-то божеством; но это божество редко приходило в соприкосновение с мужчинами; только на турнирах и на больших празднествах являлась она. Не надо думать, чтобы одни только жители Востока запирали жен своих: феодальная дама, пользовавшаяся таким уважением, выходила на торжества два-три раза в год, играла на них почетную роль, но потом просто была запираема мужем. Супруга Людвига XII Анна Бретонская первая окружила себя молодыми девицами из лучших фамилий; женский элемент вошел постоянным элементом в жизнь двора. Франц любил увеселения и женщин; чтобы угодить ему, мать его, Луиза Савойская, и сестра, Маргарита Наваррская, держали при себе самых красивых дам. Эти дамы привлекали ко двору молодое дворянство, после войны оно перестало заключаться в своих замках; это постепенно изменяло нравы Франции, приучая к веселости. Стоит только заглянуть в современные мемуары, чтобы увидеть эту перемену и ее следствия. Еще с XV столетия во Франции является множество мемуаров. Не упоминая о них подробно, укажем на характеристические из них, на записки герцога la Tremouille, *Memoires du chevalier sans reproche*.

Эти записки писал секретарь его, пользовавшийся его доверенностью, человек образованный. Они носят совершенно характер того времени; тогдашние отношения мужчины к женщине высказаны здесь превосходно в рассказе о первой любви герцога. Здесь есть что-то необычайно чистое, целомудренное. Тот же характер носят записки Баярда, писанные также секретарем его: *Memoires du chevalier sans peur et sans reproche*.

Но в XVI столетии мы видим уже другое: строгая и чистая жизнь, одиноко развивавшаяся в замках, прошла безвозвратно. В отношении к женщине проникло несравненно более жизни и образованности, зато сюда вкралось много разврата и посреди него воспитывалось часто направление грубое и кровожадное. Самым разительным примером может служить маршал de Tavannes, один из главных участников Варфоломеевской ночи; его мемуары составлены по его бумагам сыном. Tavannes с ранних лет вступил в военную службу, участвовал в походах короля, промежутки времени проводил в Париже и участвовал во всех забавах сына короля, Орлеанского герцога, умершего еще прежде отца. Мы видим из его записок, что рыцарская вежливость и изящное отношение к женщинам исчезли; он рассказывает с удовольствием о том, как они отомстили одной даме, снявши мертвого висельника и положивши к ней на постель. Они часто с сыном короля, обнажив шпаги, караулили прохожих и грабили их; по крышам часто приходилось им спасаться от преследований полиции. Смерть человека ни во что не вменялась; дуэли сделались чем-то обычным: в них тысячами гибло молодое дворянство

Франции. Они так усилились к концу XVI столетия, что в царствование Генриха IV, в какие-нибудь 18 лет, было убито на дуэлях более 4000 дворян. Король пытался также создать национальную пехоту французскую. Начало этой пехоты, мы знаем уже, заложено было еще Карлом VII. Но преемники его предпочитали, и не без основания, туземной пехоте наемников. Франц I хотел снова ввести туземную пехоту и образовать из нее 7 легионов, каждый состоял из 6000 человек. Но французская пехота оказалась несостоятельной перед швейцарской, и потому лучшая пехота все-таки и при нем состояла из наемников. Только конница жандармов состояла из туземцев и пользовалась славой.

Замечательно еще законодательство, изданное им, которого некоторые статьи и теперь еще имеют силу. Но главной заслугой Франца было это действительно великодушное его покровительство искусствам и наукам. Франция извлекла из итальянских войн совсем не те выгоды, на которые надеялись короли ее: на этой классической почве она впервые познакомилась с классической древностью и почерпнула отсюда интересы, дотоле ей чуждые. Сам Франц, одаренный живым воображением, довольно образованный и от природы очень талантливый, получил уважение к литературе и искусствам Италии. Ему приписывают учреждение *College de France* противопоставленного Парижскому университету. Университет оставался еще с средневековым направлением; здесь господствовал Аристотель, искаженный схоластиками, и старый еще догматизм: но в *College de France*, преподавание приняло более широкий характер; здесь началось обширное преподавание древней и восточной философии, математики и естественных наук; сюда явились представители гуманизма; сюда король звал Эразма, предлагая ему епископство. Далее, Франц основал королевскую типографию — это знаменитое заведение, откуда вышло так много превосходных творений и с таким великолепием. Наконец, относительно искусства, не имея времени входить в подробности, укажем на краткое и отчетливое изображение тогдашнего состояния искусств во Франции у *Henri Martin*. Одним словом, движение, обнаружившееся в умах, было чрезвычайно значительно. В нем приняли участие сам король, сестра его Маргарита Наваррская и многие из знатных лиц в государстве. Но результат этого движения, можно сказать, весь выразился в знаменитых творениях *Rabelais*. Его *Histoire de Gargantua et de Pantagruel* известна большинству публики более по названию; редкие теперь имеют и читают ее (прим. Русские переводы романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» появились впервые в конце XVIII в. (см. Франсуа Рабле. Повесть славного Гаргантюаса, страшнейшего великана. СПб., 1790).). Причина такого невнимания к одному из самых остроумнейших и гениальных произведений находится в трудности языка и беспрестанных намеках, которыми исполнено сочинение и которые непонятны читателю; потому к его сочинению издано уже несколько ключей, и все они оказались более или менее недостаточны, так что, несмотря на остроумие их, чтение их составляет большой труд. Не входя в подробности, укажем на главный характер *Rabelais*. Вы видите, с одной стороны, человека, стоящего совсем на иной почве, чем средневековые писатели. Он глубоко знаком с писателями классическими и с древностью в обширном значении этого слова. Он знаком не только с поэтами, ораторами, историками, он знаком с древними натуралистами, он медик, он богослов. У него чрезвычайно ясный и верный взгляд на многие стороны жизни, например, на воспитание; доселе немногие так ясно сознали задачу воспитания, как выразил ее он, рассказывая о воспитании своего героя. Но за этой серьезной стороной скрывается другая, не только насмешливая, но, можно сказать, исполненная презрения ко всему существующему. Он проводит пред читателем не только современные события и произведения, но самые понятия современные и глубоко смеется над ними. В смехе его есть что-то циничское, злобное; для него не было ничего святого. От того-то таковы были отношения его к современным ему партиям: он был равно ненавистен католикам и протестантам. Можно наверное предположить, что он неизбежно пал бы их жертвой, в особенности жертвой католических преследований, несмотря на весь свой индифферентизм, если бы его не поддерживали король и даже папа, уважавшие в нем гениальность. Это одно покровительство дало ему возможность умереть спокойно священником в Медоне. Что эти

античные идеи имели влияние не на одну только форму литературных произведений, что они порывались вырваться и проникнуть в жизнь и действие, видно из следующего события. Тотчас после смерти короля в Гиэни началось восстание из-за огромных поборов с жителей края: народ избил королевских сборщиков, но после первого взрыва, опамятавшись, испугался своего поступка, смирился и выдал зачинщиков, которые были казнены; одним словом, край снова успокоился. Но Генрих II не был этим удовлетворен. Он послал туда маршала Монморанси, того самого, который выжег весь Прованс во время войны с Карлом V. Он был известен своей жестокостью: но поступки его превзошли общее ожидание.

Тысячами казнил он людей, участвовавших сколько-нибудь в восстании, и если не участвовавших, то не сопротивлявшихся восстанию. Казни были ужасны: людей четвертовали, привязывали к колоколам вместо языков и звонили ими, одним словом, Монморанси показал здесь большую изобретательность. Но реакция не замедлила сказаться в умах: под впечатлением этого страшного события 20-летний юноша из Бордо Стефан ла Боэси написал книгу *La servitude volontaire*, всю проникнутую античными понятиями о государстве. Эти понятия, конечно, были неприложимы, но тем не менее то был крик глубоко оскорбленной души, поверявшей тогдашний порядок вещей другими идеалами, заимствованными из древности.

Таково было состояние Франции в эпоху, когда на престол вступил Генрих II. Ему было уже 29 лет; он был храбрый и добродушный государь, но лишенный больших способностей. Его окружали Монморанси, Гизы; наконец, всего более влияния на него имела его любовница Diane de Poitiers. Под этими влияниями прошло все его царствование, ознаменованное, правда, некоторыми удачами, сначала в войне 1552 г. с Карлом V, вследствие союза с Морицем Саксонским, когда Франции достались Мец, Туль и Верден; но потом, при Филиппе II, войны, прерванные на время перемирием, возникли снова. Французы потерпели два значительные поражения, при St. Quentin (1557) и при Gravelingen (1558 г.); коннетабль Монморанси и St. Andre попались в плен. Но Филипп II не воспользовался своими победами. Зато, с другой стороны, французы действовали успешнее. Англичане владели еще городом Кале, последним остатком их завоеваний, сделанных во Франции в XV столетии; отсюда они могли постоянно грозить Франции: Кале был отнят у них Францем Гизом благодаря неразумному вмешательству королевы Марии в дела своего супруга Филиппа, воевавшего тогда с Францией. Как бы то ни было, мир, которым кончилась эта война, не был все-таки выгоден для Франции (1558), Gateau Cambresis. Переговоры ведены были коннетаблем Монморанси и St. Andre, пленниками, старавшимися поскорей освободиться. Потому справедливо говорили, что они дали за выкуп свой более, чем Франц I в Мадриде. Положено было с той и другой стороны возвратить завоеванные места; посему со стороны Франции было возвращено 120 укрепленных городов, занятых в Савойе и Пьемонте, с правом только держать свои гарнизоны в некоторых городах. Для скрепления этого мира Генрих II отдал дочь свою за Филиппа II; но окончательная сделка совершена была 3 года спустя, в 1562 г. В делах внутреннего управления деятельность Генриха не представляла ничего особенно важного; здесь важны только отношения к протестантам. Их партия чрезвычайно усиливалась. В 1530 г. во Франции была только одна протестантская церковь; в последние годы жизни Франца II, то есть спустя 29 лет, церковей протестантских здесь было уже 2000. Протестантизм распространялся здесь не между массами городского народонаселения, где католическое духовенство имело большое влияние, поддерживая фанатизм и ненависть ко всем иноверцам; между крестьянами новое учение не находило также большого сочувствия; но оно принималось ревностно образованной частью среднего сословия и мелкими дворянами. Последние, отброшенные своей бедностью, лишенные влияния, принимали протестантизм как знамя для оппозиции, как сигнал к борьбе, в которой они могли бы восстановить права свои. Это была религиозная оппозиция для свободы от политического унижения. В ее рядах находились люди смелые, с неукротимой волей, что всего яснее можно видеть в *Essais de Montaigne*, где он рассказывает о воспитании своего отца. К этой же партии

пристало много людей, которые пристают ко всякой партии в надежде тревог или смут. Еще при Франце I началось гонение на протестантов. При Генрихе II число наказаний и казней увеличилось. Нельзя сказать, чтобы поводы к гонению были основываемы здесь на одном религиозном или политическом соображении: Диана Пуатье часто здесь имела свои цели, пользуясь конфискованными у протестантов имениями. Но протестанты не робели. В 1558 году они решились в Париже торжественно исправлять свое богослужение. Однажды ночью такое собрание окружено было толпою раздраженного католическим духовенством народа: протестанты смело вышли на улицу, дворяне, шедшие во главе их, мечом проложили себе дорогу; но лица низшего сословия были схвачены, многие пытаны и казнены. Надо было правительству думать о более общих мерах к уничтожению такого рода действий, и действительно, одной из статей Камбрейского мира была следующая: Генрих II обязывался с Филиппом II действовать вместе для пресечения ереси и высказал намерения ввести для этой цели инквизицию. Парламент высказал против этого сопротивление; король явился лично сам в парламент, чтобы личным присутствием своим подействовать на его решение; но в его присутствии двое из членов, Дюфор и Дюбур, высказали резко оппозицию, намекнув даже в словах своих на неприличную жизнь самого короля. Не выходя из парламента, король велел их арестовать и предать суду вместе еще с шестью человеками. Они приговорены к смерти. Но Генрих не дожид до исполнения этого приговора. По случаю праздника при дворе, выдачи дочери короля (прим. Здесь неточность: празднество было дано по случаю двойного бракосочетания, происходившего одновременно,— дочери и сестры Генриха II.), была карусель; король остался несколько раз победителем; к концу карусели в последний раз бился он с Montgommery; у Montgommery сломалось копьё, осколком попало в глаз королю и тот чрез два дня умер. Для Франции начались новые отношения.

Лекция 39 (14 Марта)

Преемником Генриха II был сын его Франц II; 16-летний юноша, ни по летам, ни по дарованию не стоявший в уровень с трудным положением дел тогдашней Франции. Мы видели, что религиозные идеи, уже изменившие политическое состояние Германии, врывались со всех сторон во Францию. Конечно, здесь они не принимались так жадно, не смешивались с национальными интересами, но тем не менее соединялись с видами и намерениями разных сословий. В парламенте новые учения нашли, если не ревностных приверженцев, то по крайней мере людей, соглашавшихся с ними. В высших образованных классах послышались мнения, резко противоположные интересам папства: эти мнения отстаивали права галликанской церкви против общего главенства папы. С другой стороны, протестантизм распространялся в замках дворян, которые готовы были по его поводу выразить свою неприязнь ко двору. Наконец, он распространялся быстро между образованными классами городского народонаселения; только лишь значительная часть низших классов осталась чужда ему, исключая Южную Францию, где легко соединялись с ним остатки альбигенского учения.

Мы уже видели, что Франц I, во внешней политике поддерживавший протестантов, в самой Франции был ревностным их гонителем. Эти гонения усилились при Генрихе: мы знаем, он велел взять под стражу некоторых советников парламента, между прочим, Anne Dubourg; он был судим и приговорен к смерти: но Генрих не дожид до его казни и Дюбур был сожжен в первые дни царствования Франца II. Протестантизм не пользовался во Франции никакими правами: это была ересь, подлежащая строгому суду государственных законов. Но некоторые фамилии, кроме сословий, воспользовались новым учением, чтобы подкрепить свои личные честолюбивые стремления. Мы должны характеризовать некоторые из них и начнем с членов самой королевской фамилии. Франц II, летами не зрелый, как сказано, был слаб умом и характером. Но на него имела огромное влияние последующая королева шотландская, знаменитая умом, красотой и несчастьем, Мария Стюарт, далеко превосходившая короля во

всех отношениях, но и сама она действовала также под внушениями других, именно дядей своих, Гизов. Другие члены фамилии, братья короля, были еще ниже его самого своим умом и влиянием. Но особенное внимание обращает на себя мать короля, вдова Генриха, Екатерина Медичис; в молодости своей и до старости она отличалась замечательной красотой, но при всем том Генрих не любил ее. По смерти его обнаружились ее блестящие политические таланты. Воспитанная примерами итальянских дворов, потом собственным чтением и размышлением, она усвоила вполне страшную теорию Макиавелли и приложила ее во Франции. Имя ее обыкновенно произносится со страшными эпитетами, но в новейшее время нашлись такие же горячие защитники ее. Мы не можем стать, безусловно, на стороне ни тех ни других; мы видим ее жертвою политического разврата тогдашнего времени. Она была отнюдь не хуже действовавших вокруг нее. Ключ к ее политике нетрудно найти: ее главным стремлением было стремление удержать на престоле свое семейство. Поставленная промежду враждебных партий, она старалась поддержать власть своего дома посредничеством, между обеими; этим объясняются частые измены ее и той и другой стороне. Но настоящей жестокости не было в ее характере, хотя, конечно, как все современники ее, она равнодушно смотрела на гибель личностей пред государственными интересами, как она понимала их. Но в эпоху тотчас по смерти Генриха она была еще бессильна своим влиянием; королева Мария сама находилась под опекой и влиянием дядей своих, Гизов. Герцоги Гизы были линией из дома Лотарингских герцогов. Они переселились во Францию и служили во французской службе. Во время, о котором говорим мы, они не напирали еще с особенной силой на свое происхождение от Карла Великого против Капетингов; эти притязания развились у них впоследствии в силу счастливых для них событий последующей эпохи, хотя, конечно, колоссальное честолюбие было всегда отличительной чертой их.

Подробная история их до нашего времени ждет достойного историка; только недавно некто Булье издал два тома истории Гизов, любопытную по фактам книгу, хотя сухая форма не делает ее занимательной (в 1848 и 1849 году *Histoire des ducs de Guise* (См. R. de Bouille. *Histoire des ducs de Guise*, vol. 1—4. Paris, 1849—1850.)). Двое из Гизов особенно играли тогда важную роль, и, во-первых, герцог Франц Гиз, знаменитый защитник Меца и покоритель Кале, пользовавшийся благосклонностью Франца I и Генриха II, хотя Франц I пред концом жизни разгадал его политику и говорил на смертном одре сыну: «Гизы пустят когда-нибудь потомков моих в рубашках по миру». Огромные заслуги обращали на него внимание всего народа, и по качествам своим он, конечно, обладал всем нужным для этого. Другой брат его был одним из вождей папской партии на Тридентском соборе, кардинал умный, хитрый, далеко превосходивший Франца жестокостью. Они-то имели неограниченное влияние при Франце II. Это влияние обнаружилось тотчас в самых жестоких гонениях на протестантов. Их нельзя обвинять в религиозном фанатизме; даже кардинал Лотарингский более принадлежал к партии, равнодушной в вере, нежели к фанатикам. У Гизов во все продолжение их исторической роли религия была только внешним поводом и оправданием поступков; они искали в ней только средство приобретать популярность. Другая фамилия, стоявшая так же высоко, была фамилия Шатильонов, в связи с фамилией Монморанси. Фамилия Монморанси, одна из древнейших, чрезвычайно усилилась при Франце I благодаря роли известного коннетабля Монморанси, человека весьма сурового и жестокого, но пользовавшегося значительным влиянием при короле. Эта фамилия не принадлежала ни к одной партии; мы увидим, что она сообразно с своими интересами переходила то на ту, то на другую сторону. Гораздо важнее своим влиянием была фамилия Шатильонов, особенно в лице Колиньи, знаменитого в истории последующих войн; несмотря на клеветы против него Капфига, этот адмирал был один из знаменитейших характеров и умов XVI столетия; с ним заодно действовал d'Andelot; третьим знаменитым членом этой фамилии был кардинал Шатильон, отличавшийся свободой мнений; несмотря на кардинальскую рясу, он вступил в брак, жену его называли M-me la Cardinale и тем не менее он долго исправлял католическую службу и пользовался всеми правами католического князя. Действительно, члены этой фамилии приняли с величайшим бескорыстием и преданностью

новое учение, хотя, конечно, у них нередко вопросы религиозные смешивались с политическими. Наконец, последней важной фамилией были потомки Людвига Святого — Бурбоны. Эта линия Капетингской династии значительно обедняла. Знаменитый коннетабль Бурбон поправил было дела своим выгодным браком, но потом еще ниже свел влияние своего дома изменой. Старший из них, Антоний, женился на наследнице короля Наваррского и носил этот титул, дававший ему, однако, мало влияния; другой брат был знаменитый Конде. Король Наваррский был очень недалеких способностей, случайно принял протестантское учение, но не мог дать ему большого веса; брат его был даровитый и смелый. После сказанного об этих семействах важно сказать еще несколько слов о средствах тогдашней аристократии. Не надо забывать, что членам этих фамилий раздавались в управление области, а губернаторы этих областей пользовались огромными правами и распоряжались с значительным самовластием провинциями, останавливая часто даже королевские распоряжения. Кроме того, эскадроны жандармов обыкновенно переходили, часто вследствие наследства, от одного члена аристократических фамилий к другому, так что несколько их отрядов часто находилось в руках членов одной фамилии. Если взять это все в расчет, мы поймем все средства и все влияние характеризованных нами семейств.

Еще при Франце II обнаружались первые попытки протестантов освободиться из-под тяжелого гнета, но эти попытки до такой степени связывались с личными интересами, что им нельзя было придавать серьезного значения. Особенно эти покушения были вынуждены жестокостью распоряжений и мер Гизов. Расточительность Генриха II ввергла Францию в долги; финансовой частью в это время управлял кардинал Лотарингский. Видя невозможность покрыть издержки и платить все долги, он велел поставить на дворе виселицу и объявил, что каждый, кто явится с таким неприличным требованием (долгов), тот будет повешен. В марте 1560 года обнаружился огромный заговор, вину которого сваливали на протестантов, но в котором в сущности участвовали и многие католики, этот заговор известен под именем Амбуазского и состоял в намерениях овладеть королевской фамилией, предать Гизов суду и смерти и поставить во главу правления людей, принадлежавших к недовольной партии. Но заговор был открыт, начальник его La Benandie погиб в схватке, большая часть протестантов перехвачена и казнена. В современных составленных мемуарах остались следующего рода рассказы, характеризующие жестокость тогдашней эпохи, соединенную с придворной некоторой утонченностью. Двор несколько времени должен был пребыть в Амбуазе, ибо боялся новых попыток, а это было твердое и надежное место. Сюда съехалось много придворных дам, а так как здесь им было очень скучно, то каждое после-обеда Гизы, чтобы занимать их, водили смотреть казни протестантов. Но в этом заговоре замешаны были король Наваррский и Людовик Конде: адмирал Колиньи знал о заговоре, хотя не принимал в нем личного участия. Королю должно было отделаться от них. Под предлогом собрания в Орлеане государственных чинов все они получили повеление собраться туда. Они предчувствовали свою участь; Колиньи даже простился со своей супругою уверенности, что едет на верную смерть. Конде тотчас по прибытию был арестован и предан суду; Гизы решительными мерами хотели доставить окончательное торжество себе и католической партии. Дабы устроить своих противников, они побудили суд произнести смертный приговор над Конде. Не доставало для решения только королевской подписи: но король вдруг занемог и умер (1560 г., 5 декабря). Дела приняли другой оборот. Влияние Марии Стюарт кончилось. Гизы должны были удалиться от дел, Мария скоро удалась в Шотландию, где ее ожидала трагическая участь.

Правительницей королевства явилась Екатерина Медичис в малолетство Карла IX (1560—1574). Она старалась поладить со всеми партиями. С этой целью она провозгласила Антония Наваррского, человека слабого и бедного дарованием, наместником короля в его малолетство. Гизам дано много обещаний. Монморанси и Шатильоны пользовались благосклонностью; Конде был освобожден. В Орлеан, между тем, собрались чины, ожидаемые с нетерпением народом, над которыми тяготела вся тяжесть тогдашнего управления: в продолжение последних

13 лет государство сделало 40 миллионов долгу, сумма огромная в то время. Партии католиков и протестантов действовали заодно против духовенства; духовенство должно было пожертвовать многими суммами, чтобы спасти только существенные права свои. Но королева более всего боялась, чтобы ее не устранили с места, ею занимаемого, и для того спешила провозгласить скорее совершеннолетие сына. Она отправилась в Руан, и тамошний парламент провозгласил совершеннолетие ее сына. Протестация парижского парламента, старавшегося выразить свое достоинство и свои права даже выше короля, были тщетною: ответ короля, внушенный матерью, был резок. Между тем отношение к протестантам становилось день ото дня затруднительнее: число их росло, политическая важность увеличивалась. Королева хотела устроить некоторого рода среднюю партию, вроде той, о которой замыслил Карл V; члены ее получили во Франции насмешливое название политиков *les politiques*: этим именем отличали людей, не имевших верований и убеждений. Но настоящий глава политиков был не таков: это был знаменитый канцлер Michel l'Hospital, представитель истинной умеренности и терпимости. Еще в 1561 году, вскоре после смерти Франца II, он пригласил в Пуасси знаменитых протестантских богословов и предложил им публичное прение с католическим духовенством. Прение это, как всегда бывает в таких случаях, кончилось ничем: обе стороны приписывали себе торжество, ни одна не хотела уступить. Но в следующем же году королева издала постановление, в котором протестанты получили свободу вероисповедания, исключая городов, с тем, впрочем, чтобы при их богослужении присутствовали королевские комиссары. Но такие уступки не могли не возбудить страшного негодования со стороны католиков строгой партии. Во главе их стали Гизы, к ним примкнули Монморанси. В 1562 г. пролита была первая кровь, может быть, вследствие случайного обстоятельства, не так, как описывают его протестантские историки. Франц Гиз, возвращаясь раз в свои поместил, прибыл в местечко Vassi, где протестанты совершали свое богослужение в некоторого рода большом сарае. Люди Гиза пришли туда и начали смеяться, началась драка, свита Гиза была вооружена, у протестантов не было оружия; число погибших простиралось до 70, раненых еще более. Но молва скоро преувеличила дело, жертвы считались сотнями и тысячами. Но событие это оказало важные последствия: дело в том, что протестанты перестали надеяться на обещания королевы и готовились к войне. При дворе образовался могущественный триумvirат католический из Гизов, маршала St. Andre и Монморанси. Король Наваррский стал также по слабости характера на стороне противников протестантизма. Он открыл осаду Руана и умер здесь. Вслед за этим последовала смерть Франца Гиза, событие очень важное для тогдашнего времени. Он был убит в то время, как осаждал Орлеан, в котором засели протестанты, одним молодым юношей, кальвинистом и дворянином из Angoumois, по имени Poltrot de Mere. Затаив свое намерение, последний явился в лагерь к Гизу, предложил служить у него, и, когда тот возвращался раз домой с малой свитой, убил его. Казнь его, как следовало ожидать, была страшной. Но такие примеры, как мы уже видели и еще увидим, повторялись часто. Теории, развивавшие такого рода мнения, были многочисленны: с одной стороны, теория Макиавелли оправдывала всякое преступление в пользу государственного блага, и это благо понималось многими относительно и по-своему; с другой стороны, теория иезуитов оправдывала всякое преступление для блага религиозного, как будто религия могла допускать их. Эти учения отозвались и у протестантов, и у них нашлись такие же теоретики. Но смерть герцога Гиза легла бездною между протестантами и католиками. Католики обвиняли адмирала Колиньи, будто бы подославшего Poltrot de Mere: это мнение, недоказанное и несогласное с самим характером Колиньи, тяготело над ним во всю его жизнь и было даже отчасти виною его смерти. Первая война после смерти Франца Гиза кончилась перемирием, по которому протестанты получили еще несколько более прав, чем прежде.

Лекция 40 (16 Марта)

Мы сказали, что в первую из религиозных войн, начавшихся во Франции, погибло двое из вождей движения, Антоний Наваррский и Франц Гиз. Война кончилась миром, заключенным в 1563 году, статьи коего были изданы под именем Амбуазского эдикта. Этим эдиктом протестантам дано право свободного богослужения внутри Франции за исключением Парижа и парижских окрестностей. Но мир был непрочен. В продолжение следующих 3-х лет за ним партии действовали друг против друга тайно и явно, осыпали друг друга упреками, и в 1565 году война вспыхнула снова. Внешним поводом ее была поездка Екатерины Медичис с сыном по Франции. Явно было, что королева лично хотела сблизиться с духом народа, лично войти в сношения с начальниками провинций. Заметим, что она более беседовала с начальниками католической партии, с Таванном (Tavannes) и другими, которые тогда уже составляли нечто вроде лиги. В Байонне Екатерина имела свидание с Альбою. Многие историки думают, что Альба, тогда отправлявшийся в Нидерланды, дал ей совет, исполненный через 7 лет в Варфоломеевской ночи. Подробности их совещаний не Дошли до нас; достоверно только одно, что план Варфоломеевской ночи был составлен не тогда, а позже, что такие мысли не входили еще тогда никому в голову из лиц правительственных. Во всяком случае, это сближение правительства с католиками и испанцами подало протестантам повод к новой войне. Исчисление событий тогдашних религиозных войн до конца столетия с их причинами было бы совершенно бесполезно, тем более, что причины и поводы отдельных войн ничего не значили. Необходимость войны лежала в самом отношении партий, которые рады были каждому поводу и случаю. Война следующего года кончилась миром в Longjumeau (1568 г.), потом в St. Germain'e (1570). Прежние главные вожди партии сошли со сцены: принц Конде был убит, Монморанси и St. Andre также. В начале 1570-х годов вождями были два

Юноши, сын Антония Наваррского Генрихи сын Конде. Но эти юноши сами еще не в состоянии были вести дела протестантизма во Франции и потому главным начальником протестантов и душой их партии был старый, опытный адмирал Колиньи. Он был не только искренне убежден в правоте своих верований, но вместе с тем был и искренним патриотом. Междоусобия, терзавшие Францию, глубоко огорчали его. После мира в Сен-Жермене он старался сблизиться с двором. Не без сильного также содействия с его стороны сблизился Генрих Наваррский с Екатериной, результатом чего был брак с единственной дочерью Екатерины Маргаритой Валуа, знаменитой красотой, легкомысленным поведением и умом (она оставила замечательные мемуары). Вожди протестантской партии собрались в Париж ко двору летом 1571 года. План Колиньи и других вождей гугенотов приходил к осуществлению: они показали Карлу IX весь вред, происходивший для государства от долгих междоусобий, трудность совершенно одолеть протестантскую партию и, с другой стороны, цель, с которой можно было бы соединить разрозненные в борьбе силы Франции, именно указали на Нидерланды, где тогда шла борьба с Испанией. Туда хотел устремить все силы Колиньи; отсюда были уже послы, которые предлагали королю освободить Нидерланды от ненавистного ига; притом это было лучшим средством сбыть накопившуюся массу беспокойных и мутивших государство сил. Предприимчивый и умный король склонялся к убеждениям: он в первый раз слышал истинные умные советы. Начальник Нидерландского восстания Вильгельм Оранский охотно помог бы Франции уже по одним своим личным связям: он был женат на дочери Колиньи. Король ежедневно виделся с адмиралом, беседуя с ним о предстоящем походе, как вдруг Колиньи, возвращаясь один раз домой из Лувра и проходя мимо дома Гизов, был ранен выстрелом из окна (22 августа 1572 г.). Убийцею (прим. Здесь неточность: Моревель лишь ранил Колиньи.) был один из дворян, бывших в службе у Гизов, Моревель, ибо он тотчас ускакал из Парижа. Роль, которую он играл в тогдашних событиях, хорошо характеризуют нравы того времени, он часто езжал в провинции с поручением убить ту или другую особу, так что его звали le tueur du roi (прим. франц. "Королевский убийца").

Нет сомнения, что Гизы мстили этим за смерть отца, подозрение в которой падало главным образом на Колиньи, как заметили мы выше. При вести об этом событии Карл пришел в

бешенство: он сам присутствовал при перевязке раны и клялся отыскать и строжайшим образом наказать виновных, но этого не допустили. При дворе образовалась небольшая партия, боявшаяся более всего сближения Карла с протестантами; во главе ее в эту минуту стояла Екатерина. Мы знаем, что она старалась сохранить равновесие между обеими партиями и потому постоянно приставала к слабейшей, чтобы другой не дать слишком усилиться. В настоящую же минуту протестантская партия получила перевес: дерзкая попытка Гизов поставила католическую партию в опасность, а между тем, с падением Гизов последняя лишалась главных вождей своих. Медлить было нечего и ясно, какую сторону должна была принять Екатерина. С королевой действовали несколько итальянцев, проникнутых политическими понятиями своей Родины, и сын ее, герцог Генрих Анжуйский; мы увидим впоследствии ближе эту странную личность. Они-то составили план Варфоломеевской ночи (прим. См. подробнее: Т.Н. Грановский, Соч.М., 1900, стр. 552-554.). О ней писали много, как современники, так и писатели последующего и нашего времени. Событие это подверглось разного рода приговорам: не только между современниками, но и между писателями нашего времени находились такие, которые хвалили политическую идею Варфоломеевской ночи и оправдывали ее. Самые полные исследования, совершенные на основе богатых материалов, доказывают, несомненно, что план Варфоломеевской ночи не был результатом долгих соображений, но созрел внезапно вследствие страха со стороны католиков. Екатерина Медичис хотела отклонить опасность, грозившую ее планам вследствие перевеса протестантов. Ее расположением воспользовались горячие католики и склонили самого короля к жестокому делу. Не далее, как за несколько дней, король, который был очень умный государь, но раздражительный до болезненности, склонился принять участие в этом намерении. Обвинения на него в этом случае оказываются не вполне клеветами: это доказывается его предписаниями, сделанными за несколько дней пред сим в города, чтобы не пропускать бежавших протестантов. Можно было заметить, что что-то такое заготовлялось, об этом даже не мог совсем не знать Колиньи: но протестанты не принимали никаких мер. Король, праздновавший недавнее свое бракосочетание, также немного обращал внимания на приготавливавшееся. 23-го августа 1572 г., в самый день убийства, начальникам парижских кварталов велено собрать жителей этих кварталов, католиков, дать им особенные знаки, по которым они бы могли узнавать друг друга, отдать приказание им вооружиться и ждать вестового колокола, после которого герцог Гиз дает им особое приказание: какое было это приказание, никто не знал. Екатерина и те лица, которые были посвящены в тайну, ждали с немым страхом удара колокола. Когда ударили, король велел остановить исполнение: но было уже поздно, уже раздались выстрелы. Одной из первых жертв был Колиньи, убитый одним чехом, бывшим в службе у Гизов. Вообще в это время во Франции было много беспокойных иностранцев, искателей приключений. Замечательно, что в числе лиц, составлявших план Варфоломеевской ночи, почти не было французов, большей частью это были итальянцы. Но народ парижский, раздраженный прежней борьбой с протестантами, горячо взялся за это дело. Убийства продолжались всю ночь (на 24-е августа, на день святого Варфоломея). На другой день Карл, испуганный, велел остановиться; на третий день он велел опять продолжать: видно было, что он сам колебался в этом деле. Число падших жертв было, конечно, преувеличиваемо некоторыми протестантскими историками: но по большей вероятности во всей Франции во всяком случае пало более 30 тысяч. В числе их было много отличных людей, не одних протестантов, но и католиков: тогда совершено было много страшных дел из личных страстей и ненависти. Но не во всех городах это дело бы принято одинаким образом; правитель Байонны, виконт де'Ортез так отвечал на приказание короля убивать всех гугенотов: «Я сообщил приказание вашего величества войску; все они готовы умереть за вас, но между ними нет палачей». Во многих местах начальники не допустили убийства. Но впечатление, произведенное этим событием, было ужасное. Елизавета Английская, получив о нем известие, хотела даже выслать французского посла из Лондона, и когда его приняла потом, то вышла в трауре. Тесть короля, Максимилиан II, бесспорно, один из самых благородных и просвещенных людей тогдашней Европы, горько жаловался на это событие и не одобрял его. Зато в Риме и Мадриде его праздновали молебствиями и освещением

города. Ученые обеих партий уже тогда писали много pro и contra. Во всяком случае, если допустить деление преступлений на полезные и бесполезные, то дело Варфоломеевской ночи принадлежит к числу бесполезных преступлений: оно не утешило, но только раздражило вражду протестантов.

По всем концам Франции протестанты взялись за оружие: долее всех мест они держались в Ларошели. Королевское войско бесплодно осаждало эту крепость под начальством Генриха Анжуйского. Генрих рад был удалиться от этой осады: его звали на престол в Польшу. Личное здоровье Карла было сильно расстроено событиями 1572 года и уже не восстанавливалось после. Он страдал жестокими угрызениями совести; ему виделись во сне трупы убитых, он умер через два года (1574 г.) под впечатлением этого событий. Король Наваррский находился при дворе заложником; он должен был переменить веру и, по-видимому, забываясь в забавах с придворными фрейлинами. (Это было одно из могущественных орудий Екатерины Медичис: чрез них королева легко могла узнавать тайны молодых дворян и особенно гениального, но чрезвычайно влюбчивого короля Наваррского).

Преемником Карла был брат его Генрих Анжуйский, позорно бежавший из Польши и столь же позорно царствовавший во Франции. Это была странная личность, характеризующая одну из сторон того века. Ему нельзя отказать в некоторых талантах и храбрости; он выиграл у протестантов две большие битвы (1 - при Jarnac; 2 - при Moncontour). И хотя здесь много ему помогли католические вожди, но он оказал тем не менее и важную личную отвагу. Смолodu он отличался особенно двумя качествами: до крайности развитою страстью к чувственным наслаждениям и страшною склонностью к кровавым зрелищам. Он был одним из главных участников дела Варфоломеевой ночи. Но, по-видимому, чрезмерное напряжение сил в молодости охладило его силы и способности в летах зрелых: ему нужны были крайние средства для оживления и возбуждения. Он проводил часто ночи в неслыханных оргиях; потом после них он ходил молиться, переходя от страшного разврата к строгому аскетизму. Порою находили на него припадки какого-то сумасшествия: тогда он изучал, например, строго латинскую азбуку, принимал послов с корзиною на веревке, в которой было штук пять щенят. От времени до времени прорывались в нем проблески ума, но вместе с тем кровожадной воли. Любовью народа он не пользовался; его окружала толпа дворян, разделявших его несчастье, напоминавшие язычество оргии; эти дворяне носили название *les mignons* (прим. *Les mignons* - франц. "любимчики"). Наградю за такого рода услуги был часто герцогский титул, и Генрих наделал более герцогов, чем все его предшественники вместе.

А, между тем, события принимали все более и более грозный характер. Война кончилась тем, что протестантам даны были все те права, которыми они пользовались до Варфоломеевской ночи; сверх того в парламенте они получили право иметь несколько своих членов, которые в соединении с некоторыми католиками должны были решать все тяжбы между католиками и протестантами *Chambres miparties* (прим. *Chambres miparties* - палаты, куда входили католики и гугеноты, род арбитражного органа.).

Следовательно, Варфоломеевская ночь не привела за собой никаких выгодных для католиков результатов. В 1575 году открылась еще новая опасность для королевского дома: в нем самом произошло раздвоение. Младший брат Карла Франц Алёнсон'ский бежал и стал во главе умеренной партии, в которой стоял Монморанси; эта партия состояла из нескольких знатных фамилий. В начале 1576 года ушел доселе державшийся под надзором Генрих Наваррский. Нам известна уже участь отца его, человека чрезвычайно слабого и малодушного, имевшего только одно, очень обыкновенное тогда качество, военную храбрость. Но сын был воспитан не отцом. Когда он родился, дед его, d'Albret, напоил его вином и дал попробовать чесноку. У того-то деда воспитывался Генрих, и, надо сказать, d'Albret воспитывал его так, как будто разделял мнения Ж.-Ж. Руссо в его Эмиле. Будущий король воспитан был вместе с пастухами в чрезвычайной

простоте нравов. Но к этому присоединились некоторые домашние влияния: мать его, Жанна d'Albret, женщина сурового, большого ума, до фанатизма преданная протестантским мнениям, с одной стороны, и отец, равнодушный к вероисповеданию, с другой, — оспаривали свое влияние на ребенка. Ребенок со своей стороны воспитал в себе недоверчивость к той и другой стороне и впоследствии перешел к совершенному равнодушию в религиозных вопросах. Одной из первых книг, служивших ему для чтения, был французский перевод Плутарха, сделанный его учителем Amiot (Амио). Во все продолжение своей жизни он любил потом Плутарха, прибавив к нему впоследствии книгу Макиавелли о государе. Отличительной чертой его, когда он вступил на политическое поприще по смерти отца, был необычайно ясный и здравый смысл, доходивший до гениальности в прозрении событий, потом храбрость до безразсудности, находчивость и острота выражений, так высоко ценимые французами, наконец, вся та внешняя добродетель, которой они часто прикрывают недостаток истинной внутренней доброты. Мы увидим впоследствии, что данное ему прозвание le bon roi Henry IV (прим. Bon roi Henri IV - добрый король Генрих IV (франц.)) не совсем принадлежало ему. После Варфоломеевской ночи он 4 года провел под строгим надзором при дворе, принужден был отказаться от прежней религии и совершенно предавался страстному пылу южной натуры своей, к чему много способов предоставляла окружавшая его придворная жизнь. В начале 1576 года он бежал, перешел снова в протестантизм и стал во главе протестантской партии. Ему нужна была какая-либо партия, а другой он не мог иметь в ту минуту. Хотя он был ближайшим родственником королевской фамилии, но на престол он не имел надежд, ибо жив еще был Франц Алансонский. Но замечательно, что в то самое время, как он стоял во главе протестантской партии, он ясно обнаруживал, что не верит в возможность решительной победы протестантизма: он не обнаруживал вовсе религиозного фанатизма. В двух, трех его письмах выражены религиозные чувства, но в новейшее время доказано, что эти письма писаны не им, а Дюплесси-Морне, одним из ревностнейших и суровых представителей протестантского направления того времени во Франции.

Лекция 41 (18 Марта)

Мы видели, что в 1576 г. король Наваррский Генрих бежал из-под надзора, в котором держали его Екатерина Медичис и Генрих III, и стал снова во главе протестантской партии, оставив католицизм, к которому был принужден обратиться после Варфоломеевской ночи. Гугеноты действовали в то время заодно с партией политиков. В том же году состоялся мир, которым гугенотам предоставлено было много частных прав, право иметь свои вооруженные города, исправлять богослужения в городах за исключением Парижа, иметь своих советников в парламенте (Chambres miparties). Вообще должно сказать, что эти условия повторялись почти в каждом из многочисленных миров между протестантами и католиками. От 1576 - 1584 г. Генрих Наваррский живет частью в своих владениях в Беарне, частью в провинции, в которой он был наместником, в Гиэни (Guienne). Он держит строго изданные мирные постановления, равно наказывает нарушителей их — протестантов и католиков; в нем нет того религиозного фанатизма, который так сильно развивался вокруг него: многие лица, принявшие его прежде по расчетам, теперь ожесточились и война принимала жестокий с обеих сторон характер. Впрочем, в продолжение этих восьми лет мир часто прерывался. Положение партии в сущности не изменилось, но возникло одно великое учреждение, которое могло иметь бесконечно великое влияние на всю последующую историю Франции, — это Лига. Мы видели характер Генриха III: им недовольны были все подданные, кроме небольшого числа любимцев (les mignons). Еще при Карле IX Таванн и некоторые другие вожди католической партии выразили мысль составить союз с целью противодействовать успехам протестантов: этот союз образовался в 1576 г. Кто был его виновником, отвечать невозможно; хотя много писали об этом, но мысль о такого рода великих учреждениях возникает не вдруг и не в одной голове. Самым деятельным, впрочем, лицом здесь был парижский адвокат Давид, мало известный. Он ездил несколько раз в Рим,

хлопоча об этом учреждении, переезжал от одного вождя католической партии к другому, склоняя их к союзу. Важно одно, что он был близкий человек к семейству Гизов, следовательно, интересы Гизов совпадали с образованием Лиги. Цель союзников была следующая, она высказана была начальником пикардийских городов, Яковом д'Юмвьером (d'Humieres): «Лига должна защищать религиозные и государственные учреждения в прежних их формах»; последние слова по самой неопределенности своей заключали нечто грозное против правительства. В Лиге приняли участие 9/10 целой Франции, центром был Париж; муниципальное устройство делало его наиболее способным к той роли, которую он начал играть в Лиге. Масса народа, особенно низшая, была глубоко проникнута здесь католическими идеями. В Париже, несмотря на то, что он никогда не был общиной, муниципальные учреждения носили свой средневековый характер: цехи выбирали своих начальников, была городская милиция, город разделен был на 16 кварталов, во главе их стоял выборный от горожан. Вся администрация города находилась, следовательно, в руках последних. В эпоху католического движения против протестантов все лица городского управления были выбраны из католиков. Таким образом, городское парижское правительство стало во главе Лиги. Это повторилось в большей части городов французских; везде магистрат был выбран из ревностных католиков: образованная и наклонная к протестантизму часть среднего сословия должна была замолкнуть. Движение масс было слишком грозно, и на эти массы со всей силою действовали католические проповедники, большей частью из Ордена иезуитов. Это была странная, не лишенная некоторого величия эпоха в истории духовного красноречия во Франции; в числе деятелей было много талантливых проповедников, страстно увлеченных против реакции католицизму; все они готовы были жертвовать собой, чтобы доставить торжество католическим идеям (мы имеем об этом превосходную монографию *Essaisur les predicateurs de la Ligue, par Labitte*). Новейшие историки Франции хотели найти одну какую-либо идею в Лиге, стремление бесполезное, ибо ее цели и намерения были разнообразны; только одна идея религиозная была здесь. К ней приступили и лица, принадлежащие к партии политиков, из страха, чтобы найти только безопасность. Но одно можно наверное сказать, что Лига не остановилась бы ни пред чем в своем начале; для нее самая монархия в случае противодействия потеряла бы свою святость. Главою Лиги был герцог Генрих Гиз, но главою непризнанной явно. В самом деле, это был замечательный человек, достойный стать во главе движения. Сын того Франца Гиза, который погиб под стенами Орлеана, Генрих имел все качества, нужные для вождя партии: очень красивый собой, красноречивый, смелый, носивший личину фанатизма, бесконечно честлюбивый и чрезвычайно умный. В народе уже ходили слухи, что он даже имеет более прав на престол, чем Генрих Валуа; составлялись родословные, доказывавшие превосходство прав его. Нужно заметить к тому, что вообще Гизы обладали в высшей степени способностью действовать на умы народа и настраивать их сообразно со своими целями. Зато и народ был редко кому-либо так предан, как Гизам; один современный историк говорит: «*la France etait folle de cet homme, elle etait amoureuse de lui*» (прим. «Франция обезумела от этого человека, она была влюблена в него»). В самом деле Франция казалась влюбленной в Гиза. Когда Генрих III узнал о составлении Лиги, он смутился; он понял, что она ему грозила столько же, как протестантам, и спешил предотвратить грозившую опасность; по-видимому, он проснулся от долгой праздности, он принял благородные меры и первым подписался в числе членов Лиги и объявил себя ее главою. На время он устранил таким образом Гиза. Но эта роль - не былая роль Генриха, лишённого постоянной энергии: он мог просыпаться только на время от своего усыпления. В 1584 г. умер герцог Алансонский, брат Генриха III и наследник престола (у Генриха не было и не могло быть детей). Тогда отношения партии приняли другой характер: ближайшим наследником престола оказался еретик, отступник, Генрих Наваррский. Лига торжественно объявила, что она никогда не признает королем отступника; папа, чтобы обеспечить себя с этой стороны, произнес новое проклятие над королем Наваррским. Все пути к престолу были таким образом заграждены для последнего. Но за него действовали события. Вынужденный Лигой объявить ему войну, Генрих III вел ее вяло и несчастливо, в чем он, впрочем, был не совсем виновен, ибо главная причина неудач заключалась в недостатке денег.

Часть некоторых успехов против протестантов, именно поражение немецких протестантских войск, шедших на помощь, досталась опять-таки не ему, а Генриху Гизу: зато в церквях проповедники сравнивали короля с Гизом, как Саула с Давидом. Волнение росло в городах; требовали решительных мер против протестантов, требовали, чтобы Гизу вверено было начальство в войне и чтобы ему доставлены были к тому средства. Король не мог сделать ни того, ни другого, ибо, во-первых, это значило бы ему решительно отказаться от престола, а, во-вторых, ему неоткуда было взять денег. Более всего боялся Генрих прибытия Гиза в Париж. Он послал сказать последнему, чтобы не являлся сюда; но у него не было денег, чтобы послать это приказание с курьером, надо было послать по почте. Получил ли Генрих Гиз это письмо, или он разъехался с ним, это неизвестно, но только, несмотря ни на что, он прибыл в Париж 10 мая 1588 г. Драматический рассказ о событиях этих майских дней мы находим у итальянца Давиды (Davila), близкого человека ко двору Екатерины Медичис. Когда Гиз приехал в город, народ встречал его как спасителя; женщины осыпали его цветами, обливали благовониями. «Ты здесь, - говорили ему, - и мы ничего не боимся». Навстречу ему пели: «Благословен грядый во имя господня...» Народ только что не нес его на руках. Когда Генрих узнал о его прибытии, он побледнел и закрыл лицо руками. При нем были в эту минуту два советника, итальянец аббат del Bello и корсиканец Орнано. Они тотчас дали королю совет пригласить Гиза и зарезать его; аббат подкрепил этот совет даже текстом: «Поражу пастыря и разыдутся овцы». Король был готов последовать совету, но, несмотря на неоспоримое личное мужество, он не решался: дело, точно, было трудное при тогдашней настроенности духа в народе. Когда Гиз представлялся королю во дворце, он был также бледен; проходя сквозь ряды телохранителей, он кланялся, ему не отвечали; начальник их Крильон сурово и грозно посмотрел на него. Генрих встретил его строгими упреками — зачем он приехал в Париж; Гиз поспешил окончить свидание и удалиться. На другой день он снова явился во дворец, но уже в сопровождении 400 дворян, вооруженных пистолетами и кинжалами, и тогда он говорил уже другим языком. 12 мая король решился подавить движение в Париже, швейцарские войска заняли главные тракты города: но это было уже поздно — везде возникли баррикады. Войска должны были отступить, король бежал. Униженный, опозоренный, он клялся возвратиться в Париж, но уже не иначе, как чрез пролом. В планы Гиза вовсе не входило бегство короля, и в эту минуту он, конечно, мог уже думать о принятии королевского титула. Но для него чрезвычайно важно было овладеть особою Генриха III. Впрочем, дела его шли так, что успех казался только отсроченным. В октябре король собрал чины в Блуа; Генрих Гиз отправился туда спокойный, смело надеясь на дворянство и зная, что чины будут на его стороне. Но там ждало его дело, которого он не рассчитывал в своей самонадеянности. Генрих решился убить его. Он предложил об этом Крильону. Тот отказался; тогда он обратился к одному из незначительных офицеров, и тот согласился. 23 декабря (1588 г.), в день, определенный для заседания чинов, Гиз получил вдруг повеление поспешно явиться к королю, он отправился в кабинет его. Накануне еще он получил несколько предостерегательных записок; одну из них он прочел, улыбнулся и сказал: «Он не посмеет». Но, когда он вошел в комнату пред кабинетом короля, он заметил, что затевается что-то недоброе; дворяне смотрели на него такими глазами, которые не предвещали хорошего, когда он проходил мимо них, они положили руки на шпаги. Гиз подошел и положил руки на замок: в эту минуту его ударили сзади, и в несколько ударов он был убит. Король вышел из кабинета, толкнул его тело ногой и сказал: «Как велик он! По смерти кажется еще больше». Чрез несколько часов был убит кардинал Лотарингский. Ему дали время на молитву, закрыли голову плащом и расстреляли. Несколько приверженцев Гизов были также убиты. Но эти убийства также мало достигли цели, как убийства Варфоломеевской ночи. По всей Франции раздался общий клик негодования: Генриха называли убийцей. В Париже Сорбонна объявила короля лишенным престола; члены парламента, противоречившие решению, были взяты под стражу; президент d'Harly, двое его товарищей и 60 советников были отведены в Бастилию.

Генриху III не оставалось никаких средств к усмирению мятежных подданных; он решился броситься в объятия протестантов и отправился в лагерь к Генриху Наваррскому. Этот поступок

переменил совершенно отношения последнего. Доселе он стоял во главе протестантов, которые не могли ожидать победы, составляли меньшинство и в политическом смысле имели мало весу и значения: теперь король отдает себя в руки этой партии; Генрих Наваррский является защитником законной власти. Оба короля отправились вместе и осадили Париж в 1589 году. Город был обложен войсками, но он защищался упорно. В нем, кроме того, стоял уже испанский гарнизон: Филипп II вмешался в дело и помогал им деньгами, он надеялся, что по смерти Генриха вступит на французский престол дочь его Изабелла, которую он хотел выдать замуж за одного из Гизов. Тем не менее осада шла успешно. Но в лагерь короля Генриха явился некто Жак Clement, молодой доминиканский монах, с письмами из Парижа; он был допущен к королю, и в то время, как тот читал письма, он вонзил ему нож в живот (1 августа): фанатические страсти, разогретые иезуитами, производили плоды.

Франция оставалась без короля, хотя права на престол получил теперь Генрих IV; но между ним и престолом стояла религия и та партия, которую он не мог оставить теперь, не оскорбив ее. С другой стороны, фамилия Гизов была еще могущественна, хотя между членами не было совершенного согласия видов и целей. Сверх того надобно было силой или обещаниями привлечь на свою сторону правителей областей, которые, пользуясь ослаблением монархического начала, действовали в своих провинциях с самостоятельной властью. Католические офицеры и войска, прибывшие в лагерь протестантов с Генрихом III, объявили, что они будут служить Генриху IV только в течение срока, данного им для решения. «Лучше умереть, чем служить королю гугенотов»,— говорили они ему в лицо. И здесь-то обнаруживается уже вполне характер Генриха Наваррского; он колеблется перейти к католицизму не из внутреннего убеждения, а только потому, что выискивает средства, как бы сделать дело повыгодней для себя. Немногие могли бы быть так равнодушны к религиозным вопросам, как Генрих. Он сам острил впоследствии над своим переходом к католицизму. Но это дело надобно было сделать при благоприятных обстоятельствах: и Генрих ведет переговоры с одной стороной, показывая в то же время, что готов защищать оружием права другой. Битвы при Арке и Иври (Jvry) доставили ему много славы и привели в его лагерь многих католиков. В июне 1593 года он отказался от протестантства. В следующем году Париж отворил ему ворота: это событие требует подробного объяснения. Мы видели, до какой степени были раздражены религиозные страсти. Лига имела на своей стороне все условия успеха; пока она прикрывалась идеей права, она имела сильное значение для народа. Но, когда погиб Генрих Гиз, тот из Гизов, который мог вести массу и давать ей идеи и который в самом деле, кажется, становился во главе среднего сословия Франции, когда погиб Генрих Валуа, законным королем явился Генрих Наваррский. Ему не доставало только религиозного освящения: он выразил готовность принять католицизм. Право теперь было на его стороне. С другой стороны, действия Филиппа II против Генриха служили в пользу последнего, войска испанские вступили во враждебные отношения с лигистами: чувство национальной гордости протестовало против королевы-иностранки; среднее сословие, игравшее такую роль в Лиге, было оскорблено гордостью испанских дворян. Наконец, это движение приняло характер демократической революции; сначала парижский парламент и Сорбонна имели большое влияние на массу; но в течение пятилетней борьбы с королем в Париже взяла верх демократическая партия. Начальники кварталов были избраны из самых рьяных лигистов, частью из низшего сословия, чтобы держать в повиновении, они прибегнули к мерам страха: двое из членов парламента были повешены, другим грозило тоже. Тогда среднее сословие парижское испугалось, вошло в сношения с Генрихом. Это движение общественного мнения выразилось в литературе. Несколько молодых людей, между ними знаменитый впоследствии трудами другого рода Питу, соединились в Париже для литературных трудов: возник политический памфлет под названием «la Satire Menippree» (прим. П. Питу (1539 - 1596) - юрист и публицист, известен главным образом своими работами в области права. Он был также автором ряда политических памфлетов и одним из соавторов «Менипповой сатиры», анонимного памфлета, направленного против Католической лиги (см. P. Pithou. La Satire Menippree. Tours, 1594).), чрезвычайно остроумный, исполненный того здравого смысла,

который так сильно действует на народ. Среднее сословие затронуто здесь было умно, ловко и метко. Pamфлет распространялся быстро, высказывая затаенные чувства среднего сословия: в нем указывалось на упадок материального благосостояния, одним словом, на все преимущественные интересы последнего. Этот памфлет помог Генриху IV столько же, как выигранные им победы. В мае 1594 года начальник Бастилии Brissal продал ему город за 1600000 ливров. Его называют предателем, но в сущности он был только исполнителем намерений среднего сословия, он продал королю то, что и без того принадлежало ему. Вскоре Генрих IV поспешил вступить в сношения с папою, но страсти, разожженные Лигой, еще не утихли, мы увидим последствия.

Лекция 42 (23 Марта)

Мы видели, что Генрих IV проложил себе, наконец, дорогу к престолу вторичным обращением своим к католицизму. Провозглашенный по смерти Генриха III дядя Наваррского короля кардинал Бурбон под именем Карла X был слишком незначительный, притом преклонных лет старик, не имевший влияния и могущества. Фамилия Гизов, долго стоявшая во главе судеб Франции, разделилась по смерти двух братьев, убитых в Блуа. Глава этого семейства герцог Майень (Mayenne) вел не без чести войну против Генриха IV, но не решался идти той же дорогой, какой шли более даровитые его отец и брат, так что, в сущности, Генрих не имел уже себе серьезного противника, между тем как испанская партия встречала себе много сопротивлений в национальности французской. В 1594 г. Генрих IV вступил в Париж. Сверх его побед и политических переговоров, которые вел он так искусно, ему много пособило изменившееся направление общественного мнения: Лига потеряла приверженцев между средним сословием, испуганным решительными поступками черни, повесившей нескольких из членов парламента. Во главе низшей массы стояли 16 начальников кварталов и несколько фанатических легистских проповедников, но во мнении среднего сословия совершилась перемена. Признаков перемены было достаточно; между прочим, обличал ее упомянутый нами памфлет под именем сатиры Мениппейской. Несколько молодых людей, его сочинителей, пародировали в нем различные направления Лиги, влагая в уста вождей ее задушевные их мнения. Конечно, Лига представлена здесь с смешной стороны, но в этой книге было много и нравственного смысла: она была великим фактом, выразившим общественное мнение и, в свою очередь, подействовавшим на него. Многим она объяснила тайну их собственной мысли. В следующем же, 1595 г. Генрих помирился с папой, хотя он возвратился уже прежде к католицизму: торжественный обряд возвращения совершен был нельзя сказать, чтобы почетным для короля образом.

Таким образом, король Наваррский достиг той цели, к которой так осторожно и ловко шел он в продолжение многих лет, достиг, несмотря на все препятствия, с которыми должен был бороться в качестве еретика и которые, с другой стороны, представлялись ему со стороны Гизов. Он сел на престол, благословенный папою, принятый средним сословием. Но в массе осталось чувство недовольства и фанатической ненависти к отступнику: этому свидетельством служила попытка на жизнь короля Шателя (Chatel). Замечательно, что общественное мнение при каждом событии такого рода указывало на иезуитов как его виновников. Убийцы, конечно, не все были подучаемы членами этого ордена, но ответственность точно лежала на них вследствие их роковых учений.

Война с Испанией шла вяло и кончилась миром в Вервене (Vervins) 1598 г. Со стороны Испании этот мир был признаком бессилия: она должна была отказаться от той великой роли, которую играла в 16 столетии. С тех пор она сошла со степени первоклассных держав Европы.

В том же году, закончившим французские войны, не прерывавшиеся целое столетие, ибо мир, заключенный чрез три года с герцогом Савойским, не имел большого значения, так как самый враг не был опасен Франции, издан был достопамятный Нантский эдикт, которым протестанты получили свободу отправлять свое богослужение. Но этим не кончились вознаграждения, которыми должен был король помогавшей ему партии. Он предоставил ей, кроме того, право собираться на соборе, управлять своими церковными делами. В случае нападения Лиги протестанты могли защищаться вооруженной рукой. Они остались, таким образом, государством в государстве, началом, хотя побежденным, но не безвредным, с которым рано или поздно должна была вступить в борьбу центральная власть. Эти уступки происходили, конечно, не из народной терпимости, вражда оставалась здесь в той же силе, они происходили из личного религиозного равнодушия Генриха. Этот характер Генриха откроется нам еще более из кратного обзора событий его царствования, его отношений к партиям и состояния дворянства. Между его ближайшими слугами мы почти уже не видим тех старых верных слуг, которые прежде сопровождали его на поле битвы; они живут в поместьях своих, король дружелюбно обходится с ними, но он окружен уже во всех делах своих лигистами, своими прежними врагами. Многие приписывали это великодушию: мы вправе отказать в нем Генриху, он действовал из одних расчетов. Трудно найти государя более неблагодарного: он сам говорил, что старых и преданных друзей незачем награждать, они и без того будут служить; надо привлекать и задабривать врагов. И в этом он действительно успел: он вверял лигистам государственные дела и пользовался их деятельностью для своих целей. Решительных и крутых мер по достижению престола он не любил употреблять. Он одолел остатки аристократической оппозиции денежными сделками; 30 миллионов — сумму огромную по тому времени — заплатил он французским аристократам за их покорность. Особенно дорого стала ему покорность герцога Меркёра (Mercœur) в Бретани, который долго оставался там независимым. Расписки в получении этих сумм сохранились доселе, их можем мы найти в 10-й книге записок Сюлли. В сущности, политика Генриха основана была на глубоком презрении к людям, но государство отдохнуло при нем от своих долгих страданий; раны, нанесенные междоусобными войнами, были отчасти залечены. Обыкновенно честь эту приписывают Сюлли (Sully), одному из немногих протестантов, сохранивших на него влияние; он был генерал-интендантом финансов, ему вверена была армия, надзор за путями сообщения и много других должностей. Смотреть на Сюлли как на великого финансового преобразователя и обладателя великих политических идей в наше время было бы странно. Вышедшие при нем постановления не обличают в нем высших государственных идей: но он был человек строгий, чрезвычайно бережливый, любивший порядок, введший самую строгую отчетливость в дела государственного управления, в этом отношении его можно сравнить с Жаком Кёром, заведовавшим финансами при Карле VII. Он приложил к государственному хозяйству простые начала управления частными доходами: но этою уже одною отчетливостью он оказал большие услуги государству; расходы перестали превышать доходы, расточительность короля была сдерживаема в пределах умным и строгим министром. Пути сообщения были улучшены, на земледелие обращено большое внимание. К концу царствования Генриха финансы Франции находились в лучшем состоянии, чем где-либо. Король сам очень заботился о благосостоянии подданных. Ему беспрестанно надо было сдерживать воспитанный смутами дух дворянства: дворяне помнили еще то время, когда они жили в феодальных замках, независимые от королевской власти. Войны Лиги, в которых самое существование королевской власти делалось вопросом, укрепили еще более это направление умов. Правители областей часто забывали обязанность подданных, входили сами в сношения с иностранными державами, и французский престол часто бывал в опасности потерять лучшие области, готовые отделиться. Привыкшие к войнам дворяне скучали миром и искали искусственных развлечений: мы упоминали уже, что в течение 16-летнего царствования Генриха IV, считая со дня вступления его в Париж, во Франции погибло более 4 тысяч дворян на дуэлях. Противники никогда не бились один на один: они приводили с собой человек десять приятелей, которые в качестве секундантов дрались также, сами не зная за что. Генрих должен был прибегать к строгим мерам, чтобы удержать эту

необузданность, и строгость эта доходила иногда до жестокости. Так, маршал Бирон, оказавший ему великие услуги, один из тех немногих католических офицеров, которые приступили к нему прямо по смерти Генриха III, считавшийся при этом личным его другом, подвергся смертной казни. В сущности, он был ничем не хуже других своих современников и так же, как они, позволял себе смело выражаться насчет короля, грозя отпадением, вел переписку с герцогом Савойским, в чем можно было уличить всех тогдашних начальников областей. Генриху надо было показать пример, который отвратил бы других от подобных дел: Бирон подвернулся ему под руку, и он велел ему отрубить голову.

Если в каждый век данное направление обнаруживается в литературе и жизни так, что часто образ мысли великих политических деятелей высказывается в одном из великих писателей эпохи, то мы, конечно, можем объяснить характер Генриха из сочинений Michel Montaigne, в высшей степени остроумного и скептического писателя. Во всякую эпоху, когда общество разделяется на две стороны, фанатически между собой спорящие, является средняя, равнодушная партия, к которой, с одной стороны, принадлежат люди смелые, не связываемые крайними увлечениями, с другой, — слабые, не способные ни к каким энергическим верованиям. Montaigne именно принадлежал к числу тех, которые равно оскорблены были и протестантским и католическим фанатизмом: но оскорбленный этими крайностями, он впал в совершенное равнодушие. На все горячие вопросы, раздававшиеся вокруг него, он отвечал однообразно и холодно *qu'en sais je?* Таков был и Генрих IV. Он не вынес из обеих партий никакого религиозного убеждения: для него политическая необходимость была высшим законом, ей одной он подчинял все свои действия; во всем остальном он был совершенно равнодушен, и может быть, это равнодушие короля слышалось чутко уху массы, несмотря на внешние его добродетели и те блестящие качества, которые способны были внушить к нему любовь в народе. Но и во всех этих его добродетелях и достоинствах было очень много эгоистического до самого конца его жизни.

В 1610 году Генрих IV стоял, бесспорно, во главе самого могущественного из государств Европы. 12 лет мира успокоили Францию; в ней было многочисленное воинственное и нетерпеливо ожидавшее новых подвигов дворянство. Отличная артиллерия, хорошо устроенные доходы, значительные запасы, и во главе стоял король, который, бесспорно, принадлежал к числу величайших людей той эпохи. Он решился вмешаться в дела Германии по поводу раздоров о наследстве княжеств Юлиха, Клеве и Берга. Затаенной его мыслью было унижение Австрийского дома за мир с Испанией. Фантастические планы о разделении Европы на несколько государственных систем едва ли могли зародиться в голове такой практической, как у Генриха, но они были ему представлены. Какие он имел тайные намерения, неизвестно, но он отправил уже войско и собирался отправляться сам, когда был убит Равальяком, безумным, полупомешанным фанатиком, на которого смотрели современники, как на орудие чьей-то другой, более дальновидной воли. Мы не вправе делать таких предположений, ибо во Франции те лица, на которые падало подозрение, не нашли достаточных улик. Во всяком случае, смерть Генриха была великим бедствием для Франции (13 мая 1610 г.).

Во главе ее осталась вдова короля, Мария Медичис, итальянка, женщина раздражительного и слабого характера, не внушавшая доверия народу, напоминавшая своим происхождением Екатерину Медичис: и ей-то должно было стать во главе государства, едва умирного и содержавшего в себе элементы новых раздоров.

Спрашивается теперь: в чем состояла заслуга Генриха? Народ недаром сохраняет воспоминания о знаменитых лицах своей истории. Если он был точно храбрый и воинственный государь, это и осталось в памяти народа. Франция была, бесспорно, ему обязана прекращением смут и примирением боровшихся элементов, именно вследствие того, что он не принадлежал ни к какой партии: это-то примирение сделалось задачей его жизни. Но способы его действия

и истинный характер уяснились только в наше время. Опасаясь возобновления смут, на подавление которых потрачена была вся его деятельность, он постепенно ослаблял все старинные французские учреждения, напомилавшие народу его прежнее государственное сознание; он перестал собирать государственные чины, старался ослабить муниципалитеты; все учреждения, в которых выражалась политическая жизнь народа до него, пришли прямо в упадок. Когда он умер, во Франции было только два элемента: с одной стороны, король, с другой, — народ.

Но между ними не было никаких правильных отношений. Вековые учреждения потеряли при нем свою силу. После смерти его раз были собраны чины: но это было уже последнее собрание их перед Французской революцией.

Обратимся теперь к царствованию Елизаветы Английской. (Нельзя указать в этом случае ни на одну хорошую монографию. Все, что можно найти лучшего здесь, мы находим в трудах Raumer (прим. См. Fr. Raumer. Geschichte Europas seit dem Ende des funfzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1832 - 1843.), в отделах его Новой истории и изданных им исторических документах, относящихся к царствованию Елизаветы.)

Елизавета вступила на престол в 1558 г. по смерти сестры, Марии Тюдор. Она провела первую свою молодость не радостно. Мать ее погибла на эшафоте; отец держал ее вдали, долго не признавая законной наследницей; в правление Марии она подвергалась опасности лишиться жизни, предстателем ее был Филипп. Но время это прошло для нее не даром. Она училась много и обладала умом, способным принять с пользой результаты науки. Сверх греческого и латинского она знала еврейский язык, ей известно было много европейских языков; она принадлежала не только к ученым женщинам, но, можно сказать, к ученым мужам. Когда она вступила на престол, ясно было, что она не имела еще правильных отношений к той или другой партии. Были причины, заставлявшие думать, что она готова была сделать католицизму некоторые уступки, если бы в дела ее не вмешался суровый и фанатический папа Павел IV, который принял явную сторону Марии Стюарт, объявил Елизавету незаконной дочерью и брак ее отца недействительным. Этим неосмотрительным поступком папы определились религиозные отношения Елизаветы: она стала во главе партии Кранмера, партии умеренных протестантов. Ревнителю католицизма были устранены от должностей. Акт, изданный при Марии, которым Англия возвращалась снова в лоно католической церкви, объявлен недействительным. Соборный в Лондоне собор из епископов подтвердил во всем волю королевы; обрядные книги, введенные при Кранмере, снова получили свое употребление. В 1562 г. издан акт однообразия, или единства, требовавший от всех подданных однообразия и единства веры; этот акт явно был направлен против католиков и диссидентов, протестантов, учение которых не согласовалось с общепринятым. Потом издано еще несколько положений в этом роде. Эти акты замыкаются актом парламента 1571 г., которым Англия окончательно объявлена протестантской. Но вместо 6 статей Генриха VIII мы видим здесь 36 статей, в которых высказано главное отличие англиканской церкви от католицизма и протестантизма. Приближаясь в догматическом учении к протестантизму, она внешней, обрядовой стороной примыкала еще к католицизму. В ней есть вообще нечто неопределенное, шаткое, и эта шаткость обнаруживалась постоянно в переходах к решительному протестантизму или католицизму. Королева Елизавета сверх того требовала, чтобы каждый член парламента, за исключением пэров, присягал в признании ее в качестве главы церкви. Такая присяга требовалась от всех главных сановников государства. Во все продолжение своей жизни королева строго смотрела за соблюдением этих положений, но она, во всяком случае, была гораздо строже к пуританам. «Католики ненавидели меня лично, говорила она, — пуритане ненавидят самую власть мою: они враждебны монархическому началу». И в самом деле, протестантские секты рано обнаружили в Англии это направление. Сект было в Англии чрезвычайно много: главными были — пуритане... пресвитериане шотландские,

многочисленные индепенденты, допускавшие полную неограниченную свободу религиозных мнений, допускавшие, что община должна сама управлять своими религиозными делами, наконец, много сект, переселившихся сюда из Европы, например, анабаптистов и т.д. Но при королеве Елизавете они не могли обнаружиться, ибо она строгостью своей сдерживала их; мы увидим, с какой страшной силой они обнаружились в следующем столетии.

Лекция 43 (28 Марта)

Мы остановились на царствовании Елизаветы, королевы Английской, и видели отношения религиозных партий в ее правление: мы видели, с одной стороны, католицизм, еще сильный числом своих приверженцев и религиозной ревностью, которая отчасти поддерживала самыми гонениями, но, с другой стороны, лишенный всякого политического влияния вследствие двух законов, из которых по первому — английские чиновники должны были давать присягу в том, что они признают главою церкви королеву, и по второму закону о единообразии запрещены были в Англии все отклонения от той формы протестантизма, которая принята была еще при Кранмере. С другой стороны, еще большим гонениям подвергались пуритане, о которых мы также упомянули, сходные с шотландскими пресвитерианами, ставившие церковь как исходящую от высшего начала, сверх государства, и потому не допускавшие светской власти в делах церковных. Но за этими пуританами стояли еще целые ряды более смелых в своих выводах сект; и мы видели, что королева не без основания ненавидела пуритан более, нежели католиков, ибо предвидела таившееся в них противомонархическое начало, хотя, собственно, не мягки были меры и против католиков: по самым верным счислениям, около 200 их пало при королеве. Наконец, сама англиканская церковь содержала в себе часть протестантских догматов с католическими обрядами, и к ней принадлежало большинство людей, нерешительных и робких, готовых признать всякую форму, принятую правительством. Мы увидим из дальнейшего изложения, до какой степени в царствование Елизаветы религиозные вопросы тесно связывались с политическими.

Известно, что при самом вступлении Елизаветы на престол папа Павел IV заявил враждебное расположение к ней: у нее была могущественная и сильная соперница, вдова Франца II, Мария Стюарт. Мария в глазах значительной части английского народонаселения имела более прав на корону, нежели Елизавета: рождение Елизаветы не всеми было признаваемо законным: вдобавок Мария происходила от старшей линии, она была внучкой старшей сестры Генриха VIII. За нее стояло католичество и французское правительство, видевшие в ее успехах собственные интересы. Мария приняла даже английский герб к своему по смерти Марии Тюдор. Но, когда умер супруг ее, Франц II, она должна была возвратиться на свою родину, и тогда ее отношения приняли другой характер. Трудно было встретить двух женщин, более противоположных между собой, как Елизавета и Мария: Елизавета провела тяжелую молодость в занятиях, свойственных мужчине, не раз даже жизнь ее подвергалась опасности; первую свою молодость Мария провела в наслаждениях парижского двора, ей открывалась самая блестящая будущность, когда смерть ее супруга переменяла отношения. Привыкшая к забавам изящного и легкомысленного двора, где все заботы снимали с нее ее дяди, Мария прибыла в Шотландию в трудную эпоху, когда там разгоралась Реформация. Начальником Реформации был здесь некто Нокс, уже упомянутый нами. Он превосходил самого Кальвина, учителя своего, жестокостью своего характера и непреклонностью убеждений: самые невинные забавы казались ему тяжким грехом; легко себе представить, как он оскорблен был формами двора Марии, хотя против нравственности ее трудно было бы сказать что-либо. С другой стороны, мало было стран, где бы Реформация казалась более необходимою, как в Шотландии: невежество католического духовенства здесь дошло до ужасных границ; многие безграмотные священники в простоте своего невежества порицали Новый завет, думая, что Лютер сочинил его. Кроме внутренних потребностей народонаселения, Реформация удовлетворяла здесь еще честолюбивым

стремлением дворянства, завидовавшего духовенству, которое, конечно, относительно других сословий было богаче в Шотландии. И среди этого-то разгара религиозных страстей стала юная королева, не подготовленная к такому порядку вещей, без политической опытности, привыкшая к другой сфере жизни, она должна была здесь растеряться и пасть.

Между нею и Елизаветой начинается переписка чрезвычайно замечательная: ясно из нее, что между ними обеими скрывается внутреннее нерасположение; у Елизаветы нерасположение носило характер зависти, она завидует красоте Марии, правам ее на престол, общей преданности к ней католической части народонаселения; Мария также расположена недружелюбно, она знает, что Елизавета пользуется всеми возможными случаями, чтобы очернить ее в глазах подданных и повредить ей. Переписка королевы и Марии, сделавшаяся центром для движения умов не только в Англии, но и во всей Европе, принадлежит к числу замечательнейших источников для истории второй половины XVI столетия (она издана на французском языке в 8 томах князем Лобановым-Ростовским, собравшим ее из всех европейских архивов). Некоторыми чертами ее мы воспользуемся, чтобы характеризовать ближе положение Марии Стюарт и отношение к ней королевы Елизаветы.

Скоро положение Марии Стюарт сделалось нетерпимым. Она решительно не могла держаться среди борющихся партий и хотела выйти замуж, чтобы опереться на мужскую руку; помехой ее здесь была Елизавета; без нее трудно ей было выйти, ибо Елизавета имела значительную протестантскую партию в Шотландии. Наконец, Мария вышла за Генриха Дарнлея отчасти с ведома, но без явного согласия Елизаветы. Этот брак был самым несчастливым для Марии: молодой король отличался только наружной красотой, но был человек очень обыкновенный, ограниченный и бездарный. Вскоре он глубоко оскорбил королеву: движимый безумною ревностью, он ворвался в ее комнату и убил у ног ее любимца ее, певца и музыканта Давида Ричио. Ричио находился действительно в близких отношениях к королеве и пользовался ее доверенностью, но он был человек пожилой и безобразный: королева употребляла его для своих тайных поручений, он был из числа тех итальянцев, которых так много рассеяно было тогда при дворах европейских. Но вскоре самого Дарнлея постигла трагическая судьба: королева не жила с ним, он жил в одном из предместий эдинбургских, Мария посещала его, но один раз, после того, как она уехала от него, дом, в котором он жил, был взорван на воздух. Кто бы ни был виновник этого, общее мнение указало на королеву и не без основания: конечно, не ей в голову пришла эта мысль, но она ею воспользовалась. Виновником дела был некто граф Ботвель (Bothwell), находившийся, действительно, в любовной связи с королевой. Вскоре он увез Марию, и это похищение сделано было так неловко, что, казалось, будто она сама этого хотела, и обвенчался с ней. Брак с Ботвелем при таких странных обстоятельствах вызвал негодование в целой Шотландии. Нравственное чувство народа было оскорблено. Проповедники реформы восстали с вящей силой против королевы-католички, позволявшей себе такого рода проступки. Кроме того, бароны шотландские смотрели с негодованием на Ботвеля, так счастливо возвысившегося из среды их. Результатом этого было всеобщее восстание: Ботвель, хотя сам по себе мужественный и смелый, не оказал в эту минуту энергии и талантов; он не дал даже битвы врагам своим, бежал, сделался пиратом, взят в плен датчанами и умер в темнице. Но Мария была также взята баронами в плен и заключена; побочный брат ее (прим. Речь идет о графе Джеймсе Мюррее (Murray), побочном сыне короля Якова V и леди Эрскин (см. J. Lingard. A History of England from the First Invasion by the Romans to the Commencement of the Reign of William the Third. London, 1851, v. VII, p. 356; v. VIII, p. 7), который с 22-августа 1567 г. по 22 января 1570 г. был регентом Шотландии (см. A. Labanoff. Op. cit., t. 2, p. 64; t. 3, p. 12)) был назначен правителем во время малолетства сына ее от Дарнлея.

Ей удалось бежать, еще раз собрать приверженцев, но она была разбита, и в 1568 году (прим. Здесь неточность: Мария Стюарт высадилась на английской территории в Уоркингтоне

(Workington) 16 мая 1568 г., после поражения шотландской католической партии в битве при Ленгсайте 3 мая 1568 г. (см. J. Lingard. Op. cit., v. VIII, p.14—15).) она должна была искать убежища во владениях врага своего — Елизаветы.

В совет Елизаветы было подано прошение относительно королевы шотландской: одни предлагали принять ее с почестями, приличными ее сану, но не держать эту опасную гостью и проводить ее в Париж; другие советовали великодушно восстановить ее на престоле, и третьи, самые ближайшие и мудрые советники, Вальсингам (Walsingham) и Бурлей (Burleigh), предложили как необходимость задержать ее в заточении; последний совет приняла и королева. 18 лет провела Мария в разных замках английских в более или менее тяжком заточении. Но здесь-то она и сделалась именно опасной. Пока она была на свободе, она не могла иметь большого значения: стесненная движением партии и увлекаемая собственными страстями, она прежде не могла стать во главе католического движения против Елизаветы. Теперь, когда несправедливость, ей оказанная, сняла с нее прежние преступления, католики смотрели на нее как на вождя своего. Во всей Европе не было религиозного движения, при котором не произносили бы имени Марии Стюарт. Мы видели попытку Дон Жуана Австрийского, который думал высадиться в Англии со своими войсками, свергнуть Елизавету с помощью католической партии и, женившись на Марии, овладеть короной. И таких попыток было много (прим. Имеются в виду, очевидно, заговоры Трокмортон (1584 г.), Парри (1585), Нортумберленда (1586 г.), Бебингтона (1586 г.) и др. (см. J. Lingard. Op. cit., v. VIII, p. 168—217)). В упомянутой переписке есть любопытное письмо, показывающее, как все стремления католицизма были тогда направлены к этой цели. Мы здесь находим целый план, составленный с ведома папы, в котором главную роль должен был играть уцелевший Мальтийский орден, один из великих средневековых орденов, посвятивший себя на борьбу с неверными. Он приглашался теперь католической властью употребить силы против протестантов, прибыть в Англию и в соединении с католиками восстановить Марию на престоле. В награду он должен был получить от королевы в собственное владение Ирландию: здесь был бы центр военных сил католицизма. Много было и других, менее фантастических планов, но все они не удались. Судилище, составленное из особых комиссаров, разбирало дела Марии с ее подданными. Разумеется, с юридической точки зрения, действия его были незаконны, сама Елизавета была убеждена в этом: но дело в том, что комиссары должны были найти все документы, способные очернить Марию. Найдены письма ее к Ботвелю, несколько стихотворений, обличавших ее страсть к нему, и довольно сильные улики ее участия в смерти Дарнлея. Но не только между католиками среднего и низшего сословия она возбудила судьбой своей пламенное участие, но и между высшими аристократами. Герцог Норфольк, один из первых аристократов, даже очень равнодушный к католицизму, увлечен был своим честолюбием и вошел в сношения с Марией; между ними найдена переписка, он был арестован и предан суду. Тогда в Англии открылось восстание: двое начальников его, Нортумберленд и Вентворд, провозгласили Марию королевой. Но они были разбиты, и Норфольк заплатил жизнью за это восстание. Эти неудачи, по-видимому, только раздражали католическую партию. В особенности сильно действовали здесь иезуиты. Изгнанные из Англии, они основали на материке училище, в котором воспитывали молодых дворян католических фамилий Англии, по возврате своем на родину поддерживавших католицизм. В этой-то школе в Дуэ, потом в Риме, воспитывались католические миссионеры, которые, переодетые, проповедовали старое учение в Англии и Ирландии. И не одними только словами действовали католики: было даже несколько покушений на жизнь Елизаветы. Документы показывают, что некоторые из них были известны Марии и нашли ее одобрение. Она, конечно, со своей стороны, может быть оправдана, но, во всяком случае, с другой стороны, и односторонние обвинения против Елизаветы, будто бы без причины казнившей Марию, не совсем справедливы (прим. Такие обвинения выдвигались еще современниками событий. Один из вождей английской католической партии, находившийся в эмиграции, кардинал Аллен, в 1588 г. обвинял королеву Елизавету в том, что она совершила убийства епископов и священников и королевы шотландской (см. G. Lingard. Op. cit., т. VIII, p.455)). В 1586 г. в

Англии получено было известие об опасных покушениях Филиппа II. Это заставило ускорить решение. Бурлей и другие предложили предупредить эту опасность казнью Марии. Несколько лордов и комиссаров отправились в замок, где находилась Мария, произнесли над ней приговор, наперед готовый: 8 февраля 1587 года Мария была обезглавлена. Смерть ее произвела сильное впечатление в Европе. Тогда все вспомнили о необыкновенной красоте ее, добродетелях, уме, забывая о ее проступках. Самые несчастья ее возбуждали сильное сочувствие и сожаление, хотя они большей частью были заслуженные, вызванные ее собственными проступками. Елизавета старалась сложить с себя вину и слишком нечестно наказала своего секретаря Дависона, будто бы слишком скоро поспешившего исполнить ее приказание, данное на всякий случай. Эта уловка, впрочем, не обманула никого. Но смерть Марии положила конец движениями католической партии в Англии: она осталась без вождя. Сын Марии, Яков VI, был еще очень молод, он был воспитан не в католицизме, показал небольшое участие в судьбе матери и, конечно, по личным талантам не мог стать во главе одной из партий.

Теперь нам остается сказать несколько слов о других событиях царствования Елизаветы. Известна судьба Непобедимой Армады, она погибла, конечно, не столько от неудачных битв, сколько от бурь: но война эта указала Англии настоящее назначение. Тогда-то явились все великие мореплаватели, которых можно назвать праотцами английского флота.

Многие из них, в сущности, были счастливые пираты, составившие себе огромные богатства грабежом испанских колоний и кораблей. Удачи эти возбудили в народе предприимчивость; корсары, которые в другое время подверглись бы строгости законов, сделались национальными героями. Чтобы познакомиться с бытом этих моряков, надо читать их биографии; стоит только указать, например, на биографию Дрека, одного из знаменитейших тогдашних моряков: в обыкновенное время он заслужил бы имя смелого, но жестокого, кровожадного и бесчестного пирата. Внешняя политика Елизаветы увенчана была самыми блестящими успехами. Ее в насмешку называли протестантским папой. И действительно, если папа был центром католического мира, то королева была центром протестантского; везде, где дело шло о движении протестантов, она помогала им и войском, и деньгами; она помогала и французским гугенотам, настолько, по крайней мере, чтобы задержать решительное торжество католицизма.

Зато не было королевы, которая была бы предметом такой всеобщей лести со стороны протестантской партии; король Генрих IV остался здесь верен своему характеру; он знал слабую ее сторону, знал, что, приближаясь в то время уже к 60 гг., она имела притязания на некоторую красоту; в присутствии посла Елизаветы Генрих вздыхал перед ее портретом; тот уведомлял королеву о вздохах французского короля как о важном деле. Вообще в ней было какое-то странное сочетание великих качеств с мелким тщеславием женским: она гордилась именем девственной королевы, до 70 лет считала возможным внушать пламенные страсти, щедро награждала за лесть в этом отношении. Внутри государства она водворила строгий порядок и благочиние, которых Англия дотоле не знала. Сокровища, отбитые у испанцев, побудили англичан к новым предприятиям: тогда-то начали они занимать земли в новом мире. Сэр Вольтер Рели открыл Виргинию. Здесь видим мы, как тогда с самыми практическими предприятиями соединялись фантастические цели: Рели отправился в Америку в надежде найти там Эльдorado, страну, преизобилующую драгоценностями, где золото валяется камнями; вместо того он нашел страну бедную и суровую — Виргинию, и табак. Он умел воспользоваться этими открытиями и показал Англии на всю важность колонизации в Америке. Великий мореплаватель, великий ученый, великий царедворец, он не остался чужд свойственных его веку слабостей: он писал исполненные нежной страсти стихи к королеве, которой было тогда около 70 лет; здесь он называл ее изящною нимфою. И можно сказать, что ловкая лесть не менее помогала ему при дворе, как и его великие заслуги. В истории народов вообще можно найти благоприятные эпохи, когда силы народа особенно напрягаются и талантливые личности являются во всех сферах: такова была для Англии эпоха Елизаветы. Вальсингам, Бурлей и

Бэкон принадлежали к числу главных ее советников, поэтами ее царствования были Шекспир и Спенсер. О мореплавании мы уже говорили. Сверх того в сфере торговли явились великие граждане: стоит только упомянуть о Грешеме, основателе Лондонской биржи в 1567 году. В 1600 г. была основана Ост-Индская компания, соединившая под своим владычеством более подданных, чем все королевство Англии. Королева сверх того имела своих любимцев, обязанных своим высоким положением не личным талантам, но достоинствам царедворцев: граф Лейчестер и пасынок его граф Эссекс, из которых последний имел, впрочем, некоторые дарования и таланты. Тщеславная и малодушная, когда дело шло о женских отношениях, Елизавета умела, однако, устранять их влияние на государство.

С парламентом она обходилась хорошо, но не допускала его вмешательства в свои дела и довольствовалась получаемыми от него 500000 фунтов стерлингов на покрытие издержек. Оратор парламента... был арестован за то, что подал смелый билль о пуританах. Но где были границы действий парламента, она не показывала.

Елизавета умерла в 1603 году, оставив Англию на высоте могущества. Преемником ее был назначенный ею сын Марии Стюарт Яков VI.